Чконников.

Время Екатерины II

в. 4

Д 35/160

243
3
72

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Д 35/160
136-3-115

СПЕЦІАЛЬНЫЙ КУРСЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ЛЕКЦІЯМЪ

ПРОФЕССОРА

В. С. Иконникова,

читаннымъ въ Университетѣ Св. Владиміра и въ высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ.

ВЫПУСКЪ IV.

КІЕВЪ.

1882.

Д 35/160 243-3-72

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

А 143/128

СПЕЦІАЛЬНЫЙ КУРСЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ЛЕКЦІЯМЪ

ПРОФЕССОРА

В. С. Иконникова,

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

читаннымъ въ Университетѣ Св. Владиміра и въ высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ.

ВЫПУСКЪ IV.

КІЕВЪ.

1882.

„Никогда не слѣдуетъ забывать, что употреблять услуги исторіи ради измѣнчивыхъ интересовъ партій значитъ оскорблять ее“.

Гастонъ Буасье.

Литографія Университета Св. Владиміра.

Лекція 34.

Положеніе вопроса о Пугачевщинѣ въ литературѣ. Долгое время пугачевская эпоха была менѣе извѣстна у насъ, чѣмъ даже за границею (Castera Hist. de Cather. II T. II, ch. 8), гдѣ о ней писали и въ общихъ сочиненіяхъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ.(1.) Правда, донесенія о ней Бы=

1.) Le faut Pierre III, ou la vie et les avantures du rebelle Temelian Pougatchew. D'après originale russe de Mr. J. S. G. W. D. B. Avec le portrait de l'imposteur et des notes historiques et politiques, A. Londre, chez C. H. Seyffert, 1775 г.; 2.) Leben und Abentheuer des berüchtigsten Rebellen Temelian Pougatschew, тоже соч. въ переводѣ съ франц. (Londre 1776 г.). Въ концѣ его приложены манифесты импер-цы Екатерины II и резолюція о казни Пугачева и его сообщниковъ, тоже съ портретомъ. Сочиненіе основывается на опубликованныхъ манифестахъ и объявленіяхъ правительства; 3.) Zuverlässige Nachricht von der Verrätherey und den Verwüstungen des Emelka Pugatschew nebst einer Beschreibung seiner Hinrichtung. Mit Kupfern. Schwabach 1775 г. in 8°; 4.) Bemerkungen über Esthland Liefland, Russland, nebst einigen Beiträgen zur Empörungs Geschichte Pugatschews während eines achtjährigen Aufenthalts gesamelt von einem Augenzeugen. Prag und Leipzig, 1792 г. съ весьма интересными замѣчаніями объ отношеніи пугачевщины къ состоянію крестьянъ. Авторъ прожилъ въ Россіи 8 лѣтъ. 5.) Leben, Thaten und Ende des berüchtigsten Rebellen Temelian Pugatschews. Franкf. und Leip=

бикова, по усмотрѣнію Екатерины II печатались уже въ Спб. Вѣдомостяхъ (за 1774г., Матер. Грота, I, 38), но большая часть свѣдѣній сохранилась въ строгой тайнѣ. Правительственныя сношенія происходили секретно (Пушкинъ 263), а послѣ смуты было запрещено даже упоминать о Пугачевѣ до самаго царст — ія импер. Александра I (Ист. Пугач. бунта, Пушкинъ, 51.) Впрочемъ, и послѣ

-zig 1807. In 8°. 6) Histoire de Pugatchew par Adélaide Horde, élève de conservatoire. A Paris 1809. Два тома — книга имѣетъ баснословный и фактическій характеръ. 7.) Tagebuch eines Französischen Officiers in Diensten der Polnischen Konfederation welcher von Russen gefangen und nach Sibirien verwiesen worden. Amsterdam 1776г. Это переводъ съ французскаго. Авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и успѣхахъ Пугачева, кн. полководца, о его войскѣ и проч. Даже сочиненіе Антинга, адъютанта Суворова, о его походахъ (3 тома, Гота, 1795-99) вышло первоначально за границею и потомъ уже было переведено на русскій языкъ (Спб. 1799г. Есть французск., англійск. голланд. переводы Catalogue des Russica, I, 44) Онъ безъ сомнѣнія пользовался и документами, не для всѣхъ тогда доступными, и личными сообщеніями Суворова.

1.) Правительственныя сообщенія есть и въ Московскихъ вѣдомостяхъ (о казни, 1775г. №4 Мордовцева, Самозванцы, I, 203)

2.) Въ 1774г. часть бумагъ (Панина) прошла черезъ руки кн. Щербатова, которому дозволенъ былъ доступъ во всѣ архивы и библіотеки (Матер. Грота, 3-4.).

этого, описанія событій пугачевщины не отличались особенными подробностями, даже въ сочиненіяхъ, спеціально относящихся къ этой эпохѣ (Дѣянія Екат. II Болотова, 1811 г. т. II; Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатер. II Г. Сумарокова, т. II 1832); Исторі. царств. Екатер. II Лефорта Спб. 1837 г., III). Книжка, изданная въ Казани подъ заглавіемъ „Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе", соч. Дмитрія Зиновьева (М. 1807 г.), есть не болѣе, какъ писаго извѣстнаго архимандрита Платона Любарского съ прибавленіемъ незначительныхъ подробностей о Пугачевѣ. А. И. Левшинъ въ своемъ „статистическомъ и историческомъ обозрѣніи уральскихъ казаковъ (1823) слегка коснулся и Пугачева. Въ Отечеств. Запискахъ 1824 г., издававшихся Свиньинымъ, была помѣщена „Оборона яицкой крѣпости отъ партіи мятежниковъ, описанная самовидцемъ въ 1774 г." (Ч. XIX, № 52, 53). Приступить въ то время къ спеціальному изслѣдованію этихъ событій было своего рода подвигомъ, тѣмъ не менѣе Пушкинъ предпринялъ такой трудъ и выполнилъ его (Спб 1834 г.) по своему времени и средствамъ вполнѣ добросовѣстно. Занимался въ архивахъ, собралъ правительственныя и частныя извѣстія, разсказы, побывалъ на мѣстѣ дѣйствія. Но онъ долженъ былъ убѣдиться въ невозможности выполнить свою задачу, какъ слѣдуетъ. Текстъ его книги занимаетъ одну пятую всего труда, состоящаго главнымъ образомъ изъ примѣчаній и приложеній. Изъ государственныхъ документовъ онъ воспользовался почти исключительно однѣми бумагами, принадле-

жащими архиву инспекторского департамента военного министерства и составляющими сравнительно только незначительную часть источниковъ для разработки этой эпохи. Въ государственномъ же архивѣ ему не удалось воспользоваться дѣломъ о Пугачевѣ (матер. для біограф. Пушкина, Грота, Рус. Вѣстн. 1862.), распечатаннымъ, впрочемъ, по вступленіи на престолъ имп-ра Николая I и приведеннымъ въ порядокъ послѣ того, кк. оно находилось въ подвалахъ, гдѣ едва не было истреблено наводненіями и временемъ. Въ приложеніяхъ и примѣчаніяхъ Пушкинъ помѣстилъ указы, рескрипты, письма и донесенія Кара, Бибикова, Панина, Письмо Екатерины II къ Вольтеру, вѣдомость о погибшихъ въ пугачевщину, лѣтопись Рычкова объ осадѣ Оренбурга (изд. Исакова 246—502), куда вошелъ и франц. журналъ осады, веденный въ губернаторской канцеляріи (128), письма, современные разсказы, преданія и пѣсни (156, 182 и др.); наконецъ ему извѣстны были записки объ этихъ событіяхъ Державина, Бибикова и Дмитріева и современный французъ: разсказъ дипломатическаго агента, находившагося, кк. кажется въ Петербургѣ (въ рукописяхъ стр. 126, 127—128, 140; впрочемъ записокъ Державина онъ не читалъ, іъ 140), матеріалы, собранные для словаря Б. Каманскаго (въ рукописи) и др. Но онъ не могъ распечатать процесса Пугачева, не имѣвъ на то самого надлежащаго дозволенія (Соч. Пушкина, замѣтки) и такимъ образомъ многія подробности и сцены этой эпохи оставались имъ неразъясненными и едва затронутыми. Встрѣтились также

затрудненія, какъ относительно напечатанія нѣкоторыхъ мѣстъ его труда (ib. письмо о печат. ист. 1834 г. Рус. Стар. I 162), такъ и относительно изданія портрета Пугачева (Рус. Стар. II, 640).

Матеріалы. Въ полномъ собраніи законовъ, вышедшемъ въ 1833 г. появилось нѣсколько оффиціальныхъ актовъ о Пугачевѣ (т. XIX особенно №№ 14, 230, излагающій исторію Пугачева по оффиціальнымъ данным). Ближайшіе затѣмъ сочиненія, касающіяся означенной эпохи, ограничиваются тѣми-же самыми свѣдѣніями (ист. цар. Екатер. II Лефорта т. III, 1837 г.; Дворъ и замѣч. люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII ст., Вейдемейера, 1846 г. гл. I). Въ другихъ изданіяхъ появилось небольшое собраніе матеріаловъ (27 писемъ Екатер. къ кн. М. Н. Волконскому, Москвит. 1845 IX 19–59, перепеч. въ соч. Екатер. II, изд. Сгрдеиным; записка полковн. Пекарского о бунтахъ яицкихъ казаковъ и о самозванцѣ Пугачевѣ, Москвитянинъ, 1841, VI 438–68; письма Мучнина къ Аксакову о Пугачевѣ, ib. II 483–85, свѣдѣнія о дѣйствіяхъ губерн. Грамматина въ Казани, ib. V № 9, стр. 26; о пребываніи Пугачева въ Моздокѣ въ 1771 г. Чт. М. О. И. 1848 I). Тѣ. было до царст.-ія импер. Александра II, когда свѣдѣнія наши объ этихъ событіяхъ, кн. и вообще о новомъ періодѣ рус. исторіи, значительно увеличились и подвинулись впередъ.

Въ Чт. М. О. И. 1858 (II), 1859 (III), 1860 (IV), 1864 (III) годовъ помѣщены были дополненія Болтинскаго, сочиненія, наставленія П. Потемкина слѣдовательно

и приговоръ надъ Пугачевымъ и его сообщниками, съ матеріалами, относящимися къ казни Пугачева; описаніе дѣйствій надъ Далматовскимъ мон-ремъ въ Пугачевщину (Чт. М. О. И. 1859 I), разсказы о Пугачевскомъ бунтѣ (1862, III) и др. Въ Пермскомъ сборникѣ напечатаны весьма интересные матеріалы о дѣйствіяхъ Пугачевцевъ въ Пермскомъ краѣ и въ Сибири, объ участіи въ этомъ движеніи заводскихъ крестьянъ, воззванія Пугачева и др. (т. I и II). Академикъ Я. К. Гротъ, занимаясь матеріалами о Державинѣ, извлекъ довольно полную серію матеріаловъ о Пугачевѣ въ Архивахъ: военно-топографич. депо и государственномъ куда перешла часть документовъ изъ другихъ прежнихъ архивовъ: старыхъ дѣлъ, московскаго сенатскаго архива, тайной экспедиціи. Они были напечатаны въ I, III и XXV т. записокъ акад. Наукъ и отдѣльно (1862, 1863, 1875 гг. Матер. для истор. Пугачевс. бунта). Нѣкоторые же матеріалы, относящіеся сюда и полученные авторомъ между прочимъ изъ частныхъ собраній, помѣщены при запискахъ и перепискѣ Державина (Собр. сочин. т. VI и VII) и въ Рус. Стар. (Пав. Сер. Потемкинъ — его переписка съ Екатер. II, 1870, II и XIII; о П. С. Потемкинѣ см. ст. Лонгинова въ Рус. Стар. т. IV 574). Въ этой послѣдней былъ напечатанъ также рядъ матеріаловъ о Пугачевѣ: „Главные пособники Пугачева" (по подлинному дѣлу), т. XVI (479, 607), письмо о злодѣяніяхъ Пугачева (X), о разореніи заводовъ (XII, 540), возмутительные листы (XIII, 272 и 440), увѣщанія духовенства (XVII, 392 о поимкѣ

Пугачева (XVI, XXVII); о его портретахъ и пр. (XVI, XVII, XXII); о Михельсонѣ (XV).

Въ русскомъ Архивѣ находимъ: переписку Цыплетева, Михельсона, Суворова (1873, 0451), письма Екатерины II къ Бидикову (1866, 388, 377) и письма ея къ Гримму (1878 III); письмо архіепископа Веніамина къ архимандриту Платону Любарскому (1871, 237), письмо Оборянки о злодѣяніяхъ Пугачева (X, 617) письмо гр. Н. И. Панина и Потемкина къ П. И. Панину (1876 II), манифесты Пугачева (1870), о казни его (1877 II), о поляхъ, служившемъ у Пугачева (1876 II), матеріалы въ защиту коленд. Бошняка (1879 г.), а въ сборникѣ XVIII вѣка напечатаны матеріалы о яицкихъ казакахъ въ прибалтійскомъ краѣ, о другихъ самозванцахъ, появлявшихся въ эту эпоху, о сношеніяхъ яицкихъ козаковъ съ Гр. Орловымъ; переписка Екатерины съ кн. Волконскимъ (болѣе полная, чѣмъ въ собраніи ея соч. т. I). Въ сборникѣ, печатавшемся при журналѣ „Заря", подъ заглавіемъ: „Памятники новой рус. исторіи", была помѣщена записка Маврина, составленная на основаніи показаній козаковъ въ 1774 г. по порученію П. С. Потемкина, который былъ уполномоченъ изслѣдовать ближайшія причины яицкихъ волненій и матеріалы, касающіеся послѣднихъ (т. II 251—85). Въ сочиненіи Г. Ковалевского: „Графъ Блудовъ и его время" помѣщена записка Блудова о самозванцахъ, являвшихся при Екатер. II въ Воронежской губ. Весь-

1). Переводъ писемъ, напечатанныхъ въ Сборн. Рус. ист. общ. т. XXIII.

на бумажные матеріалы находятся въ Сборникѣ Рус. истор. Общества — это 1.) оффиціальная переписка Екатерины II (т. XIII) и донесенія англійскихъ пословъ и посланниковъ (т XIX), въ которыхъ помѣщены донесенія Гаккинена, значительно дополняющія извѣстія иностранныхъ резидентовъ въ Россіи (его-же, Дюрана), помѣщенныя въ сборникѣ Тургенева (La Russie et les cent ans 279–94) и переписка Панинымъ, важная для уясненія періода пугачевщины и оцѣнки правительственныхъ взглядовъ, приводимыхъ отношеній и распоряженій во время подавленія возстанія (т. VI). Вполнѣ оффиціальный характеръ имѣютъ протоколы (въ извлеченіи) государственнаго совѣта, изданные въ архивѣ госуд. Совѣта (т. I, ч. I 1869, 431–58). Мѣстныя черты этого движенія и личныя впечатлѣнія переданы въ запискахъ современниковъ: Зибикова, составленныхъ его сыномъ (въ его переписк. М. 1865), Державина (М. 1860, изд. П. И. Бартенева, съ примѣчаніемъ; лучшее изданіе его, въ собр. соч. т. 6 и переписка Державина т. V и VI, въ прилож.), Мертваго (Рус. Арх. 1867 и отдѣльно), Болотова (въ Рус. стар. 1870–71 г. и отдѣльно, т. III), Берниха, [illegible] въ [illegible] и въ Арх. 1875, т. II; [illegible] были [illegible]

въ отдѣльныхъ разсказахъ (о помѣщикѣ въ Пугачевщину, Трубецкого, т. III; объ обращеніи съ помѣщиками и духовенствомъ Чт. М. О И. 1862 III 335—347 и др. Рус. Стар. 1870г. II 418; о женѣ Пугачева (Древн. и Нов. Рѣ 1878), а также въ письмахъ современниковъ, на которые мы указали выше (Ср. также Воронц. Арх. т. XVI 976). Мѣстными архивами городовъ — Саратова, Петровска и Царицына пользовался Мордовцевъ (въ своихъ очеркахъ: „Политич. движенія Рус. народа", I и „Самозванцы и низовая вольница", т. I и II).[1] Въ Уральскомъ войсковомъ архивѣ занимался разборомъ документовъ Витевскій (Уральск. Войск. вѣдомости 1873-75 г.г. Яицкое войско до появленія Пугачева Рус. Арх. 1879); Уральскимъ и Оренбургскимъ архивами пользовался Рѣбиниъ (земля Уральск. войска, 2 т. 1866). Къ=

1.) Они были извлечены въ 1858г. и позже Костомаровымъ и Мордовцевымъ. Кромѣ того онъ пользовался рукописями Публичной библіотеки и матеріалами, полученными отъ В. И. Маманского, И. С. Аксакова, Шишкиныхъ и др. (Самозванцы т. I, 143). Главное дѣло о Пугачевѣ хранилось въ Царицынѣ (въ 145) и занимало до 1600 листовъ (155). Архивные дѣла въ Саратовѣ принадлежали — конторѣ иностранныхъ поселенцевъ и магистрату (въ. 180, 196—200) Въ императ. публичной библіотекѣ находятся бумаги: о нападѣ яицкихъ безпокойствъ и ежедн. записка во время Оренбург. осады 1773, 87 листовъ; скоропись XVIII в. (изъ собранія Ѳролова); „Озлобленствахъ и бунтѣ разбойн. самозв Пугачева, сочин. П. Рычкова, спис. 1785г. въ Спб., 145 листовъ; краткій экстрактъ о башкирскомъ народѣ и др. статьи, писанныя для гр. П. И. Па=

которыя письма современниковъ, кромѣ указанныхъ, приведены въ сочиненіяхъ Мордовцева.

Есть народные разсказы объ этой эпохѣ; ими пользовался Пушкинъ, а также на нихъ указывали и другіе (Ср. у Мордовцева политическ. движ. рус. народа I, 157—167; Аристовъ, преданія объ историч. лицахъ и событіяхъ, Историч. Вѣстн. 1880, сент.; сообщ. Витевского на IV Археолог. съѣздѣ, перевед. Рамбо на франц. яз. и напечат. въ Revue Historique, T. VII 1878, Paris.).

Такимъ образомъ по настоящее время уже издано достаточно матеріаловъ объ этой эпохѣ, на основаніи которыхъ можно составить отчетливое представленіе о главныхъ ея событіяхъ и лицахъ, хотя самое дѣло Пугачева, въ его полномъ видѣ, еще ждетъ изданія. Въ этомъ отношеніи огромную услугу окажетъ изслѣдователямъ приготовляемое изданіе Москов. архива министерства юстиціи: „Документы о Пугачевѣ, изъ производства Оренбургскаго губернатора". Полное дѣло производства оренбург. губернатора 1772—75 г. о самозванцѣ Пугачевѣ, состоитъ изъ 14 томовъ и содержитъ подробныя свѣдѣнія о первоначальномъ появленіи и дѣйствіяхъ Пугачева отъ обнаруженія бунта

нина, въ 1774 г. 319 стр. и прибавл.; О Емельянѣ Пугачевѣ, отрывокъ, 19 листовъ скорописи 19-го в. Записки Обухова отъ 28 ян. 1773 — 28 март. 1774 по опис. рук. Толстого изд. IV № 13, 51 листъ (Самозв. т. I, 146—47). Въ Румянц. музеѣ: „Продолженіе времени 1774—1777", по описам. Востокова № 26 — это дневникъ Васильева (Мордовц 201).

до поимки самозванца. Въ этихъ книгахъ находятся такія свѣдѣнія, которыхъ еще вовсе не было въ печати и даже въ виду не одного изъ изслѣдователей о Пугачевѣ (Сбор. Археологич. института I, 81—84). Покойный Н. Н. Бантышъ Каменскій, завѣдывавшій московс. арх. мин. иностранныхъ дѣлъ, собиралъ бумаги о пугачевщинѣ и подарилъ ихъ тому-же архиву (см. біограф. Пугачева въ Слав. достопам. людей, Д. Н. Б. Каменского, сына предъидущаго IV, 231—253). Кромѣ того есть матеріалы въ мѣстныхъ архивахъ, отчасти уже извѣстные изслѣдователямъ, отчасти ожидающіе еще изданія (напр. собр. матер. о Пугачевщинѣ въ архив. Казан. университ.), и частные сборники матеріаловъ объ этой эпохѣ (напр. Пупарева составленный на основаніи архивовъ Казан. губ. и переданный въ редакцію Рус. Стар., см. Рус. Стар. 1870 г. т. II, 398).

Новыя изслѣдованія. Накопленіе матеріаловъ доставило возможность изслѣдователямъ значительно расширить предѣлы изслѣдованія объ этой эпохѣ. Въ 1865 г. П. Щебальскій могъ воспользоваться уже матеріалами, напечатанными въ изданіи Моск. Общ. Ист. и Пермскомъ сборникѣ (начало и характеръ Пугачевщины, Рус. Вѣст. 1865 г. и отд.); затѣмъ въ Рус. Вѣстникѣ, Рус. Словѣ, Отеч. Запискахъ и др. изданіяхъ появляются статьи Мордовцева (въ отдѣльномъ видѣ: самозван. и понизовая вольница I и II 1867 г. Политич. движен. рус. народа т. I, 1871 г.), пользовавшагося мѣстными и рукописными матеріалами. Матеріалами бывша-

го инспекторского департамента и военноученого архива главного штаба, въ которыхъ находятся донесенія начальствовавшихъ лицъ во время пугачевщины, а также дѣлами государственного арх., куда поступили матеріалы изъ архива военнотопографич. депо, представляющими собраніе до 229 бумагъ, воспользовался Д. А. Анучинъ, въ цѣломъ рядѣ статей, напечатанныхъ въ Рус. Вѣстн. подъ заглавіемъ „Дѣйствія Бибикова въ пугачевщину" (1872, № 6, 7 и 8) „Усмиритель Пугачевщины гр. П. И. Панинъ" (въ 1869, № 3-6), и „Дѣйствія Суворова въ пугачевщину." (1868, № 11) Недавно появился еще очеркъ, посвященный разсматриваемому вопросу: „Пугачевскій бунтъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ, Пензенской губ. судьи. Іоанна Бѣляева, Краснослоб. 1879 г. Наконецъ, мы имѣемъ рядъ статей, касающихся пугачевщины или ея главныхъ дѣятелей въ старыхъ и новыхъ изданіяхъ: „Оборона яицкой крѣпости отъ партіи мятежниковъ, описан. самовидцемъ (въ 1774 г. Отеч. записк., изд. Свиньинымъ ч. XXX, № 52 и 53) „Военныя дѣйствія Донцевъ противъ Девлетъ-Гирея и Пугачева", Сенютіна (Современ. XXVI), „Происшествія на Яикѣ", Д. А. Анучина, (Современ. 1862, XCII), „Яицкое войско", Рябинина (Рус. Вѣстн. 1862, XXVI, 1864, III) „Поѣздка въ г. Волскъ" Н. И. Костомарова (Памятн. книж. Саратов. губ. 1859) и „Очеркъ ист. Саратов. губ." его-же (въ 1858), „Графы Н. И. и П. И. Панины", съ приложеніемъ матеріаловъ П. П. Лебедева (Спб. 1863 г. Отеч. Зап.), „Державинъ и гр. П. И. Панинъ" (Спб. Вѣдомос. 1863 № 2 и 10), „Дѣятельность и переписка Державина въ время пу-

гачев. бунта", Грота (Ц. Зап. Ак. Н. т. II, отд., 1863, VII), „Братья Потемкины на Кавказѣ", Добровина (Рус. Вѣстн. 1875, № 11 и 12), „Два эпизода изъ цар—ія Екатерины II, бор. В. А. Волера (Рус. Вѣстн., 1870 и 1871 г.), „Передъ Пугачевскимъ бунтомъ" Добровина (Рус. Вѣст. 1881).

Взгляды на Пугачевщину, существующіе въ литературѣ. Вмѣстѣ съ обнародованіемъ значительного количества новыхъ матеріаловъ измѣняется и основная точка зрѣнія на Пугачевщину, кн. на историческое явленіе. Взглядъ на это явленіе, господствовавшій въ XVIII вѣкѣ, былъ крайне односторонен. На первыхъ порахъ пугачевщина казалась лишь „бунтомъ черни" (Матер. о Пугачевѣ Грота, I. 40–41), „разбоемъ", а Пугачевъ „воромъ и обманщикомъ" (письма Екатер. II къ Грим., Сборн. XIII, 431; даже въ 1788 г. см. дневн. Хропов. 160), но, уже назначая слѣдственную комиссію по этому дѣлу, Екатерина поручала узнать и настоящія причины движенія, охватившаго вскорѣ всю восточную окраину (матер., собран. Гротомъ, Рус. Стар. 1870 г. 400–402). Впрочемъ, это порученіе имѣло тогда спеціальный политическій смыслъ: правительство желало знать нѣтъ-ли здѣсь нитей придворной или иностранной интриги, а за границею тогдашніе публицисты почти были убѣждены въ существованіи этой послѣдней (напр. Вальтеръ). Однако пугачевщина, кн. явившись въ своемъ мѣстѣ, оказала весьма [illegible] вліяніе на послѣдующую внутреннюю дѣятельность

правительства и тѣмъ самымъ, кн. бы подкрѣпляла мысль о существованіи болѣе глубокихъ, внутреннихъ причинъ самого движенія. Гораздо труднѣе была въ этомъ отношеніи роль изслѣдователя, которому долгое время приходилось пользоваться односторонними или отрывочными матеріалами. Вотъ что замѣтилъ о положеніи историка этихъ событій еще Казанскій архимандр. Платонъ Любарскій, современникъ Пугачева: „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, сего вора всѣхъ замысловъ и похожденій не только посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историку порядочно описать едва-ли-бы удалось, потому что всѣ его затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли, почему и самъ Пугачевъ, думаю подробностей оныхъ не только разсказать, но нарочитой части припомнить не въ состояніи, поелику не отъ сего одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ, полной воли и удальства въ разныхъ вдругъ мѣстахъ происходили". (Соч. Пушкина, VI прилож. 491). Другой современникъ, Рычковъ, въ своей лѣтописи этихъ событій замѣчаетъ: „Исторія народовъ многіе примѣры представляетъ и даетъ намъ знать, что отъ слабости и невѣжества начальниковъ происходятъ часто неустройства, смятенія и гибель не только такихъ малыхъ обществъ, каково было и нынѣ есть Яицкое, но и большихъ городовъ, а иногда и цѣлыхъ областей (гв, 247). Но авторъ значительно съузилъ свою задачу, связавъ эти неудоволь-

ствія лишь съ положеніемъ и порядкомъ тогдашняго яицкаго войска, гдѣ получили начало эти событія. Такъ былъ взглядъ на это явленіе въ XVIII ст. Въ значительной степени эта, можно сказать внѣшняя, точка зрѣнія переходитъ и къ изслѣдователямъ XIX ст. (Слов. дѣят. людей Б. Каменскаго, IV, біограф. Пугачева). Пушкинъ въ исторіи пугачевскаго бунта, продолжаетъ считать Пугачева раскольникомъ (стр. 11) мнѣніе, господствовавшее въ XVIII в. (донесен. резидентс. Сборн. Р. И. О. XIX, 385), хотя оно было тогда-же отвергнуто достовѣрными данными (Ист. Пугачев. бунта, 136). Общее заключеніе его труда также нельзя признать вѣрнымъ. Онъ говоритъ: „такъ кончился мятежъ, начатый горстью непослушныхъ казаковъ, усилившійся по нерѣшительному неумѣнію начальства и поколебавшій государство отъ Сибири до Москвы и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ." (104) „Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцева, двухъ Потемкиныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина не должна быть затеряна для потомства" (прилож. 2). Такимъ образомъ на пугачевщину Пушкинъ смотрѣлъ, какъ на произведеніе яицкихъ смутъ. Но и такая точка зрѣнія долго казалась, даже лицамъ, близко знакомымъ съ исторіей и бытомъ края, слишкомъ преувеличенною — такъ, Желѣзновъ, въ своемъ возраженіи на исторію Пушкина, всю вину разсматриваемыхъ событій выдвигъ исключительно въ обманъ Пугачева (Отеч. Запис. 1856, №9); напротивъ этого

взгляда прямо говорятъ оффиціальныя показанія яицкихъ козаковъ и признаніе тогдашнего слѣдственного комиссіею, что сочувствіе козаковъ Пугачеву хотенилось въ совершенномъ положеніи яицкого войска, возмущенного безконечными слѣдствіями и притѣсненіями и потому они не входили въ оцѣнку дѣйствій Пугачева, хотя и знали его замыселъ, а напротивъ въ его предпріятіяхъ видѣли для себя возможность избѣжать притѣсненій и несносныхъ денежныхъ поборовъ (Матер. собр. Протопъ, В. III, 96, 98). Лебедевъ (бывшій профес. Николаев. Акад. генер. штаба) въ своей монографіи „Графы Панины", въ которой онъ наложилъ много чрезчуръ густыхъ тѣней на дѣятельность обоихъ братьевъ при Екатеринѣ II, высказалъ мысль, что если Пугачева и не былъ выдвинутъ впередъ именно партіей недовольныхъ царедворцевъ, подобно тому, какъ первый самозванецъ былъ выставленъ партіей недовольныхъ бояръ, то все-таки партія недовольныхъ желала также воспользоваться смутою для того, чтобы опутать императрицу своими сѣтями, и назначеніе П. И. Панина для подавленія возмущенія было результатомъ этой интриги; но вызовъ Потемкина изъ Дунайской арміи не допустилъ болѣе печальныхъ послѣдствій. Въ своемъ мѣстѣ мы разсмотримъ роль Паниныхъ во время Пугачевщины; но нельзя не замѣтить, что таинственныя нити этого замысла не могли коснуться ни по самому характеру настоящаго движенія, ни по образу мыслей участника въ усмиреніи бунта — П. И. Панина. Впрочемъ авторъ біографіи

Пониныхъ, по своей задачѣ, не имѣлъ въ виду касаться самого движенія.

Благодаря новымъ матеріаламъ, появившимся въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, въ нашей литературѣ, П. К. Щебальскій (Русскій Вѣстникъ 1865 г.), въ своемъ очеркѣ: „Начало и характеръ Пугачевщины", могъ уже болѣе коснуться самыхъ причинъ послѣдней и вѣрнѣе выяснить общій ея характеръ. Указывая на положеніе яицкого войска и недовольство раскольниковъ, кн. главный элементъ движенія, авторъ довольно обстоятельно касается ихъ значенія и степени участія въ событіяхъ; но не упускаетъ также изъ виду положенія края вообще и участія въ движеніи крестьянскаго населенія и инородцевъ. Онъ первый обстоятельно развилъ мысль объ отношеніи къ пугачевщинѣ раскола. Эта мысль вовсе не останавливала на себѣ вниманія Пушкина, хотя онъ называетъ даже самого Пугачева раскольникомъ (Начало и характеръ пугачевщины 99). Съ другой стороны Щебальскій готовъ допустить участіе въ этомъ дѣлѣ французской политики, интриговавшей противъ Россіи въ Турціи и значительно содѣйствовавшей возбужденію первой турецкой войны, и польской интриги, способствовавшей одновременному появленію самозванки Тарокановой, находившейся въ свитѣ Радзивила и старавшейся войти въ сношенія съ римскимъ дворомъ и портой, которые поддерживаются матеріа=

лали архивы министерства иностранныхъ дѣлъ (дѣли цесарскія за 1774г.); а въ маѣ 1774г. въ Константинополь пріѣзжалъ секретарь Радзивила, Козановскій съ цѣлью расположить порту къ принятью Радзивила въ Константинополь, такъ-же появляется и одинъ изъ Пулавскихъ; но когда война съ Турціею получила благопріятный для Россіи исходъ, то посѣщеніе Радзивила было отложено, а Пулавскому дано содержаніе и позволено поселиться въ Деломтикѣ. Французскій резидентъ въ Петербургѣ, Дюранъ, не скрывалъ своего злорадства по поводу ужасныхъ происшествій (99—101). При первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева, графъ. Ал. Орловъ, находившійся въ то время въ Италіи, выразилъ увѣренность, что онъ агентъ французскаго двора, а пребываніе кавалера Тотта, одного изъ агентовъ французскаго правительства, среди бунтовщиковъ татаръ подало поводъ Вольтеру подозрѣвать, что онъ „разыгрываетъ эту фарсу." Екатерина отвѣчала Вольтеру: „До сихъ поръ нѣтъ причины заключать о его (Пугачева) сношеніяхъ съ заграничными правительствами", а у Пугачева дѣйствительно спрашивали потомъ не находился-ли онъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Онъ отвергъ это, а изъ донесеній-же русскихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ: прусскомъ (который былъ даже заподозрѣнъ Екатериной), венскомъ и парижскомъ не видно, что-бы существовали, какія либо сношенія между ними и Пугаче=

выль (іб 7—8). Слѣдовательно инициатива въ этомъ дѣлѣ имъ не могла принадлежать, хотя подобныя политическія возбужденія, сопровождаемыя даже насиліемъ (какъ въ дѣлѣ Синклера) не представляли чего либо невѣроятнаго въ то время. Само собою понятно, что косвенныя вліянія и здѣсь могли имѣть мѣсто; но они возникли независимо отъ того. За границею весьма интересовались Пугачевымъ, какъ это видно по количеству его біографій; нѣкоторые — не приписывали ему даже таинственное знатное происхожденіе безъ котораго казалось тогда немыслимымъ подобное предпріятіе (Histoire de Pougatchew, par Adelaide Hode. Paris 1809.).

Д. Мордовцевъ смотритъ на пугачевщину, какъ на явленіе вполнѣ самобытное, возникшее на русской почвѣ, благодаря тѣмъ общественнымъ и экономическимъ условіямъ, какія существовали въ то время въ Россіи „Лично Пугачевъ могъ быть чьимъ угодно произведеніемъ; наконецъ могъ быть просто однимъ изъ тѣхъ самозванцевъ, которыхъ и до него, и послѣ него было достаточно; но самая пугачевщина со всѣми ея послѣдствіями была порожденіемъ всей Россіи и результатомъ ненормальнаго состоянія всего глобальнаго ея государственнаго строя" (Самозв. и понизовая вольница, 1867, I, 99). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще такъ: „Событіе это было вызвано не какою либо интригою, не махинаціями отдѣльныхъ личностей, недовольныхъ существовавшимъ

лишь порядкомъ вещей, не явленіемъ наконецъ Пугачева, а единственно лишь неотвратимостью закона возмѣздія (Политич. движ. рус. народа т. X., 1871, 5–6. Д. А. Анучинъ обратилъ главное вниманіе на ходъ событій и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, которыхъ и посвящены его очерки (Зибиковъ, Панинъ, Суворовъ въ пугачевщину, Русскій Вѣстникъ, 1868–1872). Но въ своемъ изслѣдованіи онъ отмѣчаетъ, что въ началѣ бунтъ имѣлъ характеръ казачеського движенія и только по переходѣ на правую сторону Волги онъ принимаетъ уже преимущественно характеръ крестьянского движенія, причемъ отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ и духовенства къ расколу придаютъ этому движенію опредѣленныя черты (Русскій Вѣстникъ 1869, № 6, 364–67). Касаясь окончанія смуты, онъ приписываетъ большое значеніе дѣйствіямъ Панина и даже называетъ его спасителемъ отечества (386), несмотря на то, что изъ собственного его изложенія нельзя вывести такого широкого заключенія относительно дѣятельности этого лица. Въ другую крайность впалъ Мордовцевъ, который возражая на это мнѣніе автора игнорируетъ уже всѣ другія причины, ослабившія движеніе и выражается категорически, „что если нужно кого назвать усмирителемъ Пугачевщины, такъ это голодъ. Вообще-же усмирителемъ пугачевщины не былъ никто, а всего менѣе графъ Панинъ." (Политическ. движе. рус. народа, I, 416).

Мы не позволимъ себѣ дѣлать здѣсь преждевременныя заключенія. Матеріалы по этой эпохѣ далеко еще не всѣ изданы, а многіе обѣщаны въ непродолжительномъ времени. Съ своей стороны мы воспользуемся наличными данными и постараемся представить возможно полную картину означеннаго движенія, причемъ воспользуемся и тѣми указаніями, какія были высказаны уже о немъ въ нашей литературѣ, и отмѣтимъ въ своемъ мѣстѣ тѣ изъ нихъ, которыя, по нашему мнѣнію, имѣютъ право на вниманіе, или же представляютъ поспѣшный выводъ и недостаточно вѣское основаніе.

Лекція 35.

Очеркъ происхожденія и устройства Яицкаго войска до Екатерины II. Несомненно, что начало и главный элементъ пугачевскаго движенія кроется въ событіяхъ, происходившихъ до того на Яикѣ и въ тамошнемъ козачьемъ войскѣ. Еще Рычковъ, близко стоявшій къ этимъ событіямъ, сдѣлалъ такое заключеніе. „Отсюда какъ изъ жерла, или изъ горловины произошли такія великія злодѣйства, которыя не только городъ Оренбургъ немало колебали, но далѣе оного произвели великія дѣйствія."

Подробный очеркъ исторіи Уральскаго войска не можетъ входить въ нашъ планъ; но мы коснемся ея настолько, на сколько она относится къ нашей задачѣ.

Яицкое войско обязано своимъ началомъ донскимъ козакамъ, которые поселились здѣсь въ небольшомъ числѣ въ концѣ царствія Ивана Грозного; къ нимъ постепенно присоединялись русскіе изъ разныхъ городовъ и татары изъ Крыма и съ р. Кубани (Разборъ извѣстій у Витевского, Древняя и Новая Россія 1879г. II.; и Рус. Арх. 1879г., I 279-288, Ур. В. Вѣдом 1869, № 20 и д.) Изъ русскихъ это были поселенцы восточной Россіи, московскіе, самарскіе стрѣльцы, симбирскіе крестьяне, самарскіе дворяне, подъячіе и казаки, московскіе и нижегородскіе посадскіе люди и т. п.; встрѣчаются также запорожскіе казаки, казаки гребенскіе и горскіе черкесы, сибирскіе калмыки, астраханскіе, казанскіе, крымскіе и туруханскіе татары, мордва, чуваши, вотяки. Но особенно много вошло въ составъ яицкого войска государственныхъ, помѣщичьихъ и монастырскихъ крестьянъ, тяготившихся своими невзгодами. Здѣсь селились иногда плѣнные шведы, поляки, нѣмцы, финны, башкиры, турки, а послѣ Петра Великого сюда поступаютъ киргизы, калмыки и кизилбаши (персы). Таковъ былъ контингентъ этого, вѣками сложившагося, новаго общества. Но едва-ли не преобладающій элементъ составляли въ немъ помѣщичьи крестьяне отъ которыхъ произошли извѣстныя впослѣдствіи въ уральскомъ войскѣ фамиліи: Акутиныхъ, Мизиновыхъ, Бородиныхъ. Здѣсь-же поселились и участники бунта Разина. Сюда стекались люди наиболѣе предпріимчивые и закаленные въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями жизни, а такими преимущественно были помѣщичьи кре=

стья, дававшіе наибольшее число бѣглыхъ. Сами яицкіе казаки считали себя свободнымъ населеніемъ. Поэтому здѣсь вовсе не требовалось строгое выполненіе обычая, существовавшаго въ другихъ казацкихъ обществахъ, какъ напр. вступающій долженъ быть непременно христіанинъ и давать обѣтъ безъ пощады истреблять бусурманъ, а обращая въ христіанство плѣнныхъ, яицкіе казаки предоставляли добровольнымъ поселенцамъ оставаться въ ихъ вѣрѣ (Ур. В. Вѣд. 1869 № 23) Не разъ мѣнялось мѣстоположеніе главного поселенія казаковъ. Полагаютъ, что сначала оно находилось у Голубого городища, потомъ у Кирсановскаго форпоста (85 верстъ отъ Уральска) и только съ половины XVII в (Ур. В. Вѣд. 1869 г. № 20) возникаетъ нынѣшній Уральскъ при устьѣ р. Чагана, впадающей съ правой стороны въ Уралъ (прежній Яикъ). Главными занятіями жителей было скотоводство и рыболовство, хлѣбъ-же выменивался на рыбу, клей и икру, а недостатокъ его и другихъ средствъ къ жизни пополнялся такъ называемымъ "промысломъ" или грабежемъ на Каспійскомъ морѣ и въ кочевьяхъ киргизовъ и калмыковъ. На Уралѣ сохранились преданія о походахъ казаковъ даже на Волгу, подъ начальствомъ атамановъ Нечая и Шалая, далеко неудачныхъ; а въ 1614 г. они приняли у себя Заруцкого и Марину Мнишекъ, при помощи которыхъ былъ повѣшенъ и атаманъ казаковъ Заловѣнъ, а другіе участники этого бунта разосланы по тюрьмамъ. До царствія Михаила Ѳедоровича яицкіе казаки были вольными, но теперь они просились принять ихъ на службу, получили утвержденіе на р. Яикъ со всѣми угодьями

и право принимать къ себѣ вольныхъ людей, а царь опредѣлилъ имъ годовое жалованье. И въ 1620г. они участвовали уже въ походахъ противъ крымскихъ татаръ. Права казаковъ на эти земли подтверждались и послѣдующими государями. Это не мѣшало имъ дѣлать обычныя нападенія на русскихъ и принимать даже участье въ бунтѣ Ст. Разина. Построеніе городковъ и появленіе въ нихъ русскихъ отрядовъ много стѣсняло свободу казаковъ. Такъ, возникновеніе Гурьева городка[1] отрѣзывало казаковъ отъ Каспійскаго моря, а потому онъ не разъ подвергался со стороны ихъ грабежу. Послѣ разинскаго бунта московское правительство (1670г.) подчинило яицкое войско казанскому приказу и обязало его службою внѣ его предѣловъ. Во время персидскаго похода Петра Великого возникаетъ крѣпость св. Креста, гдѣ казаки обязаны были нести постоянную службу (Витевскій 428). Владѣніе землею у яицкихъ казаковъ изстари было и осталось по нынѣ общинное (Витевскій, Рус. Арх. 1879, I, 426). Внутреннее устройство яицкой общины было заимствовано оттуда, откуда вышли первые ея основатели — донскіе казаки. Всѣ члены ея были равны между собою, а правленіе было выборное. Власть распредѣлялась между атаманомъ, старшинами и войсковымъ кругомъ. Послѣднему, какъ древнему вѣчу, принадлежали важнѣйшія дѣла. Наканунѣ со-

1.) Есть указаніе о существованіи этого городка еще до поселенія казаковъ. Онъ былъ основанъ купцомъ Гурьевымъ съ торговою цѣлью во время господства здѣсь татаръ Ур. З Вѣд. 1869г. №68

бранія круга, одинъ изъ приближенныхъ атамана, въ богатой одеждѣ и на богато-убранной лошади, разъѣзжалъ по городу и приглашалъ на слѣдующій день въ кругъ, при чемъ заказывалъ не пить вина. Собраніе происходило передъ войсковою избою, на площади, окруженной перилами. Къ народу выходилъ атаманъ въ сопровожденіи старшинъ и излагалъ дѣло. Отвѣтъ „любо" или „нелюбо" рѣшалъ послѣднее. Подобные-же круги собирались и въ полѣ. Въ случаѣ несогласія и споровъ народъ раздѣлялся на двѣ стороны и видимое большинство давало рѣшеніе. Грамотность не была распространена на Уралѣ (Витевскій 419. Описаніе одежды уральскихъ казаковъ, Уральцы Желѣзнова; II, 19. Ур. В. Вѣд. 1869, № 18; Витевскій, Рус. Арх. 1879, I, 302). Сроковъ службы должностныхъ лицъ не было, а потому недовольствіе противъ нихъ иногда приводилось въ исполненіе на мѣстѣ, во время собранія круга. Такъ съ 1685—1723 г. казаки смѣнили 12 атамановъ (они перечислены у Анучина — „Происшествіе на Яикѣ въ 1772 г.", Современникъ 1864 г. № 4 и у Витевского, 303. Замѣчательно что имена ихъ всѣ были великорусскія). Тѣмъ не менѣе казаки все чаще начинаютъ принимать участіе въ общихъ дѣлахъ Россіи. Съ конца XVI в. до царст-ія Петра Великаго они были почти во всѣхъ походахъ (Рус. Арх. 1879 г. II, 422—24). Но Булавинское возмущеніе въ Астраханскомъ краѣ и измѣна Мазепы заставили Петра Великаго обратить вниманіе на восточную Украину. Яицкое войско, состоявшее въ вѣдѣніи казанскаго приказа, съ учрежде-

ніемъ сената, переходитъ въ вѣдѣніе этого послѣдняго, иностранной коллегіи и наконецъ военной коллегіи (1729); въ дѣлахъ неуголовныхъ и при взаимныхъ недовольствіяхъ они были подчинены астраханскому губернатору (1720), а въ дѣлахъ политическихъ (слово и дѣло) отсылались даже въ Москву, гдѣ подлежали обыкновеннымъ розыскамъ. При Екатеринѣ I и Аннѣ Ивановнѣ атаманъ Григорій Меркурьевъ былъ сдѣланъ пожизненнымъ атаманомъ, пока не былъ смѣненъ за злоупотребленіе. Въ 1744г. яицкіе казаки были переданы въ вѣдѣніе Оренбургского губернатора (П. С. З. I, 3,616, V–VI, 3,472; 3,750; 3,694; Ур. В. Вѣд. 1869, № 68. Витевскій, ibid; статьи Рябинина и Анучина; соч. Рябинина „Уральское казац. войско", т. I и II).

Подчиненіе казаковъ военной коллегіи, по мнѣнію Пушкина, Рябинина, Анучина и другихъ было первоначальною причиною волненія на Яикѣ; но Витевскій справедливо указываетъ, что еще задолго до этого, когда казаки находились въ вѣдѣніи казанского приказа, недовольные распоряженіями атамана и его партіи обращаются съ жалобами, а еще чаще съ доносами въ Приказъ, а оттуда посылаютъ для разслѣдованія дѣла фискаловъ и сыщиковъ, которые увеличиваютъ внутренніе раздоры. Еще при Петрѣ Великомъ шли доносы съ Яика, что атаманъ Меркурьевъ не хочетъ выдавать бѣглыхъ крестьянъ, между прочимъ Меншикову, и грозилъ перебить тѣхъ, кто не соглашался принять ихъ; вопреки послѣднимъ онъ велѣлъ всѣхъ ихъ зачислить въ казаки.

На него доносили также что онъ сыпается даже съ хивинскимъ ханомъ. Во главѣ партіи недовольныхъ стояли Мироновъ и Тарташевъ, который писалъ доносы въ Казань. Многихъ изъ обвиняемыхъ вызывали сюда и подвергали продолжительнымъ допросамъ, въ которыхъ они потеряли почти все свое имущество, но еще тяжелее было положеніе казаковъ отъ слѣдствій на Яикѣ. На первыхъ-же порахъ слѣдственная комиссія обошлась казакамъ до 2,000р.. Послѣ этого на Яикѣ тянется цѣлый рядъ разорительныхъ слѣдствій, пока не удалось казакамъ добиться личного объясненія съ Петромъ Великимъ и заявить ему о своихъ бѣдствіяхъ. Новая комиссія теперь должна была разслѣдовать злоупотребленія по предыдущимъ розыскамъ. Дѣло это тянулось даже по смерти Петра Великого; но еще при немъ Меркурьевъ былъ утвержденъ въ званіи войскового атамана, а Захаровъ уполномоченъ казнить смертью главного виновника доносовъ Тарташева, другихъ зачинщиковъ велѣно было сослать въ Сибирь, опредѣливъ въ казаки. По переписи, произведенной тогда-же Захаровымъ, оказалось, что всѣхъ казаковъ яицкого войска было 6,124 человѣкъ мужескаго пола. Теперь они были разбѣлены на сотни и десятки; имъ было назначено опредѣленное жалованіе /1500р. и по осьмикъ хлѣба на человѣка /[1], а Меркурьевъ былъ пожалованъ портретомъ Екатерины I, золотымъ ковшомъ, саблею и 100р. деньгами.[2] Но имъ не были довольны, какъ

1./ Годныхъ къ службѣ, которыхъ считалось 3,196 человѣкъ.
2./ Онъ былъ изъ дворцовыхъ крестьянъ Сѣвскаго уѣзд. Ур. в. 3 1819, №2

мовьколь, преслѣдовавшимъ свои корыстныя цѣли, и это выразилось, между прочимъ, въ посягательствѣ на жизнь Захарова. Въ новой регламентаціи войска казаки увидѣли нарушеніе своихъ правъ и свободы. Они говорили уже другъ другу: „Живите, братцы, пока Москва не узнала" и во время самой переписи больше 2½ Эчел. бѣжало, а 88 г. показаны были упершими. Перерожденіе войскового атамана съ 1723 г. зависѣло отъ верховной власти. При новыхъ требованіяхъ военной коллегіи, казаки заявляютъ, что они имѣли жалованную грамоту отъ Михаила Ѳедоровича, что-бы казачью службу служить по своему обыкновенію, а во всемъ остальномъ оставаться неприкосновенными. Они отвѣчаютъ, что не бывало тому, чего не бывало при нашихъ дѣдахъ и отцахъ, и что яицкое войско населилось вольными людьми (ib. 420).

Не смотря на принципъ равенства, существовавшій въ первоначальной организаціи яицкого войска, здѣсь повторилось то-же явленіе, что и въ другихъ его прототипахъ — донскомъ и малороссійскомъ казачествѣ. Подъ вліяніемъ экономическихъ условій въ немъ стала выдѣляться старшина, основывавшая свое преимущество на богатствѣ; она прибирала постоянно земли недостаточныхъ казаковъ, а ихъ нанимала служить за себя. Такъ образовались двѣ партіи: атаманская или старшинская и народная. Первая въ своихъ интересахъ примыкала къ требованіямъ правительства, почему и стала называться „согласною". „Несогласные" начинаютъ жаловаться на произвольныя дѣйствія

атамана: онъ посылаетъ ихъ на продолжительную службу, на Кавказъ, гдѣ многіе умираютъ; принимаетъ въ казаки бѣглыхъ, отъ которыхъ получаетъ взятки и т. п. Самъ Меркурьевъ не разъ побывалъ въ Петербургѣ, а потомъ и его сынъ (Илья) становится атаманомъ. Меркурьеву удалось оправдаться; ему велѣно было возвратить помѣщичьихъ, монастырскихъ и Государовыхъ крестьянъ (1731). Но пригуральныя степи, особенно большого и малого Иргизовъ, Калмыцкія, Ишней, Чары, Узеней и Самары, гдѣ теперь встрѣчаются только одни пни, въ то время были еще покрыты непроходимыми лѣсами и служили постояннымъ притономъ бѣглыхъ (Ор. В. Вѣд. 1870, № 20). Тягость военной службы заставляла казаковъ дорожить пришлымъ населеніемъ, которые на первыхъ порахъ подчинялись всѣмъ требованіямъ войска. Невозможность справиться съ выселеніемъ бѣглыхъ и фискальныя соображенія заставили правительство прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, что-бы преградить имъ сюда доступъ. Военныя команды насильно выводили ихъ отсюда (1727 г.); имъ обѣщали записать въ службу въ Оренбургъ, если они явятся добровольно (1736), но потомъ, когда набралось ихъ много, то разбили ихъ на партіи и разослали подъ конвоемъ, а на владѣльцамъ были выданы зачетныя, рекрутскія квитанціи. Въ Сызрани и Самарѣ были устроены постоянныя заставы для наблюденія за пріѣзжавшими обозами на Яикъ, что-бы въ они возвращались обратно

(Рябининъ, I, 50). Сюда въ большомъ числѣ являлись раскольники, противъ которыхъ предпринимаются гоненія гражданскою и духовною властью. Въ концѣ цар-ія Анны Ивановны жалобы противъ Меркурьева и его сыновей получаютъ обширные размѣры; но на сторонѣ атамана стояло 88 старшинъ. Не смотря на прибытіе новаго слѣдователя, волненія не унимались, а иногда оканчивались даже убійствомъ, въ чемъ старшины обвиняли „несогласныхъ" т.е. народную партію, во главѣ которой стоялъ теперь Логиновъ. Эта партія съ своей стороны послала въ Петербургъ посредниковъ и атаманъ временно былъ устраненъ отъ должности. Его вліяніе однако не столь было сильно, что его сторону поддерживалъ даже Татищевъ, которому выражено было за это неудовольствіе отъ Кабинета. Слѣдствіе же открыло злоупотребленія атамана, въ выдачѣ жалованья, хлѣба и сѣнахъ на 12,355 р., въ присвоеніи вмѣстѣ съ старшинами назначенного войску вина. Но и Логиновъ былъ обличенъ въ присвоеніи 450 р.; такимъ образомъ оба они поплатились высылкою въ другіе яицкіе города, какъ виновники смуты, но за ними было оставлено званіе старшинъ и сложены съ нихъ денежныя взысканія, во вниманіе къ ихъ прежней службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство постановило (1740 г.), что-бы атаманы избирались съ этого времени изъ трехъ кандидатовъ, представляемыхъ войскомъ, чтобы выборы были приходо-расходныя

шнуровыя книги,[1] за печатью, а военная коллегія должна была собрать свѣдѣнія о казакахъ и представить новый проектъ управленія войскомъ. Но народная партія не уставала въ своей борьбѣ съ притязаніями старшины и требованіями высшей власти, а со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, покровительствовавшей прежнимъ порядкамъ и въ Малороссіи, всѣ постановленія предшествовавшаго правительства были отмѣнены (Рус. Арх. 1879, I, 443).

Дѣятельность И. И. Неплюева. Съ открытіемъ Оренбургской губерніи (1744г.), яицкое войско было подчинено ея губернатору И. И. Неплюеву, извѣстному въ исторіи колонизаціи юго-восточного края Россіи. Въ слѣдъ затѣмъ (въ концѣ 1745г. и въ половинѣ 1748) правительство снова обратило вниманіе на устройство этого края (Рус. Арх. 1879г., I, 443), а Неплюевъ (въ концѣ 1748г.) посѣтилъ Яицкій городокъ. Онъ нашелъ его достаточно укрѣпленнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что „казачьи вольности нынче пообузданы," и атаманъ съ старшиною не боятся дѣлать по указамъ даже противъ мнѣнія „круга;" а вмѣстѣ съ тѣмъ вывелся обычай смертной казни, назначаемой прежде за малыя вины; теперь наказывали только плетью. Онъ предлагалъ проектъ новой организаціи яицкаго войска, съ опредѣленнымъ штатомъ должностныхъ лицъ, жа-

---

1) До сихъ поръ счетная часть велась на словахъ или на лоскуткахъ бумаги, которые легко могли быть уничтожены. Витевскій, 441.

лованіемъ[1], кругомъ обязанностей /напч. въ Рус. Архивѣ, 1878г., II/. Казацкому-же кругу предоставлялось право лишь совѣщанія по своимъ домашнимъ дѣламъ; онъ предлагалъ ввести вмѣсто наемной — очередную службу, чтобы правильнѣе распредѣлить ее въ войскѣ, которая впрочемъ до послѣдняго времени, то возстановлялась, то отмѣнялась. Неплюевъ хлопоталъ улучшить бытъ казаковъ, распространить грамотность, сберечь лѣса, расширить улицы, завести пожарные инструменты, ввести отчетность въ доходахъ и расходахъ, разрѣшить покупку вина прямо съ заводовъ за извѣстную плату въ казну. Вѣдомости о суммахъ должны были ежегодно сообщаться въ оренбургскую канцелярію. Онъ поставилъ въ условіе избранія въ должность — грамотность и побудилъ завести школы. Подъ страхомъ смертной казни онъ запретилъ магометанскимъ мулламъ распространять ихъ ученіе. Яицкое войско явилось теперь оплотомъ противъ вторженія киргизовъ и прихода калмыковъ на лѣвую сторону Урала, отъ которыхъ ему такъ много доставалось въ теченіи XVIII ст. Они угоняли скотъ отъ казаковъ и мѣшали торговымъ сношеніямъ по Каспійскому морю. Потому при Неплюевѣ началось укрѣпленіе нижнеяицкой линіи. Но у казаковъ возникаютъ и свои

1.) Въ прежнее время войску было назначено: 4,138р. и 1598 четв. хлѣба, 100 ведеръ вина или до 5,000р. Рычковъ, II, 86—87.

недовольствія съ астраханскими промышленниками. Правительство отдало послѣднимъ на откупъ казенный учугъ, который былъ устроенъ въ 5 верстахъ отъ Гурьева (изъ бревенъ), для загражденія выхода рыбы изъ Каспійскаго моря, и говорятъ, что рыба въ такомъ большомъ количествѣ собиралась здѣсь, что ее приходилось разгонять пушечными выстрѣлами. Просьба казаковъ о предоставленіи имъ этого учуга была удовлетворена еще въ 1746 г., но имъ удалось также избѣжать поселенія здѣсь казанскихъ драгунъ, и сакарскихъ дворянъ, какъ предлагалъ это Татищевъ. Вмѣсто этого казакамъ позволено было селиться ниже яицкого городка, возлѣ урочищъ Калмыковъ-Яръ и Кулагинъ-Яръ, съ тѣмъ, что-бы они устроили здѣсь крѣпости, содержали въ нихъ команды (по 500 чел.) и охраняли границу отъ калмыковъ и киргизовъ. Постепенно по этой линіи возникаетъ рядъ форпостовъ (до 20) и устраиваются высокіе маяки, которые зажигались при появленіи хищническихъ шаекъ. Съ 1753 г. Гурьевъ былъ включенъ въ составъ Уральскаго войска. Неплюевъ позаботился за ново укрѣпить его палисадомъ и батареями, вооруженными чугунными пушками и мортирами. Еще въ 1737 г. яицкіе казаки (черкасского рода) положили основаніе Илецкому городку, который былъ заселенъ преимущественно волжскими инородцами, а теперь снова укрѣпленъ и вверенъ надзору яицкихъ казаковъ. При этомъ Неплюевъ обязалъ ихъ не дѣлать напрасныхъ на-

лебеней на киргизовъ и не мѣшать имъ кочевать. Казаки-же, для облегченія службы, стали устраивать по всей линіи хутора. Время управленія Кеньгова было самымъ спокойнымъ въ исторіи Яицкого войска, такъ какъ въ своихъ распоряженіяхъ онъ всегда обращался къ мнѣнію большинства и охотно передавалъ на обсужденіе круга свои предложенія. Но непріятности для войска возникли съ другой стороны.

Церковный вопросъ на Яикѣ. Въ числѣ бѣглыхъ людей сюда все болѣе стали прибывать раскольники скрываясь отъ жестокихъ преслѣдованій свѣтской и особенно духовной власти. Казанскіе архіепископы (Гавріилъ 1736 г.) противодѣйствовали выбору священниковъ самими казаками, а въ особенности, когда во главѣ духовенства являлись такіе ревнители своихъ правъ, какимъ былъ Лука Конашевичъ, хотя и воспитывавшійся въ Кіевской Академіи, но придававшій слишкомъ большое значеніе двоеперстному сложенію, которому слѣдовали на Яикѣ. Однажды онъ отказалъ въ посвященіи нѣсколькимъ лицамъ сразу за подобное отступленіе и добивался, чтобы право назначенія духовенства на Яикѣ было предоставлено ему самому. Въ Яицкомъ городкѣ существовала особенная раскольническая слобода — Шацкая имѣвшая свой монастырь. Правительство поручило произвести здѣсь розыскъ въ 1741 г. и узнавъ, что на Яикѣ находится много раскольниковъ назначило новое разслѣдованіе и учрежде-

ло монастырь. На требованіе же военной коллегіи о высылкѣ всѣхъ бѣглыхъ (въ 1746 г.) Неплюевъ доказывалъ, что для пользы края имъ необходимо оставить на мѣстѣ, признавая всю важность „военного корпуса" казаковъ, который, чѣмъ мѣднѣе, тѣмъ лучше и дѣло было оставлено; между тѣмъ пойманный на Дону старецъ Варѳоломей объявилъ, что множество раскольническихъ старцевъ и старицъ (болѣе 200) живетъ на Яикѣ. Тогда начались новые розыски, которые грозили принять значительные размѣры, если бы слѣдователь — протопопъ не взялъ съ казаковъ взятку въ 140 р. Изъ допросовъ Варѳоломея обнаруживается, что уже въ это время яицкіе раскольники имѣли постоянное сношеніе съ раскольниками, жившими въ предѣлахъ Польши (нар. Вѣтки) и въ виду опасности хотѣли пробраться на Кубань. Тогда отъ Неплюева потребовали въ Петербургъ энергическихъ мѣръ. Поэтому въ 1753 г. была составлена специальная комиссія въ Оренбургѣ, которая предприняла въ Яицкомъ городкѣ новое разслѣдованіе, поддерживаемое военною силою и неограниченными полномочіями. Пойманныхъ раскольниковъ высылали опять въ военную коллегію въ Нижегородскую консисторію или въ каторжныя работы въ Оренбургъ (до 144 чел.); многіе томились подъ арестомъ, замерзли въ степи или уморили себя голодомъ въ заключеніи. Многіе изъ нихъ скрывались на островахъ по Яику: Кошъ-Яикъ и др. Но сыскныя команды вскорѣ перем-

ли за предѣлы яицкого войска: на р.р. Чижи, Иргизы и др., гдѣ было пойманно до 243 чел., а всѣхъ вообще прикосновенныхъ къ дѣлу насчитывали до 484 ч. (Соловьевъ XXIII, 223). Неплюевъ всѣми средствами желалъ „не распространять слѣдствія" и предлагалъ по возможности меньше высылать изъ предѣловъ войска, онъ совѣтовалъ дѣйствовать увѣщаніями. Однако всего покорилось необходимости не болѣе 40 чел., многіе же изъ высланныхъ въ сыскной приказъ, не смотря на угрозы пытками, оставались вѣрными своимъ мнѣніямъ. Преслѣдованіе продолжалось до 1756 г., причемъ изъ яицкого войска выслано было въ Оренбургъ еще 105 чел. Неплюевъ рѣшился ограничиться лишь лишеніемъ званій, выговорами, арестами и въ крайнемъ случаѣ болѣе легкими тѣлесными наказаніями, ссылаясь на ихъ закоснѣлость, слабость и глубокую старость. Но Лука Жанашевичъ не уставалъ въ своихъ мѣрахъ; онъ хотѣлъ основать на Яикѣ особое духовное правленіе (Ур. В. Вѣд. 1878 г. № 19), которое могло бы безпрепятственно производить розыски съ полною отставныхъ солдатъ; онъ хотѣлъ замѣнить всѣхъ священниковъ на Яикѣ присланными изъ Казани. Онъ предлагалъ Неплюеву обязать въ предстоящій постъ всѣхъ ходить въ церковь, исповѣдаться и пріобщаться, принудивъ къ тому даже подъ охраною команды съ офицеромъ, причемъ, что-бы были замѣчены и записаны всѣ тѣ, кто выполнитъ эти требованія и кто уклонится отъ нихъ. Съ этою цѣлью предпола-

галось даже воспретить на время отлучки изъ Яицкого городка, но благоразумный взглядъ Неплюева на управленіе не могъ примирить его съ подобными средствами и онъ отложилъ требованіе архіерея, сдѣлавъ ему лишь нѣкоторыя уступки. Онъ старался даже внушить ему, что хотя и есть указы, опредѣляющіе мѣры относительно невыбывающихъ у исповѣди и причастія, но здѣсь дѣло касается не одного и не двухъ человѣкъ, а цѣлого общества (Рус. Арх. 1879 г., II 415–416). Яицкое войско все таки думало избѣжать переписи и послало было въ Казань въ подарокъ архіерею 400 р. и хотя онъ отказался отъ нихъ, но архіерейскіе чиновники и дворецкіе его взяли деньги (120 р. и ружье красного дерева), впрочемъ ничего не сдѣлавъ въ пользу казаковъ. Неплюевъ въ своихъ донесеніяхъ въ военную коллегію сообщилъ всѣ письма архіерея и требовалъ точныхъ инструкцій, не желая брать на себя отвѣтственности, что-бы въ такомъ невѣжественномъ народѣ конфузіи не учинить, причины не подать къ побѣгу или къ такому отчаянію, какъ въ недавнихъ годахъ въ Исетской провинціи случилось, что сами себя жгли (Ур. В. Вѣд. 1870 г., № 32, и Рус. Арх. ib 416). Зарекшись мнѣніемъ атамана Меркурьева, Неплюевъ писалъ и архіепископу, что его требованія въ разсужденіи тамошняго народного состоянія кажется несходно, что всего вдругъ исполнять неудобно и едва-ли возможно, „а по мнѣ прибавляетъ онъ полезнѣе и надежнѣе легкими сред-

ствами, одно за другимъ потравляя, все въ надлежащій порядокъ привести." (ib 417). Онъ соглашался, основываясь на мнѣніи атамана, на присылку въ войско нѣсколькихъ ученыхъ священниковъ, а еще прежде, вмѣстѣ съ архіепископомъ, признавалъ необходимымъ завести въ Яицкомъ городкѣ школу. Послѣ длинныхъ переговоровъ о вознагражденіи священниковъ, архіепископъ рѣшился было ихъ назначить, но войско, узнавъ объ этомъ воспротивилось такому небывалому способу замѣщенія духовныхъ мѣстъ. Неплюевъ совѣтовалъ ему дѣйствовать постепенно, притомъ, что-бы вновь присланные священники ничего не вымогали за требы и не употребляли въ отношеніи къ людямъ страха, но дѣйствовали-бы проповѣдью, какъ въ томъ и состоитъ ихъ званіе (Ур. В. Вѣд. 1870, № 33, ib. 419). Такъ дѣйствовалъ одинъ изъ немногихъ оставшихся еще въ живыхъ „птенцовъ" Петра Великого.

Между тѣмъ Лука Конашевичъ изъ объясненій съ духовенствомъ узналъ, что въ церковныхъ службахъ на Яикѣ почти все совершается согласно съ раскольнишными обычаями, и что у исповѣди и причастія были весьма немногіе, которыхъ обычно мѣстное духовенство старалось оправдать разными благовидными предлогами. Тогда онъ рѣшился назначить на Яикъ новыхъ священниковъ, хотя и невидно привелъ-ли онъ это въ исполненіе. Неплюевъ въ своихъ отзывахъ объ яицкихъ казакахъ отдавалъ преимущество смышленности и честности нѣкоторыхъ изъ

ная, бывшая однако въ расколѣ (какъ Бородины) Убѣжденная доводами Неплюева и въ виду опасности отъ башкирскаго бунта, поднятого муллою Батырщею Алкевымъ, (враждебнымъ Россіи) и имѣвшаго всѣ признаки борьбы за вѣру Магомета, который стремился охранить и магометанское населеніе Приволжія (Вирсовъ „Иногод. насел. въ новой Россіи до 1762 г. 210), Военная коллегія прекратила свои настоянія относительно преслѣдованій. Лука Конашевичъ даже по отзыву духовныхъ лицъ, близкихъ по времени и прекрасно знавшихъ тамошній край, любилъ дѣйствовать и въ отношеніи инородцевъ утѣсненіями и насиліями, забиралъ дѣтей у татаръ въ христіанскія школы, вторгался въ ихъ среду съ крестными ходами и т. п., такъ что едва не произвелъ всеобщаго смятенія въ краѣ (отзывъ Платона Любарскаго въ ист. казан. іер.; Правосл. Собесѣд. 1858, III, 498, ст. о Лукѣ Конашевичѣ), вслѣд. чего, а также и вслѣдствіе частныхъ несогласій (несогласій) его съ свѣтскими властями (конечно и съ Неплюевымъ) правительство вынуждено было перевести его въ Бѣлогородскую епархію (1755 г.), чтобы предварить тѣмъ всеобщее смятеніе (въ 209, Ср. Пр. Соб. 1868, № 8, 103).

Иначе долженъ былъ дѣйствовать Неплюевъ, смотрѣвшій на Яицкое войско, какъ на единственную защиту русскихъ интересовъ на восточной Украинѣ (Рус. Арх. 1879 г., т. II).

<u>Внутреннія несогласія на Яикѣ</u>. Между тѣмъ въ уральскомъ войскѣ снова возникаетъ

серьезная борьба между атаманомъ и старшинами съ одной стороны и казаками народной партіи" — съ другой. Вначалѣ царствованія Екатерины II она привела къ слѣдствію, которое было поручено генералу Потапову и которое окончилось лишеніемъ атамана Богодина и его сторонниковъ — старшинъ, и взысканіемъ съ нихъ въ пользу казаковъ значительной суммы (3, 387 р.). Такимъ образомъ судъ снова былъ выбранъ выборнымъ изъ казаковъ, а на мѣсто лишенного атамана велѣно было выбрать трехъ кандидатовъ „вольными голосами"; общія войсковыя дѣла были поручены войсковому кругу. Строго воспрещены были всѣ частныя презенты знатнымъ персонамъ, для которыхъ сбирали иногда съ казаковъ лошадей, тулупы, кибитки и т. п. Такъ наз. „наемка" была уничтожена и всѣ должны были нести службу по очереди (Указъ 15 дек. 1765 г.)[1.]

1.) Въ запискѣ капитана Маврина, составленной на основаніи показаній казаковъ въ 1774 г., казаки жалуются, что они должны были уплачивать чужный и соляной откупъ въ размѣрѣ 10,409 р. и разныхъ поборовъ собиралыхъ атаманами въ годъ до 30,000 р., въ которыхъ они не давали никакого отчета. Кромѣ того они не выдавали или аккуратно жалованія и дѣлали разныя притѣсненія. Въ это время всѣхъ казаковъ съ женами и дѣтьми насчитывали до 10,000 чел. Памят. нов. рус. ист. II, 257–294, съ приложеніемъ челобитныхъ императрицѣ.

Сломивъ произволъ старшины, казаки хотѣли воздать должное возлюбіе атаману и его сторонникамъ. Къ этому присоединились тайныя интриги этой партіи, затруднявшія введеніе новыхъ постановленій. Вскорѣ однако событія приняли такой опасный характеръ, что правительство поспѣшило отправить туда отрядъ драгунъ подъ начальствомъ ген. Чернова, который употребилъ въ дѣло даже пушки: многіе были перебиты, другіе ранены. Казаки повиновались, но съ отъѣздомъ Чернова (1766г.) это небывалое еще на Яикѣ событіе возвело новый взрывъ негодованія противъ старшины. Введеніе паспортовъ и назначеніе на службу въ Кизлярѣ еще болѣе усилило движеніе среди войска. Но какъ трудно было успокоить волненіе видно уже изъ того, что вновь выбранный атаманъ, Петръ Талдовцевъ нашелъ за покровительствовать той-же старшинѣ и не заботится даже о взысканіяхъ съ нея положенныхъ штрафовъ. Снова казаки рѣшаютъ отправить въ Петербургъ депутатовъ съ ходатайствомъ о своихъ нуждахъ. А между тѣмъ Потемкинъ предложилъ въ концѣ 1769г. образовать казачій легіонъ въ Москвѣ (Потемкинскій) изъ отрядовъ отъ всѣхъ казацкихъ войскъ, причемъ на долю Яицкого войска приходилось поставить 334 чел. изъ молодыхъ и здоровыхъ людей, которые и должны были явиться на мѣсто на счетъ войска. Отъ легіонаровъ требовалось сбрить бороды, носить особую

В. Шкаликову

форму и вести регулярный строй. Понятно, какъ должно было это подѣйствовать на послѣдователей раскола, къ которому принадлежало яицкое населеніе. Тогда-же явились депутаты отъ войска въ Петербургъ, съ просьбою освободить ихъ отъ службы въ легіонѣ и развивать о предполагавшемся обращеніи казаковъ въ регулярные полки, то президентъ военной коллегіи, гр. Чернышевъ распорядился обрить ихъ бороды и отослать ихъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ; но всѣ они съ дороги сами <u>наѣхали</u>. Тогда всѣ казаки собрались идти въ Петербургъ, чтобы хлопотать тамъ объ отмѣнѣ легіонной службы, а атаманъ сдѣлалъ донесеніе о бунтѣ на Яикѣ. Въ половинѣ 1770 г. начались розыски и пытки казаковъ, окончившіяся для нѣкоторыхъ смертью. До 400 чел. содержалось подъ арестомъ, но ихъ вскорѣ должны были выпустить; другихъ, отправленныхъ въ Оренбургъ, освободили насильно. Казаки не слушали больше набатнаго колокола, отъ поставки на службы очередныхъ отказались и разбѣжались по хуторамъ. Уступки, сдѣланныя правительствомъ относительно легіоновъ (на 2 г., не брить бороды) и наказанія виновныхъ въ притѣсненіяхъ казаковъ, мало помогли и вотъ въ концѣ 1770 г. послѣдовала совершенная отмѣна легіонной службы.

<u>Яицкое войско передъ Пугачевщиной</u>

Въ это время казаки были необходимы на са-

лонъ Яикъ. Калмыки, кочевавшіе въ низовыхъ степяхъ Астраханской губ. на лѣвомъ берегу Волги, собирались (подъ начальн. хана Убаши) въ полномъ составѣ откочевать въ предѣлы Китая, а въ началѣ Января 1771г. они стояли уже на берегахъ Урала. Одинъ авангардъ этого переселенія состоялъ изъ 10,000 чел. Въ 1771г. ихъ откочевало въ Азію болѣе 30,000 жителей (Мордовцевъ, Самозванцы, 127 и д.)[1]

Вотъ какія обширныя переселенія возможны были еще въ этомъ краѣ. Чтобы удержать калмыковъ отъ этого движенія необходимо было содѣйствіе казаковъ. Правительство опасалось движенія со стороны другихъ инородцевъ, а между тѣмъ война съ Турціей не позволяла принять противъ нихъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Поэтому губернаторамъ астраханскому, оренбургскому и сибирскому поручено было употреблять всѣ средства для возвращенія или истребленія калмыковъ въ степяхъ. Въ тоже время пришлось озаботиться приведеніемъ въ порядокъ крѣпостей на Яикѣ. Но, только когда калмыки успѣли перейти Уралъ, въ погоню за ними былъ двинутъ отрядъ яицкихъ казаковъ. Одинъ отрядъ калмыковъ, разбитый казаками, былъ возвращенъ назадъ. Между тѣмъ въ средѣ яицкихъ

1.) По вину завѣдывавшаго калмыцкимъ народомъ [illegible] става Бимбаева. Вообще число откочевавшихъ [illegible] вало до 100,000 человѣкъ, Ханковъ, Зап. [illegible]

казаковъ снова возгарается борьба партій поддерживаемая неуплатою почти половины жалованія, которая привела въ Мартѣ 1771г. къ заговору (до 1000 чел.), съ цѣлью перерѣзать всѣхъ старшинъ. Но заговоръ былъ открытъ, а затѣмъ послѣдовали новые пристрастные розыски. Въ концѣ 1771г. для умиротворенія края прибылъ въ Яицкій городокъ генер.-майоръ фонъ-Траубенбергъ, а для производства слѣдствія капитанъ гвардіи Дурново. Но оба они склонились на сторону старшины и потому не могли достигнуть цѣли. Тогда изъ Уральска отправлены были новые депутаты въ Петербургъ, которымъ поручено было обратиться къ графу Орлову и Воронцову. Но по возвращеніи въ Уральскъ, депутаты (во главѣ которыхъ былъ сотникъ И. З. Кирпичниковъ) были арестованы. Въ началѣ 1772г. казаки стали собираться на площади, совершать моленіе за побѣду народа надъ врагами его и грозили расправиться съ послѣдними. Наконецъ образовалась цѣлая толпа въ 3,000 чел., которая, будучи предводима духовенствомъ съ образами, направилась къ Траубенбергу и Дурново. Произошли стычки и драки на улицахъ, началась по всему городу стрѣльба. Траубенбергъ былъ изрубленъ, а Дурново тяжело раненъ, Тамбовцева чуть живого вытащили на дворъ, разрѣзали ему грудь и вынули у него сердце, нѣкоторые старшины были избиты, или умерщвлены, арестто-

ванные освобождены, многіе дома разграблены. Всѣхъ убитыхъ въ теченіи одного дня насчитывалось до 60 чел., изъ которыхъ 40 было казаковъ. Послѣ этого „кругъ" выбралъ новыхъ судей, принадлежавшихъ къ народной партіи. На другой день были казнены главные виновники, затѣмъ еще нѣсколько дней продолжались убійства, направленныя противъ служившихъ въ войсковой канцеляріи. Въ войсковую канцелярію назначены были новыя лица. Но Андрей Бородинъ остался невредимъ.

Расправившись со своими врагами, народная партія почувствовала, однако, опасенія, и вотъ она спѣшитъ задобрить щедрыми презентами власти въ Оренбургѣ, Казани (архіепископа Веніамина) и Петербургѣ. Но уже въ Мартѣ 1772 г. туда былъ отправленъ изъ Москвы съ пѣхотою и артиллеріею генералъ-маіоръ Фрейманъ. Тогда войско рѣшилось защищаться и даже вступило въ сношенія съ киргизами. Передъ вступленіемъ войска противъ Фреймана, отслуженъ былъ также молебенъ, о покореніи и преодолѣніи враговъ Яицкаго войска. 3 іюня 1772 г. произошелъ бой между казаками и отрядомъ Фреймана, а въ то-же время калмыки зажгли степь. Но казаки не выиграли отъ этого ничего. Новые сборы войска не удались, другіе оставили Яицкій городокъ и съ своими семействами уѣхали въ хутора. Тогда войско рѣшило отправить большую депутацію (1,000 чел.) въ Петербургъ

Между тѣмъ Фрейманъ, занявъ Яицкій городокъ, арестовалъ до 40 главныхъ виновниковъ и отправилъ ихъ въ Оренбургъ, а вскорѣ всѣ тюрьмы, подвалы были переполнены казаками. Послѣ этого (въ Мартѣ 1773 г.) былъ изданъ указъ, которымъ были уничтожены войсковая канцелярія и кругъ, а управленіе войскомъ было вверено комендантской канцеляріи, во главѣ которой были поставлены комендантъ и трое старшинъ. Между тѣмъ слѣдствіе, производившееся въ Оренбургѣ имѣло весьма печальный результатъ для заключенныхъ: около 130 чел., послѣ жестокихъ пытокъ, поплатилось жизнью, 1000 казакамъ были отрублены носы и уши. Многіе казаки разбѣжались въ отдаленные хутора и уметы (постоялые дворы въ степи, Ср. Арх. госуд. Сов. 431—435). Зачинщики бунта были наказаны кнутомъ и заклеймены, около 140 чел. сослано въ Сибирь; другіе отданы въ солдаты, остальные прощены и приведены вторично къ присягѣ. Но эти средства не успокоили казаковъ. Они стали тайно собираться по отдаленнымъ хуторамъ, вспоминая свои вольности, и въ озлобленіи на новые порядки, говорили: „то-ли, братцы, еще будетъ, тяжелѣ-ли мы тряхнемъ Москвою?" (Витевскій, Яицкое войско, Рус. Арх. 1879, III, 458). Сбѣгченники винили правительство за отношеніе къ казакамъ и въ особенности [illegible] коллегіи, гр. З. Г. Чернышева, [illegible] которого состояло тогда войско, [illegible] отмѣнѣ

выкинуть въ справедливость изъ жалобъ (Сборн. О. И. XIX, 591—92; Ср. Арх. госуд. Сов 431—34).

Такое было состояніе того края среди котораго прежде всего нашелъ сочувствіе себѣ Пугачевъ; но были и другіе элементы броженія, оказавшіе содѣйствіе его предпріятію.

Состояніе раскола на Яикѣ. Мы уже замѣчали, что въ средѣ яицкихъ казаковъ имѣлъ большое значеніе расколъ, преимущественно поповщина, или бѣглопоповцы. Оппозиція религіозная вполнѣ гармонировала съ общественною оппозиціею. Бѣглое духовенство, враждебное господствующей іерархіи, было солидарно въ своихъ интересахъ съ бѣглыми людьми, отправлявшимися на Яикъ и въ Поволжье. Хотя въ 1721 г., послѣ переписи казаковъ, было опредѣлено пришлыхъ на Яикъ до переписи зачислить въ казаки, „вновь же отнюдь не принимать"; но это запрещеніе было не первое и не послѣднее. По переписи произведенной тогда, яицкое войско представляло всѣ возможные элементы разноплеменного населенія Россіи, собравшіеся сюда съ разныхъ ея концовъ. Но особенно много вошло въ составъ яицкого войска, какъ мы упоминали выше, крестьянъ государственныхъ, помѣщичьихъ и монастырскихъ, преимущественно изъ Поволжскаго края. Во время многочисленныхъ преслѣдованій и разборовъ духовенства въ царствованіе Анны Ивановны, сюда вливалось малодушовныя лица и изъ Дѣти. Въ это время массы

ство церквей оставалось безъ причта, а синодъ заявлялъ что замѣщеніе праздныхъ мѣстъ (только въ церквахъ сѣверныхъ епархій) потребуетъ 1286 чел., въ числѣ которыхъ половина падала на священническія должности. Въ 1738 г. снова было повторено запрещеніе — принимать въ яицкіе города „пришлыхъ великороссійскихъ людей". Между тѣмъ само правительство постоянно ссылало на Яикъ непокорныхъ раскольниковъ (въ 1683, 1702 — стрѣльцовъ), событія такимъ образомъ утвержденію раскола въ этомъ краѣ. Дѣйствія самыхъ представителей духовенства въ Казанской епархіи (Гавріилъ и Лука Конашевичъ) не могли расположить казаковъ къ господствующей церкви. На Яикѣ былъ уже свой монастырь (Иацкій), который являлся главнымъ центромъ старообрядчества. Въ 1741 г. онъ былъ уничтоженъ, а монахи арестованы и подвергались допросамъ и преслѣдованіямъ. Послѣ этого тянется цѣлый рядъ поисковъ противъ бѣглыхъ и раскольниковъ, жившихъ на Яикѣ. Сыскныя команды дѣйствовали здѣсь весьма усердно: онѣ вызывали и высылали отсюда бѣглыхъ въ Нижній-Новгородъ, Оренбургъ, Москву цѣлыми сотнями. Также участь постигла раскольниковъ на берегахъ р.р. Чаусей и Иргизовъ (243 чел.). Церковныя принадлежности, казавшіяся подозрительными отбирались и раскольниковъ насильно заставляли принимать причастіе. Но были и такіе, которыхъ

не могли поколебать ни наставленія увѣщателей ни страшные розыски сыскного приказа. Важнѣйшіе скиты раскольниковъ были разсѣяны въ урочище Кашъ-Якъ, на Мергеневой Лукѣ, на рѣкѣ Барбашевой, на р. Узенѣ, на островахъ р. Яика. Въ 1753-5 гг. вновь было пойкано и отправлено въ Оренбургъ 165 раскольниковъ и бѣглыхъ. Недовольные отсюда бѣжали въ Польшу, на р. Вѣтку, главный притонъ рус. раскольниковъ. Намѣреніе Луки Конашевича завести на р. Яикѣ особое духовное правленіе, сдѣлать перепись казаковъ, заставить ихъ исповѣдываться и пріобщаться у православныхъ священниковъ — не увѣнчалось успѣхомъ. Самъ Неплюевъ не сочувствовалъ такой дѣятельности казанскаго архіепископа и указывалъ, что послѣдствіемъ его ревности можетъ быть самосожженіе раскольниковъ, подобно раскольникамъ Исетской провинціи. Неплюевъ отстаивалъ значеніе яицкого войска, какъ важный военный корпусъ для государственныхъ пользъ, который что людные, то лучше". Онъ думалъ дѣйствовать на раскольниковъ проповѣдью и школами. Перенеся эти тревоги, затѣмъ башкирскій бунтъ (во второй половинѣ 1755 г.) и семейныя непріятности, Неплюевъ оставилъ службу въ 1758 г.

Послѣ этого въ Оренбургскомъ краѣ начинаются волненія фабричныхъ и горно-заводскихъ крестьянъ, которыя находятъ сочувствіе въ помѣ-

щичьихъ и государственныхъ крестьянъ Казанской губ., Пензенской Симбирской губр. и тянулось съ конца царствованія Елизаветы до 70-хъ годовъ царствованія Екатерины II, а одновременно съ тѣмъ происходитъ нескончаемая борьба въ средѣ самого яицкого войска. Случалось что въ убійствѣ своихъ господъ принимали участіе малолѣтніе крестьянскіе мальчики и дѣвочки, но особенно было много убито помѣщиковъ въ 1766 г. Угнетаемые работами, притѣсняемые владѣльцами заводовъ, заводскіе крестьяне отвѣчаютъ страшными словами: „До того дойдемъ, что сами себя трети перерѣжемъ или сгоримъ, какъ раскольники Исетского округа." Къ началу 70-хъ годовъ эти недовольствія на восточной Украинѣ сливаются въ одно общее теченіе.

Значеніе сиротовъ. Нельзя сказать, однако, чтобы уральское войско отличалось религіозною нетерпимостью. Татары безразличественно чтили здѣсь Магомета, калмыки молились своему Бурхану и т.д. Насидясь въ войскахъ уральцы позволяли себѣ брить бороды и даже нюхать табакъ, но когда возвращались на родину, снова обращались къ старымъ привычкамъ, а когда отъ нихъ потребовали отказаться отъ этого, они открыто выступали даже противъ подобныхъ посягательствъ на ихъ обычаи. Почтенныхъ старцевъ было мало (въ Яицкомъ городѣ 2) и поэтому здѣсь пыл-

гаютъ большое значеніе раскольничьи скиты, въ которыхъ насчитывали до 200 старцевъ. Большая часть бѣглыхъ находила пріютъ въ казачьихъ форпостахъ, хуторахъ и скитахъ. Въ числѣ ихъ бывали даже ссыльные изъ Сибири. Но уральскіе раскольники издавна находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Вѣтскою и Волжскими скитами Дубовскихъ раскольниковъ, гдѣ скиты существовали прежде, чѣмъ на Яикѣ. Въ половинѣ XVIII ст. Волжскіе скиты нашли себѣ ревностного покровителя въ лицѣ атамана волжскихъ казаковъ — Макара Персидскаго. Поступавшіе въ эти скиты должны были торжественно проклинать „все настоящее въ Россійскихъ церквахъ правовѣріе." Отсюда-же шли на Яикъ „готовые попы", воспитанные въ томъ же духѣ. Но особенно высокимъ значеніемъ пользовались въ глазахъ яицкихъ казаковъ иргизскіе монастыри, возникающіе во второй половинѣ XVIII ст. (Ист. свѣд. объ иргиз. монастыряхъ, Прав. Соб. 1857 г., т. II). По рр. Большому и Малому Иргизу издавна селились бѣглые преступники и раскольники, а со второй половины XVIII в. наплывъ бѣглыхъ сюда еще болѣе усилился. Петръ III даровалъ раскольникамъ свободу отправленія богослуженія и запретилъ преслѣдовать ихъ. Это было первое дѣйствіе правительства въ ихъ пользу и потому имя Петра III, особенно, послѣ его смерти стало священнымъ въ ихъ средѣ. Екатеринѣ II

оставалось слѣдовать его политикѣ. Уже въ декабрѣ 1762 г. бѣжавшіе въ Польшу раскольники получили приглашеніе возвратиться въ Россію; дано было имъ право носить бороды и старинное платье; указаны были мѣста для поселенія въ Россіи (въ Воронеж., Бѣлогород. и Казан. губ. П. С. З № 11,725, съ правомъ приписаться въ государ. крестьяне, хотя-бы до того они были помѣщичьи) и даны льготы, освобождавшія ихъ отъ повинностей на 6 лѣтъ со времени поселенія ихъ на этихъ мѣстахъ. Тогда многіе изъ нихъ переселились въ Россію, при чемъ съ особенною охотою они селились на Большомъ и Маломъ Иргизѣ. Пришельцы заводятъ тамъ скиты и монастыри, хутора слободы и села, въ числѣ которыхъ сс. Мечетное (нынѣ Николаевскъ, уѣзд. городъ Самарской губ.) и Балаково сдѣлались потомъ важнѣйшими пунктами для отпуска пшеницы. Всѣ эти поселенія тяготѣли къ Иргизскимъ монастырямъ, какъ „планеты къ солнцу", но сюда-же стали устремляться взоры и донскихъ, волжскихъ и уральскихъ казаковъ, которые шли сюда на богомолье. Впослѣд. иргизскіе раскольники научили казаковъ хлѣбопашеству и разведенію превосходной пшеницы. Отсюда выходили основатели скитовъ на Яикѣ (Витевскій, расколъ въ уральск. войскѣ въ XVIII и XIX вв., Казань 1878 г. по матер. уральскаго и тургайскаго арх. и др. источниковъ). Но кн. ни старалась Екатери-

ни цвѣрить своихъ литературныхъ друзей въ религіозной терпимости, она не могла достигнуть этого вполнѣ. Мы знаемъ уже какъ относилась церковная іерархія къ общему положенію раскольниковъ, послѣдніе продолжали платить двойной окладъ, они не имѣли права строить часовни, а построенныя въ слободахъ Злынкѣ и на Иргизѣ — были уничтожены по требованію синода.

Расколъ постоянно питался элементомъ недовольныхъ, къ которымъ преимущественно принадлежало крестьянское населеніе тогдашней Россіи, а извѣстный мистицизмъ его церковнослужителей, какъ нельзя болѣе способствовалъ поддержанію идеи о господствѣ зла въ мірѣ и необходимости борьбы съ нимъ; которая, между прочимъ, выражалась въ непризнаніи извѣстныхъ формъ свѣтской и духовной администраціи. Степное пространство и сосѣдство съ инородческими государствами манило сюда всѣхъ, недовольныхъ внутренними порядками. Чтобы судить кк. громадны были переселенія русскаго населенія въ восточную Украину, достаточно указать на тотъ фактъ, что въ 1722 г. бѣглыхъ изъ Башкиріи было возвращено 19,815 чел., а по свѣдѣніямъ сената, собраннымъ въ 1742 г. съ 1719—1736 гг. всѣхъ бѣглыхъ было около 442,000 чел; но сенатъ прибавляетъ, что „уповательно и больше того оной цыфры имѣется", а на 20 мил. жителей въ тогдашней Россіи этотъ процентъ представля-

стея весьма знаменательным (Рус. десиденты, 31). Независимо отъ того въ этихъ предѣлахъ постоянно происходило движеніе населенія: крестьянъ переселяли на заводы и въ свои имѣнія — помѣщики, въ Сибирь за разные проступки и въ зачетъ рекрутъ. Так. въ 1763 г. на Невьянскихъ заводахъ Прокофія Демидова состояло крѣпостныхъ крестьянъ, купленныхъ у разныхъ помѣщиковъ и приведенныхъ сюда (изъ Нижегород., Казан., Москов., Архангел., Новгород. губ.) — 1662 человѣка (Рус. Старина XVII, 65б.).

Лекція 36.

Крестьяне въ первый періодъ царствованія Екатерины II. А). Помѣщики.

Обратимся къ положенію крестьянъ въ первый періодъ царствованія Екатерины II. Вначалѣ ея царствованія по 3-ей ревизіи, во всей Россіи, за исключеньемъ Малороссіи, Остзейскаго края и Финляндіи было 3,774,919 душъ крѣпостныхъ мужескаго пола. Наибольшій процентъ крѣпостныхъ мы находимъ въ Смоленской (74% всего податного населенія) и Московской губ. (70%), но если брать относительное количество, то первенство будетъ принадлежать этой послѣдней; въ ней одной было болѣе ⅓ всего крѣпостнаго населенія Великороссіи (1,423,024 д.). Затѣмъ слѣдуютъ губерніи: Нижегородская (60%), Новгородская (58%), Рязанская (54%), Воронежская

(44%), Архангельская (43%), Казанская (31%), Оренбургская (14%). Въ Астраханской, Сибирской, Иркутской губ. вовсе не было крѣпостныхъ. Въ Пермской провинціи было всего 8 дворянъ, владѣвшихъ крѣпостными, но за то у самаго бѣднаго изъ нихъ было болѣе 600 душъ, а у самаго богатаго, гр. А.С. Строгонова, болѣе 18,000 д.

Крѣпостные раздѣлялись на дворовыхъ людей и крестьянъ, что зависѣло вполнѣ отъ воли помѣщиковъ. Дворни въ то время, особенно въ столицахъ, были чрезвычайно многочисленны. Въ началѣ первой турецкой войны, когда вслѣдствіе выступленія войскъ, въ Москвѣ открылись воровства и грабежи, то императрица писала фельдмаршалу Салтыкову: „Призовите къ себѣ знатнѣйшихъ изъ разныхъ въ Москвѣ частей жителей, и съ ними поставя на мѣрѣ, какимъ образомъ для спокойствія изъ самихъ, учредить какъ конную, такъ и пѣшую команду для полиціи, на собственномъ всѣхъ содержаніи.— А какъ извѣстно, что многіе изъ Московскихъ жителей имѣютъ при себѣ множество людей, въ томъ числѣ и гусаръ, то не можно-ли изъ оныхъ составить команду, учредить въ городѣ патрули и, вооруживъ оныхъ, отдать въ вѣдѣнство полиціи" (Солов. XXVIII, 16; Сборн. Р.И.О. X, 329). Громадный перевѣсъ мужскаго населенія въ Петербургѣ надъ женскимъ (въ 1796 — мужчинъ 72,338 и женщинъ 24,980, Солов. XXVIII, 13), кромѣ постояннаго количества войскъ, находившагося въ столицѣ, объясняется большимъ числомъ дворовыхъ людей. Помѣ-

щики Дмитровскаго уѣзда въ комиссіи Уложенія обращали вниманіе правительства на вредъ для крестьянъ и сельскаго хозяйства отъ множества дворовыхъ людей. Извѣстный Сиверсъ предлагалъ ограничить число ихъ посредствомъ набора въ солдаты. Онъ признавалъ, что многочисленная помѣщичья прислуга есть слѣдствіе азіатскихъ вкусовъ дворянъ.

а.) Оброчные крестьяне. Во второй половинѣ XVIII ст. въ большинствѣ помѣщичьихъ владѣній крестьяне находились на оброкѣ. Это подтверждается свидѣтельствомъ Наказа Екатерины, Рычковымъ и кн. Щербатовымъ. Большое значеніе въ этомъ отношеніи имѣли служебныя обязанности; но и послѣ вольности дворянства, дарованной Петромъ III, большинство помѣщиковъ жило внѣ своихъ деревень, кк. это видно изъ списковъ дворянъ, составленныхъ въ 1777 г.. Екатерина и Рычковъ признаютъ, что оброчная система вредно отражалась на земледѣліи, тк. кк. многіе крестьяне уходили на долго въ отхожіе промыслы, что нерѣдко впрочемъ вызывалось тяжкимъ положеніемъ крестьянъ и большимъ оброкомъ. Екатерина въ Наказѣ прямо говоритъ, что-бы помѣщики съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и брали-бы такіе, которые менѣе отлучаютъ мужика отъ дома и семейства. Кк. извѣстно оброкъ этотъ достигалъ иногда 5 р., а П. И. Панинъ въ своей запискѣ предлагалъ установить его

не свыше 2 руб. Впрочемъ въ первую половину царствованія Екатерины обычный оброкъ былъ въ 2—3 р. съ души въ годъ. Но за то даже въ началѣ 70-хъ годовъ, въ нѣкоторыхъ богатыхъ и промышленныхъ селахъ, оброкъ достигалъ значительной цыфры. Т.к. крестьяне села Павлова, принадлежавшаго гр. Шереметеву, ежегодно платили своему владѣльцу болѣе 15,000 р. Этотъ оброкъ они-сами распредѣляли между собою, смотря по зажиточности каждаго, так что бѣдные и старики не платили ничего, зато другіе платили отъ 100 до 200 р.

Но этимъ не исчерпывались обязанности крестьянъ, въ отношеніи къ помѣщикамъ; они обязаны были выполнять извѣстныя работы и дѣлать взносы натурою (таковы: оброкъ съ вѣнца, въ которомъ считались одинъ мужчина и женщина, по 6—10 р., съ женщины 10—15 аршинъ холста, грибовъ, ягодъ). Когда крестьяне Цыльцкой волости, Московскаго уѣзда, были государственными они платили съ 3,350 десят. — 3,383 р., а перейдя къ Лопухинымъ стали платить 10,535 р. (съ натуральными взносами) Работы и другія повинности иногда были чрезвычайно тягостны и велики: они строили помѣщичьи хоромы, давали деньги на расходъ помѣщика во время бѣгополья, снаряжали подводы въ Москву (200) содержали его, его слугъ и лошадей во время пріѣзда въ деревню, содержали его управителя, снаряжали на свой счетъ крестьянъ, назначенныхъ для переселенія (до 100 р.) и продолжали платить за нихъ подати. Оброкъ съ крестьянъ Загорской волости (Мо-

В. Ткачиковъ

ковского уѣзда) достигъ въ теченіи 25 л. съ 300 р. (1740 г.) до 3,900 р. (1766). Въ это время они принадлежали генералъ-аншефу Леонтьеву. Но кромѣ денежнаго оброка, крестьяне пахали на своего помѣщика по 40 десятинъ яроваго хлѣба, и 30 дес. ржи, въ теченіи одного года высылали къ помѣщику въ Москву 2,000 подводъ, а когда сгорѣлъ помѣщичій домъ, то крестьяне построили его на свой счетъ и онъ обошелся имъ въ 1000 р., не считая работъ при доставкѣ лѣса. Движеніе крестьянъ въ этихъ двухъ имѣніяхъ, вызванные страшными поборами, неурожаемъ и вымогательствами, сопровождавшимися эксекуціями, намъ уже извѣстно. Но они не получили удовлетворенія на свои жалобы. Нѣкоторые помѣщики въ случаѣ неисправнаго платежа оброка требовали еще вознагражденія со всей суммы недоимки, въ количествѣ 5% (гр. П. А. Румянцевъ). Впрочемъ, оброчные крестьяне все таки пользовались извѣстною долею свободы. Крестьяне, состоявшіе на барщинѣ, были постоянно на глазахъ у своего помѣщика или его управляющаго.

в.) <u>Барщинные крестьяне</u>. Въ 1765 г. одинъ изъ членовъ Вольн. Экономич. Общества составилъ цѣлый рядъ вопросовъ, подъ заглавіемъ: „Экономич. вопросы, касающіеся до земледѣлія", которые при посредствѣ генералъ-прокурора Вяземскаго были разосланы во всѣ губернскимъ прокурорамъ, на которые, кн. отъ нихъ тж. и отъ частныхъ лицъ, послѣдовали отвѣты (до 30), дающіе не мало интересныхъ свѣдѣній о положеніи земледѣлія

и жизни крестьянъ въ первые годы царствованія Екатерины II.

Изъ нихъ видно, что помѣщикъ обыкновенно требовалъ отъ крестьянъ половину ихъ рабочаго времени (3 дня), но далеко не вездѣ довольствовались этою нормою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Алатырской провинціи), по словамъ прокурора, помѣщики заставляли крестьянъ безпрестанно на себя работать, отъ чего хозяйство крестьянъ пришло въ совершенный упадокъ. Въ Арзамасской провинціи крестьяне работали на помѣщика до тѣхъ поръ, пока не уберутъ весь помѣщичій хлѣбъ. Въ Елецкой провинціи иногда работали до 4 д. въ недѣлю, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рязанской даже до 5. Крестьяне одного села Орловской губ. должны были работать на помѣщика ежедневно. Крестьянъ гр. Толстой жаловались императрицѣ, что ихъ заставляютъ работать помѣщики даже по воскресеніямъ и самымъ большимъ праздникамъ. То-же подтверждаетъ и Рычковъ. Даже тамъ, гдѣ существовала урочная барщина количество работы превышало силы человѣка. По словамъ Рычкова, крестьяне у нѣкоторыхъ помѣщиковъ пашутъ по двѣ и болѣе десятинъ на тягло, между тѣмъ кн. болѣе $1\frac{1}{2}$ десят. человѣколюбивый помѣщикъ не могъ бы назначить. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Петербургской губерніи крестьяне, кромѣ барщины, несли сборъ въ пользу помѣщика, называемый пятиною (пятый снопъ, пятую часть хлѣба, капусты и т. п.), въ другихъ мѣстахъ даже деньгами. Крестьяне Пол-

стой должны были построить ей 3 дома (до 4000р.) давать подводы въ Москву (до 1000) и т. д. Въ 1767 г. она предложила платить ей по 1р. 50к. съ ревизской души, при замѣнѣ барщины оброкомъ, но они согласились платить, кромѣ ежедневной работы по 7р. 50к., разсчитывая на свободное время зимою.

На Уралѣ и прилежащихъ къ нему мѣстахъ барщину составляла работа на помѣщичьихъ заводахъ. Здѣсь они раздѣлялись на крѣпостныхъ мастеровыхъ, которые находились постоянно на работѣ, и крѣпостныхъ крестьянъ, которые присылались лишь на нѣкоторыя работы. Мастеровые получали опредѣленное жалованіе, или задѣльную плату, крестьяне не всегда. Крестьянъ гр. Строгонова, работавшихъ на соляныхъ варницахъ и заводахъ, въ лѣтнее время распускали по домамъ для уборки хлѣба и посѣвовъ. Они платили помѣщику по одному рублю оброка, а постоянные варничные рабочіе (500 чел.) были освобождены отъ него. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не рѣдко были фабрики, на которыхъ работали крестьяне. Въ приволжскомъ имѣніи гр. Головкина (9000 д.) находилась полотняная фабрика въ 200 станковъ, въ имѣніи Салтыкова въ Арзамасскомъ уѣздѣ были конневенные и мыльные заводы, на которыхъ работало до 1000 чел., но особенно много работало крестьянъ на винокуренныхъ заводахъ.

Дворовые. Положеніе дворовыхъ было гораздо тяжелѣе положенія пашенныхъ крестьянъ. Они получали содержаніе натурою и небольшое жалова-

ные (50 к. до 6 р. въ годъ), а дѣтей ихъ отдавали въ школы (у Румянцева). Для завѣдыванія или составлялись особыя инструкціи.

Ссылка крестьянъ. Законъ предоставлялъ помѣщику право высылать крестьянъ (до 45 л.) на поселеніе въ Сибирь, съ зачетомъ въ рекруты, обязывая препроводить съ ними только жену. Прибывшіе на поселеніе получали отъ правительства льготу отъ податей (на 3 года), денежное вспомоществованіе и хозяйственныя принадлежности. Вотъ что писалъ Сверсъ императрицѣ по поводу этого права въ 1768 г.: „Вслѣдствіе позволенія, даннаго дворянству, произвольно по своему усмотрѣнію отправлять въ ссылку ему подвластныхъ, причемъ судъ даже не можетъ спросить причинъ ссылки и изслѣдовать дѣло, ежедневно совершаются самые возмутительныя дѣла. Всѣ, кто не годится въ рекруты вслѣдствіе малаго роста или другого какого нибудь недостатка, должны отправляться въ ссылку въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, а зачетные квитанціи многіе продаютъ. Признаюсь не проходитъ дня, что-бы мое сердце не возмущалось противъ подобной привилегіи. Какая потеря для войска и для земледѣлія! Къ тому-же Сибири достигаютъ сравнительно немногіе, если принять во вниманіе огромное разстояніе и убыль ссыльныхъ на пути. Мнѣ кажется, что дворянство могло-бы удовлетвориться правомъ отправлять въ ссылку въ зачетъ рекрутъ виновнаго,

изобличенного въ довольно тяжеломъ преступленіи. Если-же помѣщикъ захочетъ его нибудь сослать по собственному требованію, то могъ-бы сдѣлать это безъ зачета въ рекруты." Въ 1773 г. Сиверсъ снова указываетъ на это злоупотребленіе, прибавляя: „При предшествующимъ рекрутскомъ наборѣ войско потеряло 7—800 хорошихъ солдатъ, и я могу сильно сомнѣваться дошли ли въ Сибирь, хотя часть этого огромного числа. Подвергать этихъ несчастныхъ наказанію, потому что они не имѣютъ роста, необходимого для рекрутчины, или старѣе возраста, опредѣленнаго для пріема въ военную службу, это, мнѣ кажется, попирать всѣ законы. Я могъ-бы набросить поразительныя картины того, что я видѣлъ и къ какимъ уловкамъ заставляло меня прибѣгать человѣколюбіе, что-бы помѣшать тѣмъ присланнымъ для отправленія въ ссылку." На основаніи его представленія военная коллегія запретила принимать ссыльныхъ до марта, но онъ не могъ удовлетвориться подобною незначительною уступкою.

Сначала такихъ ссыльныхъ селили большею частью въ Нерчинскомъ уѣздѣ, но, вслѣдствіи неудовлетворительности тамъ злоупотребленіи, сенатъ, въ 1767 г., приказалъ большинство ссыльныхъ направлять въ Тобольскую губернію; вслѣдствіе этого распоряженія въ Тобольской и отчасти въ Енисейской провинціяхъ, до 1772 г., было поселено 10,799 взрослыхъ мужчинъ, 9,716 женщинъ

и отъ тій всего 20,515 душъ. Отсюда видно, на-
кое значительное число крестьянъ направля-
лось въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ. Изъ донесе-
же Сибирского губернатора Чичерина (1765) ви-
что сюда нерѣдко доставлялись дряхлые стари-
ки, другіе хотя молоды, но прибываютъ съ отъ-
роженными руками и ногами и могутъ за-
маться только собираніемъ милостыни. Слѣд-
тельно и интересы земледѣльческой культуры,
горного промысла далеко не удовлетворялись.
1773 г. дѣйствительно сенатъ вошелъ съ предста-
вленіемъ въ Совѣтъ объ остановленіи, по причина
разныхъ злоупотребленій, пріема крестьянъ и дво-
ровыхъ людей для ссылки на поселеніе, и Совѣтъ
согласился съ этимъ (Арх. госуд. Сов. II 359). Одна-
ко нѣсколько позже мы снова встрѣчаемся съ по-
добными же фактами, вызывающими новые злоупо-
требленія со стороны помѣщиковъ и новыя заявле-
нія и жалобы со стороны сибирской администраціи.

Домашнія наказанія. Опредѣленнаго Уло-
женія о наказаніяхъ помѣщиками крестьянъ не
существовало вовсе. Поэтому отношенія крѣпо-
стныхъ къ своимъ господамъ во многомъ напоми-
наютъ отношенія подданныхъ къ власти. Самое
устройство домоваго управленія у нѣкоторыхъ
знатныхъ владѣльцевъ имѣло характеръ старыхъ
ныхъ приказовъ и подобныхъ учрежденій. Нака-
занія были различныя: денежный штрафъ, за-
ключеніе въ цѣпь, наказаніе батогами, на хлѣбъ
и на воду, отдача въ солдаты. При этомъ особенно

строго наказывались за воровство вещей, принадлежащих помѣщику, за оскорбленіе управителей, приказчиков, бурмистров, старостъ и другихъ сельскихъ властей. Непосѣщеніе церкви и нарушеніе церковного благочинія также влекло за собою наказанія. За поданіе челобитной императрицѣ ген. Толстая приказала сослать челобитчика въ другую вотчину, обрить ему голову и бороду и надѣть на него желѣзную рогатку съ заклепами, что-бы онъ не шлялъ покоя. Она грозила разорить своихъ крестьянъ и наконецъ отправить въ ссылку. Управитель ея въ наказаніе брилъ крестьянамъ головы и бороды и накладывалъ на шею желѣзные рога. По словамъ Болотова, одну дѣвушку, за побѣгъ отъ жестокой работы, посадили въ желѣзное стуло, заставивши въ такомъ положеніи плести кружево. За другой побѣгъ ее заклепали еще крѣпче и это заставило ее наложить на себя руки. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ велись „журналы домового управленія", въ которыхъ записывались и взысканія съ крестьянъ. Взысканія эти иногда поражаютъ своею оригинальностью. Такъ одинъ помѣщикъ распорядился своего человѣка за то, что онъ приготовилъ, вмѣсто двухъ окороковъ съ чесноком, одинъ съ чесноком, а другой съ луком, подвергнуть штрафу въ одинъ рубль, а если это исполнено не будетъ, то заѣвывавшаго журналомъ сѣчь на дровняхъ, давая 100 ударовъ. Не во время взятые у барина ключи и др. опущенія со стороны ключницы ве-

ли къ подобнымъ-же выысканіямъ. За одинъ изъ такихъ проступковъ запрещено было называть ее по имени и отчеству, а вольно было звать: „трусливой лживицей", въ противномъ случаѣ виновному грозило наказаніе розгами. Въ Москвѣ дворовые отпускались на оброкъ или учились мастерствамъ и грамотѣ, но у нѣкоторыхъ они были обязаны по воскресеніямъ являться въ господскій домъ, подъ угрозою наказанія. Въ барскомъ домѣ въ Москвѣ дворовые обязаны были поочередно стоять на часахъ (Интересный журналъ домового управленія 1763—65 г. помѣщенъ И. Е. Забѣлинымъ въ статью „Большой баринъ", Вѣст. Европы, 1871 г., т. II, 509—512). Въ теченіе настоящаго періода мы имѣемъ рядъ фактовъ, въ которыхъ обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами имѣли послѣдствіемъ смертные случаи. Но въ уложеніи не было постановленія, которое предусматривало бы смерть крѣпостныхъ отъ жестокого наказанія. И потому кн. юстицъ-коллегіятъ. и сенатъ затруднялись при назначеніи его, или давали самые разнообразные приговоры по этимъ дѣламъ, пользуясь то подходящими статьями Уложенія, то воинскимъ уставомъ объ убійствѣ вообще и т. п. Обыкновенно это были: церковное покаяніе (до 5 л.) съ заключеніемъ въ монастырь (до ½ г. и 1 года), тюремное заключеніе, конфискація имущества, лишеніе чиновъ и ссылка въ Сибирь, для опредѣленія на службу. По извѣстіямъ о дурномъ обращеніи съ крестьянами имѣнія

такихъ лицъ отдавались въ опеку. Но замѣчательно, что значительное число лицъ, замѣшанныхъ въ подобныя дѣла были женщины (дворянка Марина, капитанша Калинцева, жена унтеръ-шкальмейстера Гордѣева, жена генер. майора Храповицкая и др., Соловь. XXIX, 133-35; Селевскій Рус. Стар. XVII 607-615). Жена генералъ майора Эттингера причинила повою крестьянину, отъ которыхъ тотъ и умеръ; но тк. кк. она подвергала наказанію за такіе поступки, кот. подлежали общей юстиціи (побѣгъ, воровство), то сенатъ положилъ сдѣлать о ней докладъ императрицѣ, а комиссіи нового Уложенія предложить составить на этотъ случай новый законъ. Императрица утвердила докладъ сената о заключеніи Эттингеръ на мѣсяцъ въ тюрьму и преданіи церковному покаянію, конфисковавъ все ея имѣніе. Относительно же нового закона, она прибавила „на толь положеніе сдѣлать, что съ такими чинить, кои суровость противъ человѣка употребляютъ". Впрочемъ такого закона тогда издано не было (Селевскій, 614).

Въ связи съ этими преступленіями находится большое количество фактовъ, гдѣ крѣпостные являются исполнителями намѣреній своихъ владѣльцевъ: въ грабежахъ и убійствахъ, въ склоненіи чужихъ крестьянъ къ побѣгу и т. п. Въ числѣ этихъ фактовъ встрѣчаются также преступленія мужей противъ женъ и женъ противъ

мужей (Солов. XXIX, 134-36) Въ 1769 г. поступило въ сенатъ много донесеній губернаторовъ о волненіяхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, о грабежахъ и убійствахъ, совершенныхъ крестьянами (ib. 137). Поэтому сенатомъ былъ установленъ порядокъ производства слѣдствій по этимъ дѣламъ (П. С. З. 13, 373).

Переселенія крестьянъ. Еще Петръ Великій приказалъ сенату въ 1721 г. чтобы при составленіи новаго Уложенія было позволено продавать людей не иначе, какъ цѣлыми семьями. Въ 1742 г. въ коммиссіи о составленіи новаго Уложенія, снова разсуждали объ этомъ предметѣ и въ составленномъ тогда проектѣ полагали безусловно запретить продажу людей безъ земли. Между тѣмъ, дозволивъ покупать людей для отдачи въ рекруты, (при Петрѣ Великомъ) правительство создало новый прецедентъ тому, что помѣщики стали торговать своими людьми во время рекрутскихъ наборовъ. При Екатеринѣ II продажа крѣпостныхъ отдѣльно отъ земли продолжалась: иногда продавались на вывозъ цѣлыя деревни. Но въ 1771 г. было запрещено продавать крестьянъ съ молотка (на аукціонѣ) безъ земли, зачѣмъ вельно было строго смотрѣть градоначальникамъ. Поводомъ къ этому указу послужило намѣреніе конторы конфискацій продать съ молотка нѣсколько людей. Императрица приказала всѣхъ ихъ приписать къ дворцовымъ волостямъ и дать имъ земли, или паспорты, смотря по ихъ же-

линію, „дабы они хлѣбъ свой достать могли" /Селевскій Рус. Стар. XVII, 654/; но этотъ законъ постоянно обходился при продажѣ имѣній за долги помѣщиковъ; въ этотъ періодъ обыкновенная цѣна за душу была: мужескаго пола — 30 р., женскаго — 10 р. Однако, по замѣчанію Сиверса, дворянскій и ассигнаціонный банки, доставивъ помѣщику возможность болѣе легкого займа денегъ, были отчасти причиною возвышенія цѣнности имѣній, которая значительно возрасла въ теченіи 20 л; въ 1774 г. цѣна каждой души достигла 45—50 р.

Пользуясь неограниченнымъ правомъ переселенія крестьянъ, помѣщики въ значительномъ количествѣ переселяли ихъ въ другія земли, напр. въ Оренбургскій край, гдѣ было пріобрѣтено или огромное количество земли у башкиръ. Нѣкоторые помѣщики продали всѣ свои земли, а крестьянъ переселили на купленныя у башкиръ мѣста.

<u>Крестьянскіе браки</u>. Съ другой стороны хотя существовалъ законъ Петра Великаго (1724 г.), запрещавшій помѣщикамъ принуждать къ браку крестьянъ, но онъ совершенно игнорировался владѣльцами. „Землевладѣльцы Россіи, говоритъ Сиверсъ, обыкновенно принуждаютъ къ браку молодыхъ людей, и дѣлаютъ это для того, чтобы имѣть лишнюю пару, т. е. новое тягло, на которое можно еще наложить работу или оброкъ. Въ случаѣ — же брака крес-

тьянина на дѣвушкѣ чужой вотчины предварительно уплачивались за нее выводныя деньги (20-40 р.)

Многіе помѣщики по словамъ гр. Г. Воронцова, брали выводныя деньги даже за своихъ крестьянъ при каждомъ бракѣ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Копорскомъ уѣздѣ) сосѣдніе помѣщики допускали между своими крестьянами обмѣнъ. Сиверсъ требовалъ совершенной отмѣны выкупа, полагая, что вслѣдствіе этого увеличится народонаселеніе, причемъ ссылался на примѣръ Лифляндіи; онъ думалъ, что эта мѣра можетъ смягчить суровое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами. Помѣщикъ, по выраженію одного современника, былъ для своихъ крестьянъ и законодатель, и судья, и исполнитель своего рѣшенія, а по желанію своему и истецъ.

Управленіе помѣщичьими крестьянами.

Обыкновенно во главѣ управленія всѣми вотчинами богатаго помѣщика стояла его домовая канцелярія, которая разсылала указы къ мѣстнымъ властямъ. Въ числѣ ея были: управитель, бухгалтеръ, прикащикъ, бурмистры, старосты и цѣловальники. Первые обыкновенно назначались помѣщикомъ, а цѣловальники избирались мірами. Нерѣдко управителемъ помѣщикъ назначалъ своего крѣпостнаго, а на Уралѣ въ руки грамотныхъ крестьянъ передавались иногда цѣлые заводы, и заводовладѣльцы любили даже назначать прикащиками раскольниковъ; такъ какъ они отличались трезвостью и распорядительностью. Прика-

щики получали жалованія 40–100 р.; но управители и приказщики не довольствовались этимъ. По словамъ челобитной крестьянъ ген. Толстой, управитель, пріѣзжая къ нимъ по нѣскольку разъ въ годъ, бралъ каждый разъ по 30 и 40 р., а если они не давали, то брилъ имъ бороды и головы; такимъ образомъ въ 10 л. онъ взялъ съ нихъ до 2000 р. На старостахъ и выборныхъ лежали административно-полицейскіе обязанности, судебныя-же обязанности они несли вмѣстѣ съ міромъ. Бурмистры назначались только въ большихъ вотчинахъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими крестьянами они управляли вотчиной и только въ важныхъ случаяхъ собирался мірской сходъ. Цѣловальники избирались для храненія денежной казны помѣщика. Бурмистрамъ и цѣловальникамъ давались особыя инструкціи. Для веденія письменной части выбирались земскіе и въ большихъ вотчинахъ велось обширное и правильное письмоводство (описи, журналы переписка съ владѣльцемъ и т. п.). Къ своимъ владѣльцамъ крестьяне обращались съ челобитными, помѣщики писали въ вотчину указы.

Содержаніе крестьянъ и ихъ хозяйство

По закону Петра Великаго помѣщики обязаны были кормить своихъ крестьянъ; но они нерѣдко отказывались отъ этого и удаляли престарѣлыхъ и увѣчныхъ, такъ что въ 1772 г. правительство подтвердило, чтобы помѣщики не допускали своихъ крестьянъ просить милостыню, угрожая

въ противномъ случаѣ, кромѣ штрафа по закону 1718 г. (5 р. за каждого человѣка), строгимъ наказаніемъ. Точно также помѣщики произвольно распоряжались землею крестьянъ, отнимали отъ нихъ всю, или часть и давали весьма небольшіе надѣлы (менѣе десятины), а сѣнныхъ покосовъ и лѣсу многіе изъ крестьянъ вовсе не имѣли, въ слѣдствіе чего поселеніе жили въ самой бѣдности (наказъ Кропивин. дворянъ). Но подобное обращеніе, какъ отнятіе участковъ, все таки было рѣдкостью. Обыкновенно-же при трехпольномъ хозяйствѣ, на крестьянъ приходилось 3–9 десятинъ на тяло. Въ большей части Великороссіи, хотя и не повсемѣстно въ это время существовало общинное землевладѣніе, при чемъ передѣлы земли происходили весьма часто, обыкновенно ежегодно. Крестьяне сами распредѣляли между собою всю землю, находившуюся въ ихъ пользованіи, посредствомъ жеребія. Помѣщики, въ большинствѣ случаевъ, не мѣшались въ эти отношенія, а потому и въ крѣпостномъ быту мірской приговоръ и сходъ сохранили свое значеніе. Даже, предлагая крестьянамъ перейти на оброкъ, помѣщикъ считалъ необходимымъ обратиться къ мірскому сходу (ген. Толстая). Помѣщикъ могъ только косвенно вліять на земельный передѣлъ, уменьшая количество земли, налагая и снимая тяглы съ нѣкоторыхъ крестьянъ и т. п. Подати никогда не смѣшивались съ оброками, а первые собирали и несли сами крестьяне. За тѣхъ-же, которые

состояли въ услуженіи у помѣщика, платилъ послѣдній (70 к. съ души).

Права крестьянъ. Мы знаемъ уже, что челобитныя на помѣщиковъ къ верховной власти не дозволялись и нарушеніе этого требованія имѣло обыкновенно весьма печальныя послѣдствія для крестьянъ. Послѣ указа 1767 г. и мѣстныя учрежденія не должны были принимать ихъ прошеній на помѣщиковъ. Крѣпостные крестьяне до императора Павла I обыкновенно не приводились къ присягѣ на вѣрность государю. При Екатеринѣ II (П. С. З. 13, 461) было повторено постановленіе, чтобы крестьяне не отлучались изъ вотчинъ безъ дозволенія помѣщиковъ. Крестьяне безъ поручительства помѣщика не могли занимать денегъ подъ вексель или заемное письмо (1761 и 68 г.). Въ 1774 г., какъ мы видѣли, крѣпостные крестьяне были допущены къ откупамъ, за поручительствомъ однако помѣщиковъ въ исправномъ платежѣ денегъ. Вольноотпущенный и получившій свѣдѣнія въ наукахъ не могъ поступить на службу безъ разрѣшенія сената (Рус. Стар. т. XVII). Съ крестьянъ, записавшихся въ купечество и духовное званіе, все таки требовались подати (П. С. З № 13,326).

Недовольство крестьянъ своимъ положеніемъ. Понятно, что побѣги крѣпостныхъ должны были быть часты. Такъ весною 1763 г. много помѣщичьихъ крестьянъ Псковской провинціи перешли въ Польшу и, образовавъ тамъ большія

партіи, дѣлали отсюда нападенія на своихъ помѣщиковъ. Въ томъ-же году ушло въ Польшу до 500 душъ (100 семей) изъ Новгородской губ.; въ 17 вѣк. бѣжало до 50 семей изъ имѣній кн. Трубецкаго и помѣщика Ганнибала Петербургской губ. На востокъ бѣжали крестьяне въ Оренбургскій край и Сибирь. Тѣмъ бѣглыхъ въ чужія имѣнія постоянно практиковался, хотя и велъ за собою тяжелыя послѣдствія. Такъ въ 17 вѣк. судный приказъ приговорилъ уплатить помѣщику Игнатьеву за двухъ крестьянъ, проживавшихъ въ имѣніи Мельницкаго, притомъ купленныхъ имъ заведомо въ отлучкѣ, за все прожитое ими время (1724—46) болѣе 7000 р., а между тѣмъ они купили ихъ всего за 1500 р. Убійства, совершенныя крестьянами надъ помѣщиками, были не рѣдки. (Рус. Стар. XVIII 197—201)[1] и въ этихъ дѣлахъ принимали участіе не только мужчины, но и женщины, даже мальчики и дѣвочки (11—14 л.). Сама Екатерина въ извѣстномъ отвѣтѣ Сумарокову замѣтила, что убійства помѣщиковъ бываютъ результатомъ ихъ отношеній къ крестьянамъ. „Съ какими ужасными отношеніями приходилось мнѣ имѣть дѣло, говорилъ Сверчъ въ своихъ воспоминаніяхъ, во время первыхъ годовъ моей службы въ званіи судьи-мирнаго въ огромной Новгородской губ. Я не хочу сказать сколько дворянъ было унижено, сколько преступниковъ наказано,

1. Выдержки по этому сл. въ бумагахъ Н. И. Панина, Рус. Арх. 1878 г., III, 425—429 В. Ключевскій

сколько отправлено въ Сибирь, часто по одному требованію господина. Въ слѣдующіе 14 л. только одинъ помѣщикъ заплатилъ жизнію за свою жестокость". Другимъ послѣдствіемъ ненормальныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами были бунты послѣднихъ. Они наполняютъ царствованіе Петра III и первые годы царствованія Екатерины II и, какъ мы видѣли, въ значительной степени поддерживались надеждами на близкое освобожденіе, несмотря на постоянныя увѣщанія сената — не вѣрить ложнымъ слухамъ и выдуманнымъ манифестамъ (ib. XVIII, 211—215). Въ 1765—68 г. происходили волненія въ уѣздѣ Кологривскомъ, Галичскомъ, Чухломскомъ, Сибирскомъ, но особенно много было волненій въ Воронежской губ. Почти всѣ эти случаи сопровождались посылкою военной команды и столкновеніями съ многочисленными толпами крестьянъ. Въ 1769 г. происходило волненіе крестьянъ (2000 чел) въ имѣніи кн. Мещерскаго въ Данковскомъ уѣздѣ. Въ слѣдующіе за тѣмъ четыре года эти волненія повидимому прекращаются, но это было только затишье передъ бурею: приближалась Пугачевщина.

<u>Поссессіонные крестьяне</u>. Всѣ они по своему положенію и волненіямъ [illegible] другимъ крестьянъ стояли <u>поссессіонные крестьяне</u>, принадлежавшіе лесовщикамъ и фабрикантамъ, начало какъ посадили на фабрики Петръ Вел. Въ XVIII в. администрація почти не отличала

посессіонныхъ крестьянъ отъ крѣпостныхъ и дѣлала вслѣдствіе этого ошибки. Группа этихъ крестьянъ стала складываться только въ концѣ царствованія Петра Великаго подъ вліяніемъ того промышленнаго направленія, какое хотѣлъ дать странѣ преобразователь. Вслѣдствіе этого правительство рѣшилось предоставить лицамъ недворянскаго происхожденія пріобрѣтать деревни, но только не иначе какъ къ фабрикамъ и заводамъ. Въ 1752 г. было точно опредѣлено, въ какомъ количествѣ можно покупать крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ, но это ограниченіе не касалось дворянъ. Было опредѣлено, сколько изъ нихъ должно было находиться при фабричныхъ работахъ ($\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$), а остальные должны были оставаться при крестьянскихъ занятіяхъ. Петръ III запретилъ покупку крестьянъ для фабрикъ и заводовъ, повелѣвъ довольствоваться вольнонаемнымъ трудомъ, а Екатерина, вскорѣ по вступленіи на престолъ, подтвердила этотъ законъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ началѣ ея царствованія, оказывается, что къ фабрикамъ было куплено болѣе 20,000 кр., а къ горнымъ заводамъ болѣе 40,000 д, всего 67,419 д., хотя на основаніи указа 1752 г. могло-бы быть еще куплено 94,000 д. Запрещеніе пріобрѣтать деревни къ фабрикамъ оставалось въ силѣ въ теченіи всего царствованія Екатерины II за нѣкоторыми измѣненіями: въ 1763 г. при вызовѣ иностр[illegible]

колонистовъ въ Россію имъ разрѣшено было покупать надлежащее число крѣпостныхъ людей и крестьянъ. Въ томъ-же году разрѣшено было Гончарову и его дѣтямъ „за ревностные труды въ заведеніи и размноженіе полезныхъ государству фабрикъ" покупать деревни. Въ остальныхъ случаяхъ незаконная покупка людей къ фабрикамъ преслѣдовалась правительствомъ. Кромѣ крестьянъ, купленныхъ владѣльцами фабрикъ, послѣднимъ принадлежали также бѣлыя разночинцы, свободные гулящіе люди, незаконорожденные, солдатскія дѣти, выучившіяся здѣсь ремеслу или поселившіяся на заводахъ, такъ какъ всѣ свободные люди должны были записаться за кѣмъ нибудь, а разъ записавшись въ ревизію при какой нибудь фабрикѣ, они оставались уже ея неотъемлемою принадлежностью. При Екатеринѣ II отдачи по указамъ на фабрики въ неотъемлемое владѣніе прекратилась, но приписка къ фабрикамъ по собственному желанію продолжалась. Впрочемъ, безнравственныя женщины и жены солдатъ, прижитыя мимостью, отсылались полиціею въ мануфактуръ-коллегію и отправлялись послѣднею на фабрики. Третій элементъ рабочаго фабричнаго населенія составляли <u>вольные мастеровые</u>, пріумедшіе въ руки владѣльцевъ вмѣстѣ съ заводами. Въ 1741 г. сибирскій губернаторъ Шерпинъ отдалъ на 4 частныя фабрики 19 чел., присланныхъ на поселеніе, и только въ 1783 г.,

на основаніи донесенія тобольскаго полнѣтнаго правленія, они были отобраны у фабрикантовъ и поселены въ Сибири, а съ Чичерина сенатъ велѣлъ взять подушныя деньги за все время пребыванія ихъ на фабрикахъ.

Положеніе посессіонныхъ крестьянъ.

Лица, владѣвшія крестьянами, не имѣя дворянства, назывались содержателями заводовъ, и управляли ими на посессіонномъ началѣ. Мастеровые на заводахъ уплачивали подушную подать въ размѣрѣ 70к. съ души, но были освобождены отъ оброка, который платили государственные крестьяне; они были освобождены отъ рекрутчины; но съ 1754 г. владѣльцы фабрикъ могли сдавать въ рекруты неспособныхъ къ работѣ людей или должны были уплачивать по 100р. за рекрута, а въ 1766 г. плата эта повышена до 120р. Вскорѣ однако владѣльцы заводовъ присваиваютъ себѣ многія права настоящихъ помѣщиковъ (относительно брака крестьянъ, ссылки ихъ и т. п.), хотя посессіонныя имѣнія строго отличались отъ состоящихъ на вотчинномъ правѣ. Но имъ не могли владѣльцы продавать отдѣльно отъ фабрикъ и только извѣстную часть ихъ можно было употреблять въ работу, а они имѣли право жалобы на фабрикантовъ.

Въ коммиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія, состояніе фабричныхъ крестьянъ было представлено кн. Щербатовымъ и зро-

славскимъ Дворянствомъ въ самомъ печальномъ видѣ. Дворяне говорятъ о крайней матеріяльной нуждѣ ихъ, о чрезвычайныхъ работахъ, о частыхъ бунтахъ, объ упадкѣ земледѣлія, но относятъ эти послѣдствія лишь къ крестьянамъ, находившимся во владѣніи купцовъ.

Волненія фабричныхъ крестьянъ. Волненія фабричныхъ крестьянъ составляютъ столь же постоянное явленіе, какъ и помѣщичьихъ. Царствованіе Петра III застало сильное движеніе на желѣзныхъ заводахъ въ Воронежской губ. (Липецкъ, нынѣ Тамбовской губ.), принадлежавшихъ кн. П. И. Репнину (бывшему посланнику въ Испаніи). Они желали, чтобы ихъ перечислили въ казенное содержаніе. Волненіе это продолжалось до 1766 г. и окончилось обычнымъ приговоромъ; но императрица смягчила наказаніе, выразившись на докладѣ сената: "понеже безъ крайности люди до крайности рѣдко доходятъ". Однако и послѣ этого неудовольствія продолжались: мастеровые заявляли о тяжести работы и неправильной уплатѣ имъ денегъ. Они не хотѣли платить денегъ на путевыя издержки приговоренныхъ въ ссылку, не вѣрили указамъ сената и отказались давать рекрутъ. Только въ 1768 г. сенатъ далъ совѣтъ Репнину окончить это дѣло мирнымъ [illegible], [illegible] г. заводъ его былъ взятъ въ казну, [illegible] былъ уплаченъ [illegible] его казнѣ въ 100000 р. [illegible], волненія на [illegible] заводахъ больше [illegible] на [illegible].

скихъ заводахъ, вызвавшихъ въ началѣ царствованія Екатерины ревизію этихъ заводовъ кн. Вяземскимъ и Бибиковымъ (подробности см. въ Вѣстн. Евр. 1878 г. № 10, 11; 1877, № 1-ый). Послѣ этого была назначена особая комиссія для изслѣдованія самаго вопроса, результатомъ которой было возвращеніе въ казну всѣхъ заводовъ, на которыхъ лежалъ казенный долгъ. Дѣйствительно въ царствованіе Екатерины на нихъ не было болѣе волненій. Независимо отъ этого была учреждена сенатская комиссія (1765 г.) для приведенія заводовъ въ лучшее положеніе и „правосудныя границы". Въ 1769 г. она повысила нѣсколько плату за работу; положено было также давать деньги за тѣ дни, которые крестьяне употребляютъ на дорогу къ заводамъ (Соловьевъ XXIX, 138); но больше ничего не было сдѣлано, пока широкое участіе приписныхъ крестьянъ въ пугачевщинѣ не побудило правительство снова обратить вниманіе и сдѣлать въ ихъ положеніи существенныя улучшенія (въ 1775 г. № 1, 674–75.

Между тѣмъ въ 1769 г. произошло волненіе крестьянъ, приписанныхъ къ олонецкимъ заводамъ; правильное развитіе горнаго промысла начинается здѣсь въ 1701 г., когда, по распоряженію Петра В., саксонецъ Бекеръ устроилъ на р. Лососинѣ, впадающей въ Онежское озеро, сначала Петровскій плавильный, а потомъ чугуноплавильный и пушечный заводъ того

же имени. Въ то-же время были основаны Повѣнецкіе заводы, а черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 45 верстахъ отъ Петровскихъ заводовъ, былъ устроенъ Кончезерскій мѣдеплавильный заводъ, въ 1714-22 г. всѣ эти заводы находились подъ управленіемъ Вил. Ив. де Геннина, переведеннаго отсюда на Уралъ. Послѣ того заводы эти, то закрывались, то снова возобновлялись. Кромѣ того стали добывать золото въ небольшомъ количествѣ на Зоицкомъ рудникѣ, близъ Выгъ-озера. Къ этимъ заводамъ были приписаны крестьяне и между прочимъ до 1000 д. выгорѣцкихъ раскольниковъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ заводскихъ крестьянъ считалось до 18,979 д. Разбросанность населенія, отдаленность пути и дурныя сообщенія тяжело ложились на крестьянъ, отбывавшихъ эту повинность, а между тѣмъ въ 1769 г. имъ не выдавали даже денегъ на путевыя издержки. Дѣлопроизводство велось крайне небрежно; на заводахъ совершалась масса преступленій. Управленіе крестьянъ было въ высшей степени небрежно; не было даже ведено правильнаго продовольствія рабочихъ людей; цѣны на хлѣбъ ставились высокія, наконецъ рабочихъ обкѣрживали. Въ Олонецкомъ краѣ не существовало общиннаго владѣнія и крестьяне часто становились жертвою кулаковъ; подати распредѣлялись неравномѣрно; масса поборовъ тяготѣла на населеніи. Крестьянъ нерѣдко назначали на линія работы и не платили

за обязательныя. Нерѣдко тѣ-же крестьяне назначались также на работы на жестяномъ и пушечномъ заводахъ французовъ Барила, Фулона, Шанонe. Въ 1764г недалеко отъ Петровскаго завода были найдены богатыя мѣсторожденія мрамора. Въ 1768г. отсюда стали брать мраморъ для постройки Исакіевской церкви въ Петербургѣ, для ломки котораго были назначены также заводскіе крестьяне. Еще въ 1766г заводы эти были переданы въ вѣдѣніе адмир. коллегіи, а въ 1769г. была усилена на нихъ отливка пушекъ, потребовавшая, по случаю войны, множество рукъ: крестьянъ стали отвлекать даже въ рабочее время. Поэтому уже въ сент. 1769г. съ Лижемскаго завода (вновь построеннаго) бѣжало 290 крестьянъ. Новый налогъ (съ 1р. 70к. до 2р 70к.) падалъ и на приписныхъ крестьянъ. Все это вызвало волненія крестьянъ на Олонецкихъ заводахъ и они отправили челобитчиковъ въ Петербургъ. Уже въ мартѣ 1770г. императрица велѣла освободить этѣ работы въ Тивдіи и приказала ломать мраморъ вольнонаемными людьми. Между тѣмъ волненіе охватило весь районъ, заселенный означенными крестьянами. Слѣдственная комиссія стала получать массу жалобъ. Сверху былъ выраженъ высшій надзоръ за ея дѣйствіями и вотъ какой выводъ сдѣлалъ онъ на основаніи данныхъ

собранныхъ комиссіею. „Главная причина къ ослушанію крестьянъ, писалъ онъ сенату, произошла отъ чрезвычайно отягощительнаго и непорядочнаго наряда работниковъ и поставки матеріаловъ въ самыя изъ работъ времена." Далѣе онъ говоритъ о недовольствѣ рабочихъ вновь установленной цѣны и общихъ безпорядкахъ въ управленіи. Сверсъ съ своей стороны предложилъ рядъ мѣръ, клонившихся къ облегченію крестьянъ, но сенатъ совѣтовалъ назначить для усмиренія волненія генер. м. Лыкошина. Но вотъ что писалъ по этому поводу императрицѣ Сверсъ: „хотя я изслѣдовалъ это дѣло и высказалъ свое мнѣніе о средствахъ успокоить умы, его презрительно отвергли. Я далъ себѣ слово молчать и сдержалъ-бы его, если-бы до меня не дошли тайныя жалобы, которыя должны имѣть серьезныя основанія, если онѣ слышны такъ далеко..... Генер. Лыкошинъ преслѣдуетъ огнемъ и мечемъ несчастныхъ, которыхъ можно было-бы образумить нѣсколькими словами". Императрица отвѣчала, что ей неизвѣстны предложенія его по этому вопросу. Тогда Сверсъ представилъ болѣе подробную записку, въ которой онъ опять беретъ подъ защиту крестьянъ и далѣе замѣчаетъ: По моему мнѣнію, основанному на здравомъ ученіи о государствѣ, не должно налагать на подданнаго болѣе того, что онъ можетъ выпол-

нить и въ чемъ нуждается правитель, и потому я полагалъ, что нужно предоставить работы на сколько это полезно и необходимо, а остальныя платы сбирать деньгами. Въ два или три года они отработили-бы свою недоимку. Таково было мое мнѣніе, которое сенатъ не принялъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что я не былъ на мѣстѣ. Крайности, до которыхъ дошелъ Лыкошинъ, служатъ достаточнымъ доказательствомъ, что это средство было самое благоразумное."

Сопротивленіе крестьянъ поддерживалось вновь возбужденными надеждами, которыя подалъ имъ проживавшій въ то время (подставленникъ сенатора И. П. Елагина — И. Н. Елагинъ, предложившій крестьянамъ хлопотать о замѣнѣ для нихъ работъ денежными взносами (по 3 р.) и укрывавшій потомъ нѣкоторыхъ изъ челобитчиковъ въ своей квартирѣ въ Петербургѣ. Изъ челобитныхъ видно было, что ихъ заставляли по прежнему работать на каменоломняхъ и сенатъ постыдился отчислить ихъ отъ этихъ работъ. Изъ послѣдующихъ заявленій видно также, что для нихъ не были заготовлены даже необходимыя помѣщенія. Для усмиренія-же ихъ была отправлена команда въ 100 чел., но сенатъ распорядился употреблять ее только въ крайности. Въ то-же время днемъ и ночью крестьяне собирались на сцены (сходки), на ко-

торыхъ рѣшили дѣйствовать сообща-мирно. Однако многіе крестьяне стали приходить съ повинною, а въ февралѣ 1771г. повинились и вожди этого движенія. Но волненіе усилилось, когда явились сюда челобитчики изъ Петербурга, скрывавшіеся у Елагина. По прибытіи военной команды въ с. Киоти (подъ начальствомъ Аллэбрфа), здѣсь оказалось въ сборѣ до 2000 вооруженныхъ винтовками, рогатинами и чѣмъ попало. Тогда сюда былъ назначенъ отрядъ солдатъ (30). Въ апрѣлѣ 1771г. сюда-же прибылъ капитанъ-поручикъ Ржевскій съ манифестомъ отъ императрицы, но крестьяне отказались на отрѣзъ отъ работы. На пути его встрѣчали враждебно, а духовенство было на сторонѣ крестьянъ. Послѣ всего этого были присланы на заводъ двѣ роты солдатъ, подъ начальствомъ кн. Урусова. Въ іюнѣ до 2000 д. принесли повинную, но другіе продолжали упорствовать (7000). Тогда Урусовъ распорядился стрѣлять въ толпу изъ пушекъ, причемъ было убито 5 чел., послѣ чего остальные виновные дали подписку въ повиновеніи. Вскорѣ волненіе было подавлено; но по приговору сената до 80 крестьянъ потерпѣли разныя наказанія, или были сосланы въ Сибирь, а изъ остальныхъ виновныхъ велѣно было взять по 1 рекруту со 100 чел., безъ зачета, а равно изъ нѣкоторыхъ волостей оставшихся непослушными до конца (7000)

по 1 рекруту съ 200 чел. Возмутительныя письма велѣно было сжечь. Ремистраторъ Назиловъ, возбуждавшій крестьянъ къ бунту, былъ подвергнутъ тѣлеснымъ наказаніямъ и сосланъ въ Сибирь. Но затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ крестьянъ взыскались еще значительныя недоимки (до 8,000 р.). Глагина (извѣстнаго банкрота) велѣно было исключить изъ службы. Послѣ этого крестьяне были освобождены отъ работъ на фабрикѣ фрацц. Баргалы и комп. Ижевскій заводъ закрытъ. Коммиссія Лыкошина представила свои соображенія объ устройствѣ заводовъ. Такъ она опредѣлила количество обязательныхъ работъ, устраняла отъ участья подрядчиковъ, предоставивъ распредѣленіе работъ самимъ крестьянамъ, и выдала инструкцію Вязелскаго, составленную для Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ. Общіе суды должны были быть замѣнены собраніемъ старостъ и выборныхъ крестьянъ, за исключеніемъ годовыхъ собраній, для выбора старостъ и мірскихъ раскладокъ. Въ 1772 г. (сент.) при олонецкихъ Петровскихъ заводахъ была учреждена инвалидная команда (П.С.З. 13, 863). Во избѣжаніе злоупотребленій при заводахъ предположено было устроить хлѣбные магазины. Но не всѣ эти предложенія были приняты сенатомъ. Во всякомъ случаѣ послѣ этого бунта олонецкіе крестьяне пришли въ такое состояніе,

что за ними числилось уже 122,433 р. недоимки, которая была разсрочена на многіе годы (Семевскій, Волненія крест., прим. къ Олонец. завод. въ 1769-71 г. Др. и Нов. Россія 1877 г. № 6 и 7 Солов. XXIX, 138-143. П. С. З. № 13,456; 13,589; 13,712 и 14,159 — объ устройствѣ олонец. завод). Но уже въ 1771 г. мы встрѣчаемъ новый указъ, чтобы рабочіе люди на Ахтуѣнскихъ шелковыхъ заводахъ не вѣрили ложному указу и чтобы всякій исправлялъ возложенную на него работу безъ прекословія (П. С. З. № 13,657) Вообще по поводу движенія заводскихъ крестьянъ Екатерина замѣчаетъ: „Заводскія безпокойства прекратились не прежде 1779 г. манифестомъ моимъ о работахъ заводскихъ крестьянъ (П. С. З. № 14,878, отъ 14 мая, которымъ опредѣляются работы крестьянъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ). Съ тѣхъ поръ не слышно было объ нихъ ничего" (Рус. Архивъ 1865, 486).

Лекція 37-ая

Крестьяне дворцоваго вѣдомства.

Въ гораздо лучшемъ положеніи находились крестьяне дворцоваго вѣдомства, извѣстные со времени импер. Павла I подъ именемъ удѣльныхъ. Дворцовыя села встрѣчаются уже въ XVI в. Всѣхъ этихъ крестьянъ въ началѣ царствованія Екатерины II считалось около-

494,000 душъ. Они несли денежныя и натуральныя повинности; но уже въ царствованіе Екатерины всѣ дворцовые крестьяне были оброчными. Въ 1762 г. почти всѣ дворцовые крестьяне стали платить по одному руб. 25 к. съ души, не считая семигривенной подушной подати, тогда какъ государственные крестьяне, кромѣ послѣдней, платили 1 р. Въ 1768 г. оброчный сборъ съ дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ былъ возвышенъ до 2 р. Крестьяне посторонняго вѣдомства, женившіеся на дѣвицахъ дворцовыхъ крестьянъ, должны были уплачивать выводныя деньги. Въ 1765 г. доходы съ дворцовыхъ крестьянъ равнялись 500000 слишкомъ. Рекрутскую повинность дворцовые крестьяне отправляли наравнѣ съ прочими крестьянами, но среди дворцовыхъ крестьянъ было не мало зажиточныхъ людей и потому имъ легко было откупаться отъ рекрутчины. Въ 1766 г. дворцовымъ крестьянамъ было разрѣшено покупать отъ помѣщиковъ къ дворцовымъ волостямъ небольшія деревни съ землями. Въ дворцовыхъ волостяхъ существовали управители, но ихъ злоупотребленія нельзя и сравнить съ тѣми, которымъ нерѣдко подвергались крѣпостные крестьяне.

Дворцовые крестьяне имѣли достаточный надѣлъ (11 6 — 8 десят. на душу). Въ центральныхъ мѣстностяхъ существовало общинное владѣніе, на сѣверѣ общинное, но безъ

передѣловъ земли. Дворцовые крестьяне занимались не однимъ земледѣліемъ, но и другими промыслами. Дворцовою канцеляріею завѣдывалъ графъ Скавронскій, а потомъ И. П. Елагинъ. Въ 1741 г. управители въ дворцовыхъ волостяхъ были уничтожены и крестьяне должны были управляться впредь выборными и старостами. Въ нѣкоторыхъ же, центральныхъ мѣстностяхъ, были заведены управительскія конторы, но онѣ также заявили себя злоупотребленіями. Раскладка повинностей въ волостяхъ и управленіе домашними дѣлами крестьянъ находились въ рукахъ мірскихъ сходовъ и выборныхъ. Должность волостнаго писаря (земскаго дьячка, просто земскаго) была также выборная. Волненій дворцовыхъ крестьянъ почти вовсе не не было. Проектъ П. И. Елагина (1765 г.) о замѣнѣ общиннаго владѣнія крестьянъ — подворнымъ и отдачѣ ихъ въ аренду дворянамъ, былъ отвергнутъ. Впрочемъ изъ числа дворцовыхъ крестьянъ иногда производились пожалованія (напр. Г. Г. Орлову въ 1765 г. мыза Лахта — 205 д. Семевскій, Крест. дворв. вѣд. Вѣстникъ Евр. 1878 г. № 5.).

Казенные крестьяне. Обратимся къ послѣдней группѣ крестьянъ, извѣстныхъ подъ именемъ казенныхъ. Ее составляли государственные крестьяне, или такъ назы-

баемые черносошные; небольшое число ямщиковъ; обѣльные крестьяне, однодворцы. Черносошные крестьяне владѣли землею на общинномъ правѣ, которая впрочемъ представляла не тотъ видъ общины, какой существуетъ въ настоящее время, въ большинствѣ Россіи, т. е. съ передѣлами земли въ извѣстные сроки, а старинный типъ, сохранившійся во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ, при которомъ пашни и отчасти покосы находятся въ подворномъ владѣніи. Въ средѣ черносошныхъ крестьянъ выдѣлялись половники, а однодворцы (потомки служилыхъ людей) служатъ представителями участковаго владѣнія. Черносошные крестьяне представляютъ остатокъ древняго, свободнаго земледѣльческаго сословія, который уже въ XVI в. сосредоточивался главнымъ образомъ на сѣверныхъ окраинахъ Россіи и на сѣверо-восточныхъ окраинахъ Новгородской земли, въ нынѣшней Вологодской, Архангельской, Олонецкой губ. Главною причиною того, что этотъ родъ крестьянъ почти совершенно исчезъ въ центральной Россіи, была — обширная раздача земель въ помѣстья служилымъ людямъ и увеличеніе владѣній духовенства. Въ пріобрѣтеніемъ новыхъ областей правительство стало раздавать помѣстья на юго-восточной окраинѣ государства. Впрочемъ нерѣдко мирное теченіе жизни свободныхъ кре-

стьянъ нарушалась учрежденіемъ такъ скитовъ и монастырей, которые спѣшили выхлопотать въ свою пользу земли и крестьянъ, отчего эти послѣдніе иногда враждебно относились къ появленію среди нихъ отшельниковъ.

Во время 3ей ревизіи въ Великороссіи и Сибири черносошныхъ крестьянъ считалось до 600,000 д. мужескаго пола. Въ Екатерининской комиссіи нѣкоторые представители дворянства заявляли желаніе на пріобрѣтеніе свободныхъ крестьянъ въ свою пользу. Въ комиссію черносошные крестьяне прислали 16 депутатовъ; но такъ какъ каждый изъ нихъ привезъ не по одному сводному наказу, а всѣ наказы, данные волостями и погостами своимъ выборнымъ для избранія депутата, то эти наказанія представляютъ множество интересныхъ подробностей о поземельныхъ отношеніяхъ и экономическомъ бытѣ черносошныхъ крестьянъ. Въ своихъ наказахъ крестьяне отстаиваютъ общинный порядокъ, но жалуются на недостатокъ земли и неравенство въ распредѣленіи участковъ и въ раскладкѣ повинностей — естественное послѣдствіе отсутствія передѣловъ и свободнаго (и свободнаго) перехода земель изъ рукъ въ руки. Такъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ только 1/8 часть населенія имѣла по 1—3 десятины пашенной земли и около 3хъ десятинъ

сѣнокосной, а остальные имѣли пахатной земли менѣе, чѣмъ по полдесятинѣ, а сѣнокосной менѣе чѣмъ по десятинѣ; но иногда земельное неравенство было еще значительнѣе: крестьянинъ, имѣвшій нѣсколько десятковъ половниковъ, долженъ былъ имѣть и значительныя поземельныя угодья. Вслѣдствіе-же свободнаго перехода поземельныхъ участковъ, земля, находившаяся въ рукахъ крестьянъ, путемъ закладъ и продажи, часто дѣлалась достояніемъ купцовъ и посадскихъ сосѣднихъ городовъ, чиновниковъ и даже духовныхъ лицъ. Поэтому крестьяне жалуются на вторженіе въ ихъ среду этихъ владѣльцевъ. Такъ, по словамъ архангельскаго губернатора Головцына, купцы и мѣщане завладѣли многими землями крестьянъ, такъ что мысли ихъ купеческія больше къ деревенскимъ обрядамъ склонны, нежели къ распространенію коммерціи, а многіе изъ нихъ, оставя городъ (Яренекъ), живутъ по деревнямъ своимъ и упражняются въ земледѣльствѣ. Но въ тоже время эти лица уклонялись отъ всякихъ повинностей, которыя несли крестьяне и т. п. Въ теченіе XVII и XVIII ст. (указъ 1751 г.) правительство старалось прекратить отчужденіе земель черносошныхъ крестьянъ и распорядилось отнять тѣ изъ нихъ, которыя пріобрѣтены были людьми не по жалованнымъ грамотамъ, а посредствомъ купчихъ и закладныхъ. Межевою инструкціей (1766 г.) положено было прекратить прода-

жу земли крестьянами крестьянамъ. Такая неравномѣрность съ теченіемъ времени и тотъ-же характеръ землевладѣнія проникли и въ Сибирь; но мы имѣемъ оффиціальное свѣдѣніе, что крестьяне и ясачные татары во время губернаторства Д. И. Чичерина получили надѣлъ землею поровну на каждую душу (1763—67 г.). Впрочемъ и здѣсь крестьяне также ведутъ борьбу съ монастырями за землю. Черносошные крестьяне несли подушную подать въ 70 к., оброчный сборъ съ 1740—1р., а съ 1768—2р.; въ Сибири часть денежнаго оброка выносилось хлѣбомъ или отрабатывалось десятиною съ пашни. Кромѣ того на этихъ крестьянахъ лежали значительныя натуральныя повинности. Но такъ какъ подати собирались съ ревизскихъ душъ, то число несуществующихъ плательщиковъ (умершихъ, бобылей, нелицахъ) достигало иногда 20%. Черносошные крестьяне несли рекрутскую повинность, а сибирскіе давали, кромѣ того, выписныхъ казаковъ (до 9,000 ч.), для отправленія разныхъ службъ. Обезземеленіе нѣкоторой части крестьянъ — приводило къ тк. называемому половничеству. Они сосредоточивались въ сѣверныхъ уѣздахъ и по 2-ой ревизіи ихъ считалось 14,847 чел., а по 3-ей — 11,277 д. мужскаго пола. Уменьшеніе это произошло вслѣдствіе перехода половниковъ, жившихъ на монастырскихъ земляхъ, въ черносошные

Въ 1764 году въ сенатѣ былъ поднятъ вопросъ о запрещеніи имъ перехода, но онъ былъ рѣшенъ отрицательно. У купцовъ и крестьянъ число ихъ доходило иногда до 20, 30 и даже 70 чел. Видно, однако, что переходъ ихъ былъ почти фиктивный; хотя самое названіе половниковъ указываетъ на степень зависимости ихъ отъ хозяевъ, но оно иногда доходило до гораздо большихъ размѣровъ (⅔ урожая въ пользу половниковъ). Кромѣ того они несли всѣ повинности наравнѣ съ крестьянами; а владѣльцы ихъ позволяли себѣ даже наказывать ихъ тѣлесно. Архангельскій губернатора Головцынъ предлагалъ отобрать земли у купцовъ и посадскихъ и отдать ихъ черносошнымъ крестьянамъ за умѣренную цѣну (въ пользу владѣльцевъ) и надѣлить половниковъ, сравнивъ ихъ съ черносошными крестьянами. Но этотъ вопросъ остался нерѣшеннымъ а половники просуществовали до послѣдняго времени.

<u>Однодворцы</u>. Служилые люди (часть боярскихъ дѣтей, не вошедшихъ въ составъ дворянства, казаковъ, стрѣльцовъ, рейтаровъ, драгунъ, солдатъ, пушкарей и т. п.), получившихъ отъ государства земли за службу съ 1719 г, стали называться <u>однодворцами</u>. Изъ нихъ пополнялись (вмѣсто прежнихъ станичниковъ и сторожевыхъ полковъ) <u>ландмилицкіе полки</u> (украинскіе и заказанскіе), обращенные въ 1764 г. въ драгунскіе и пѣхотные полки (10). Однодворцевъ

и разночинцевъ, содержавшихъ ландмилицію (поселенныхъ въ украинныхъ губерніяхъ) по 2-й ревизіи считалось 535,084 д. Въ царствованіе Екатерины II особенность положенія однодворцевъ въ сравненіи съ прочими государственными крестьянами все болѣе сглаживается. Въ 1765 г. украинскіе полки перестали называться ландмилицкими, а во всемъ были сравнены съ армейскими. Неся воинную повинность, подушную подать, однодворцы отличались отъ прочихъ крестьянъ (съ 1768 г.) тѣмъ, что платили 1 р. 70 к. оброка, вмѣсто 2 р. 70 к. Еще съ 1765 г. отставные изъ однодворцевъ были освобождены отъ платежа податей. Но однодворцы не были освобождены отъ натуральныхъ повинностей. Въ царствованіе Екатерины II правительство заботилось, чтобы не допустить однодворцевъ къ обезземеленію и старалось о введеніи въ ихъ селеніяхъ общиннаго устройства съ передѣломъ земли (Кацн. крестьяне при Екатеринѣ II, Семевского, Рус. Старина, 1879 г. т. XXIV).

Однодворцы жили обыкновенно большими селеніями, но въ нихъ не было порядочнаго устройства (Болотовъ), между ними происходили постоянныя тяжбы, а помѣщики, выдавая за нихъ своихъ дѣвушекъ, нерѣдко закрѣпощали однодворцевъ на извѣстное время. Недостатокъ земель заставлялъ ихъ выселяться на новыя мѣста, преимущественно на югъ. Въ комиссіи Уложенія они заявляли о своихъ дворянскихъ пра-

вахъ; требовали сложить съ нихъ подати и дать имъ право пріобрѣтать крестьянъ. Во многомъ они напоминали мелкую шляхту Польши.

Пользуясь служебными преимуществами, однодворцы имѣли своихъ крестьянъ. По третьей ревизіи ихъ считалось 17,675 чел. По межевой инструкціи (1766г.) имъ разрѣшено было продавать и покупать крестьянъ только между собою, но они не имѣли права освобождать своихъ крестьянъ (ів. п. XXV). Они управлялись отчасти собственными управителями, отчасти воеводскими, канцелярскими.

Подати и оброкъ. Таково было въ общемъ видѣ положеніе разныхъ крестьянскихъ группъ въ Россіи передъ пугачевскимъ бунтомъ. Въ сословномъ отношеніи крестьяне составляли замкнутый міръ, выходъ изъ котораго былъ почти немыслимъ. Такъ, податныя сословія не могли вступать въ статскую службу (П. С. З 13, 596). Они не могли быть представлены къ награжденію оберъ-офицерскимъ чиномъ (13, 760); въ вѣдомствѣ берегъ-коллегіи они не могли поступать въ школы, занимать разныя должности и производиться въ чины (13, 917). Даже дѣти приказныхъ служителей, если они были не изъ дворянъ, не могли быть опредѣлены ни въ какую службу, кромѣ приказнаго чина (13, 972; 13, 986; 14, 188). Бѣглые представляли предметъ постоянныхъ хлопотъ для

правительства. Въ это время имъ не разъ давались отсрочки для возвращенія изъ-за границы въ Россію (П. С. З. 13,914; 13,461). Но кромѣ того крестьяне бѣжали изъ Россіи на заводы и тѣмъ усиливали тамъ элементъ недовольныхъ. На заводахъ Демидова ихъ принимали охотно и даже выдавали имъ подложные паспорты (Соловь. XXIX, 143).

Долги помѣщиковъ. Высокій оброкъ помѣщичьихъ крестьянъ лучше всего говоритъ о положеніи этихъ послѣднихъ. Но, въ значительной степени, онъ вызывался разорительною жизнью самихъ помѣщиковъ, большею частью проживавшихъ въ городахъ и столицахъ. Еще въ 1750 г. долги дворянства не превосходили въ общей суммѣ 1,593,000 р., но въ 1775 г., послѣ рогокк., по учрежденіи заемныхъ банковъ для дворянства, оно получило большую возможность на незначительные проценты занимать деньги, а вслѣдствіе того стала повсюду распространяться роскошь, долги дворянства возросли до 8,430,733 р., большая часть которыхъ (4,379,868 р.) падала на долю банковъ (Рус. Вѣст. 1869 г. № 6, Ассиг. въ цар. Екатерины II, 236). При этомъ дворянство прибѣгало даже къ злоупотребленіямъ, чтобы добыть денежныя средства. Такъ въ это время старый дворянскій банкъ донесъ сенату, что хотя всякая строгость и осторожность употребляются для отвращенія подлога при закладываніи

имѣній, однако число преступниковъ не только не уменьшилось, но еще отъ времени до времени умножается. Поэтому банкъ просилъ, чтобы велѣно было камеръ-коллегіи прислать именной списокъ о всѣхъ фамиліяхъ, сколько за кѣмъ считается мужскаго пола душъ и въ какихъ уѣздахъ, на основаніи котораго банкъ, при выдачѣ денегъ, могъ бы справляться, дѣйствительно-ли закладываемое имѣніе состоитъ за заемщикомъ, не продано-ли и не заложено-ли оно за кѣмъ нибудь. Но сенатъ нашелъ составленіе подобнаго списка затруднительнымъ и положилъ ограничиться существующими предосторожностями въ указанныхъ случаяхъ (Соловьевъ XXIX, 124). Правительству приходилось напоминать помѣщикамъ, чтобы они не допускали своихъ крестьянъ ходить въ Москву за милостынею (П.С. З. 13, 767); запрещать розыгрыши лотерей въ Россіи и брать билеты въ иностранныхъ лотереяхъ (13, 585); объявлять о неплатежѣ долговъ, сдѣланныхъ по картежной игрѣ, объ отказѣ уплаты денегъ заимодавцамъ, если заѣмъ дали на игру другихъ, и о продажѣ имѣній расточителей для удовлетворенія ихъ кредиторовъ (13, 677).

Несостоятельные дворяне. Но въ то время какъ одна часть дворянства продавала и закладывала свои имѣнія для удовлетворенія роскоши, другая не имѣла самыхъ необходимыхъ средствъ существованія. Тронскій, дворянскій предводитель доносилъ сенату, что при собра-

ніе дворянъ для раскидки жеребьевъ къ поставкѣ рекрутъ явилось къ нему болѣе 200 дворянскихъ сыновей съ объявленіемъ, что усердно желаютъ вступить въ службу, но они не въ состояніи явиться на мѣсто, тк. кк. нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ ни платья ни обуви. Сенатъ приказалъ: для сохраненія вольности дворянства поручить московскому губернатору, чтобы онъ отъ этихъ недорослей отобралъ челобитныя — объ опредѣленіи ихъ на службу. Слѣдовательно и въ такихъ случаяхъ считали необходимымъ уже ссылаться на актъ, октроированный Петромъ III дворянству. Съ другой стороны новгородскій губернаторъ Сиверсъ требовалъ дать ему указъ, что дѣлать съ малолѣтними дворянскими дѣтьми, которыхъ отцы, по бѣдности своей, прокормить не могутъ. Сенатъ опредѣлилъ назначить ихъ въ гарнизонныя школы на казенное содержаніе (ib. 137, Соловьевъ).

Въ такой средѣ понятны были подобныя явленія, какъ наѣзды съ крестьянами на чужія имѣнія и крестьянскія пашни, какъ спаиваніе чужихъ крѣпостныхъ, какъ пребываніе бѣглыхъ, пристанодержательство, убійства и грабежи (ib 135—137). Въ 1691. сосланъ на одинъ годъ въ монастырь на покаяніе отставной провіантъ-мейстеръ Нелединскій за то, что сѣкъ мать свою пастьми и ссадилъ палкою (Pl. C. 3. 13, 262).

Популярность имени Петра III. И так, для насъ ясно положеніе крестьянъ въ настоящій періодъ. Почти все Поволжье находилось въ броженіи. Указы Петра III о монастырскихъ крестьянахъ, о вольнонаемномъ трудѣ сдѣлали его имя популярнымъ въ средѣ крестьянъ вообще; а первыя распоряженія новаго правительства о томъ, что оно не потерпитъ никакихъ измѣненій въ этомъ отношеніи, волновали народныя умы. Правительству съ первыхъ-же дней приходилось уже бороться противъ ложныхъ указовъ, фабрикуемыхъ въ пользу крестьянъ бѣглыми и деревенскими грамотѣями (П.С.З. т. XVI и XVII). Недовольные экономическимъ положеніемъ, властью помѣщиковъ, религіозными преслѣдованіями, крестьяне невольно обращали свои взоры назадъ и связывали свои лучшія надежды съ именемъ Петра III, непродолжительное царствованіе котораго, ознаменованное признаніемъ принципа религіозной терпимости и освобожденіемъ церковныхъ крестьянъ, укрѣпило въ мысли о его сочувствіи крестьянскому населенію и раскольникамъ. Таинственность кончины Петра III, кн. и смерть Емилія Гуліцкаго, содѣйствовала возникновенію мистическихъ легендъ, которыми и воспользовались недовольные. Эта игра повторялась не разъ въ нашей исторіи, особенно во смутныя времена. Достаточно напомнить появленіе цѣлаго ряда самозванцевъ одновременно съ Емелькой

самозванцемъ и послѣ его смерти. Точно также Разинъ распускалъ слухъ будто-бы съ нимъ идетъ для завладѣнія Москвою царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, тогда уже умершій, а въ Приволжскомъ краѣ существуетъ преданіе, что и Стенька Разинъ живъ до сихъ поръ (Костомаровъ, Моногр. т. II). Потомъ самозванцы пользовались именами царевича Алексѣя Петровича и другаго сына Петра Великого — Петра, умершаго въ младенчествѣ. Но имя Петра III въ средѣ раскольниковъ и крестьянъ получаетъ другой, болѣе широкій смыслъ. По словамъ одного изъ сообщниковъ Пугачева „слышно было, что государь скончался, но болѣе поговаривали, что онъ живъ", и не за долго до Пугачевщины (1772 г.) въ деревнѣ Богдановкѣ, Орловской губ., была открыта секта скопцовъ, которая, не смотря на преслѣдованія, постигшія первыхъ сектантовъ, появляется вслѣдъ за тѣмъ въ Тамбовской губ. Основателемъ этой секты былъ Кондратій Селивановъ, который носитъ имя „искупителя Христа и Петра III". По ученію скопцовъ императоръ Петръ III, угрожаемый смертью со стороны вельможъ, тайно скрылся и сталъ вести скитальческую жизнь; былъ за границею, а, возвратясь въ Россію, подвергся мученію, наказанъ кнутомъ въ Сосновкѣ (Тамбовской губ.) и посланъ въ Иркутскъ, откуда явится со славою и силою и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ (Щебальскій, 50—57).

Заселеніе Иргиза. Рѣка Иргизъ, сдѣлавшаяся главнымъ притономъ раскольниковъ, вышедшихъ изъ Польши, обязана была своимъ заселеніемъ милостивому указу Петра III.[1] Проектъ объ этомъ былъ поданъ императору экономическимъ крестьяниномъ Малыковской волости (с. Малыковка, нынѣ городъ Вольскъ, или Вольскъ, Саратовской губ.) Иваномъ Серебряковымъ. При Екатеринѣ онъ содержался уже въ секретномъ приказѣ за то, что онъ вмѣстѣ съ чиновниками, которымъ поручено было это дѣло, сталъ принимать на Иргизъ всѣхъ безъ разбора и даже помѣщичьихъ крестьянъ. Въ тюрьмѣ Серебряковъ сошелся съ запорожскимъ атаманомъ Черняемъ, участвовавшемъ въ разграбленіи Балты и съ помощію денегъ оба успѣли бѣжать, а за тѣмъ Серебряковъ принимаетъ дѣятельное участіе въ появленіи Пугачева (Зап. Державина 41-42). Замѣчательно, что въ Москвѣ онъ нашелъ себѣ покровителей въ лицѣ сенатскихъ чиновниковъ и другихъ вліятельныхъ лицъ (ib.). Въ главномъ раскольничьемъ селеніи на Иргизѣ — Мечетной слободѣ (нынѣ Николаевскъ, Самарской губ.) — Пугачевъ получилъ благословеніе на свой подвигъ отъ игум. Филарета и отсюда-же онъ отправился къ яицкимъ козакамъ (Соч. Державина, I, 42). Иргизъ считал-

1.) Это были такъ наз. Филипоны, поселенные на Иргизѣ, на основ. указа 11 дек. 1762 г. Зап. Бибикова, 113.

ся опаснымъ гнѣздомъ во все время пугачевщины (ib. 157–158); онъ служилъ мѣстомъ укрывательства для воровъ и бѣглыхъ (Чт. М. О. И. 1856, II, 56). Во время пугачевщины населеніе Малыковки состояло главнымъ образомъ изъ экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ, но сверхъ того тамъ жили татары, колонисты и особенно раскольники. Другимъ гнѣздомъ послѣднихъ были сосѣднія рѣки Большой и Малый Узень, которыя текутъ въ степи почти параллельно, верстахъ въ 20 одна отъ другой по Самарской губ. и землѣ Уральского войска (Чт. Зап. Ак. Н. VII, Дѣят. и переписка Державина во время Пугачевщины, 13–16).

Современные взгляды на положеніе крестьянъ. Въ литературѣ того времени мы встрѣчаемъ весьма смѣлыя описанія народного быта и положенія крестьянъ (наприм. въ „Живописцѣ" Новикова). Сама императрица не щадила красокъ на изображеніе крестьянскаго быта въ своемъ „Наказѣ", болѣе сильныя мѣста котораго были даже отрицены ею въ окончательной редакціи. Екатерина и Сиверсъ говорятъ о непомѣрномъ оброкѣ помѣщичьихъ крестьянъ (5 р. и болѣе). Многіе помѣщики рѣдко или почти никогда не заглядывали въ свои имѣнія и не хотѣли знать, какими способами крестьяне достаютъ эти деньги, а иной землевладѣлецъ лѣтъ 15 не видѣлъ своей избы, добывая положенный оброкъ. Императрица признаетъ, что страна, которая до такой сте-

пени обременена податями, что лишь съ большимъ трудомъ народъ можетъ добывать себѣ пропитаніе, рано или поздно должна обезлюдѣть; что народъ закапываетъ въ землю деньги, боясь казаться богатымъ; она опровергаетъ взглядъ, господствовавшій въ то время, что, чѣмъ болѣе наложено дани, на народъ тѣмъ болѣе онъ въ состояніи будетъ платить ея.[1] Намъ извѣстно уже право помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь съ зачетомъ въ рекруты, вызвавшее массу сдѣлокъ подобнаго рода; запрещеніе крестьянамъ жаловаться на своихъ владѣльцевъ и подавать челобитныя (П.С.З. XVII, 12,311; 12,648); страсть къ азартнымъ играмъ и долги дворянъ, нерѣдко оплачиваемые также крестьянами. Одинъ иностранецъ разсказываетъ, что его поражали такія явленія, что дворяне нерѣдко въ обмѣнъ за одну собаку давали двухъ мужиковъ. Появлялись пасквили на помѣщиковъ съ угрозами, подкрѣпляемыми текстомъ изъ св. писанія: „въ чюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ". Подобные пасквили сожигались въ Петербургѣ, Ярославлѣ, а виновныхъ дворовыхъ людей наказываютъ за нихъ и ссылаютъ въ Нерчинскъ (Мордовцевъ, Самозванцы, III—140).

1.) Взглядъ заботливаго помѣщика на нужды крестьянъ, см. въ XVIII вѣкѣ Бартенева (проектъ ярославскаго пом. Карновича), т. II 365—68.

Самозванцы до Пугачева. Имя Петра III въ первыхъ же лѣтъ царствованія Екатерины привлекало къ себѣ вниманіе народа. Не говоря о появленіи за границею извѣстнаго Степана Малаго, побывавшаго и въ Россіи, большая часть самозванцевъ, носившихъ имя Петра III, появилась въ той мѣстности, которая служила потомъ ареною дѣятельности Пугачева. Въ 1763 г. были привлечены къ отвѣтственности попъ и дьячекъ села Спасскаго, Оренбургской губ. за то, что упоминали на ектеніяхъ имя Императора Петра III, пѣли ему многолѣтіе и говорили, что онъ живъ (Рус. Арх. 1871 г. 1, 252 стр.); императрица велѣла простить ихъ. Къ этому-же времени относятся похожденія яицкаго казака Каменьщикова. Возмущенный дѣйствіями старшинъ, онъ побывалъ въ сосѣднихъ крѣпостяхъ, въ Далматовскомъ монастырѣ, на Демидовскихъ заводахъ, собиралъ жалобы отъ крестьянъ, наказывалъ приказчиковъ и явился въ Петербургъ, желая представить челобитную объ ихъ притѣсненіяхъ сенату. Послѣ поимки его, однако, узнали, что въ Исетской провинціи онъ разглашалъ, будто-бы Петръ III живъ и находится съ Волковымъ въ Троицкой крѣпости, а также высказывалъ надежду на нихъ. За это Каменьщиковъ былъ подвергнутъ наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и ссылкѣ въ Нерчинскъ въ вѣчную работу (Солов. XXVII 21–24; Памяв.

нов. Рус. ист., III, 384–386). Люди, принимавшіе на себя имя импер. Петра III, были всѣ изъ солдатъ, казаковъ или рекрутъ (Самозванцы, Мордовцева, II, 71). Такъ появился было на крымской границѣ бѣглый солдатъ орловского полка и съ помощію раскольниковъ, поповъ и крестьянъ объявилъ себя императоромъ и былъ даже посаженъ ими на престолъ ихъ сельской церкви (1770 г.). Двое самозванцевъ появлялось въ Воронежской губ. Второмъ изъ нихъ былъ извѣстный Кугелевъ, успѣвшій произвести движеніе въ народѣ, но во время схваченный правительствомъ. (Мордовцевъ, Политич. движ., I, 345; Щебальскій, 49). Одновременно съ Пугачевымъ въ Воронежской губ. назвался Петромъ III нѣкто Мосякинъ (Блудовъ и его время 191–192). Въ 1769 г. бѣглый солдатъ Малыкинъ на дорогѣ въ Астрахань разглашалъ, что Петръ III живъ, примѣнитъ опять царство и часть льготы крестьянамъ. Извѣстный Витуринъ разсказывалъ солдатамъ въ Шлюсельбургѣ, что Петръ III живъ и года черезъ два возвратится въ Россію (Соловьевъ XXVII, 161–162). Въ 1772 г., въ Дубовкѣ, среди волжскихъ казаковъ появился Лжепетръ — Гогоналовъ, крестьянинъ гр. Р. И. Воронцова (Самозванцы Мордовцева, I). На этой почвѣ получали вѣру всякія слухи, поздно и превратно доходившіе до народной молвы. Уже во время дѣйствій Пугачева народъ толковалъ о появленіи таинственныхъ братьевъ бывшаго императора Ивана Анто-

новича (ib. 150.). Несогласія при дворѣ и положеніе вел. князя Павла Петровича, о правахъ котораго тк. настойчиво хлопотали недовольные господствомъ Орловыхъ, усилили расположеніе къ его отцу (Соловьевъ XXIX, 181–183), о смерти котораго позволялись себѣ открыто говорить въ этомъ кружкѣ. Мы знаемъ уже, что эти неудовольствія при дворѣ обнаружились почти одновременно съ появленіемъ Пугачева (Лебедевъ, графы Панины, Спб. 1863). Не даромъ и Пугачевъ опирался на имя вел. кн. Павла Петровича.

Благопріятныя условія Поволжскаго края для народного движенія. Заволжье всегда было открыто для подобныхъ предпріятій. Разноплеменный составъ населенія, масса бѣглыхъ, недавнія движенія среди горнозаводскихъ крестьянъ и яицкихъ казаковъ, недовольство среди крестьянъ за льготы, дарованныя иностраннымъ колонистамъ, обратившее на себя вниманіе сената, наконецъ, кк. объединяющій элементъ этого брожения, – раскольничье движеніе, – вотъ та почва, на которой пришлось развиваться пугачевскому бунту. Нужно замѣтить, что народное движеніе на Украинѣ и въ Запорожьи, приведшее къ гайдамачинѣ, будучи недавно подавлено, дало множество переселенцевъ на Волгу (1768 г.). Получивъ сильный отпоръ за Днѣпромъ, гайдамаки разсыпались по всей южной [illegible]

половинѣ Россіи (Атаманъ Ераминъ, Самозв. II). Они слились здѣсь съ извѣстными разбойничьими шайками (Иванова и Юдина), вооруженными баграми и ружьями, съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали на Волгѣ именно въ 70-хъ годахъ, представляя собою иногда силу во 100 чел. (Самозв. II, 14-26). Въ составъ этихъ бандъ входили самые разнообразные элементы: казаки, малороссы, бѣлые солдаты, крестьяне. Одна изъ пойманныхъ шаекъ въ 86 чел. заключала въ себѣ 3 священниковъ, 1 діакона, 3 церковниковъ, 4 рекрутъ, 10 однодворцевъ, 65 крестьянъ. Банды эти дѣлали нападенія на торговые караваны (на суда съ желѣзомъ Демидова) и даже военныя команды, съ которыми вступала въ открытый бой (Полнозов. вольн. Мордовцева). Недавняя чума въ Москвѣ и ея окрестностяхъ усилила этотъ элементъ на Волгѣ. Когда ловили бѣжавшихъ оттуда, они ссылались на то, что они выходцы изъ Польши. Въ казанской губ. бродили толпами отставные солдаты, поселенные залѣ, и занимались грабежемъ. Поэтому ихъ велѣно было водить съ конвоемъ (Полн. собр. зак. XV, 11,617, XIX 13,767; 13,413). Многіе изъ арестантовъ, которые назначались для пересылки въ города за 100—3,000 верстъ, бѣжали съ пути (XVII, 12,345). Села, въ которыхъ отыскивали награбленное имущество, подвергались витіи т.е. платѣ за него (12,455). Число бѣглыхъ въ Сибири было

тк. велико, что правительство распорядилось оставить их на мѣстахъ, переписать и положить въ подушный окладъ (11, 860). Многіе убѣгали въ раскольничьи скиты и постригались тамъ (13, 413, Мордовцева, Самозв. II, 5—11).

Крестьянскій характеръ Поволжья. Другая выдающаяся черта этого края — это отсутствіе образованнаго и консервативнаго элемента. Дворянство стало гнониться за Каму и Волгу около половины XVIII ст., и теперь еще есть мѣстности (напр. Новоузенскій уѣздъ Самар. губ.), гдѣ вовсе нѣтъ дворянства. Перейдя-же на правый берегъ Камы, пугачевщина встрѣтила сильную поддержку со стороны крѣпостныхъ крестьянъ — и развернулась здѣсь съ болѣе страшнымъ характеромъ (Щебальскій, 21). Мы уже знаемъ, на сколько было подготовлено къ этому движенію яицкое войско, наиболѣе себѣ поддержку со стороны Башкиръ. Здѣсь собственно начинается самое движеніе, здѣсь появляется въ своей роли и Пугачевъ. Этотъ преимущественно казацкій характеръ и сохраняетъ пугачевщина до перехода своего на правую сторону Волги, когда берегъ уже перевѣсъ крестьянскій элементъ и крестьянское движеніе. По словамъ одного иностранца, дворяне (Ветечкинде 219—220; Мордовцевъ, 4, 209—210) сами были причиною тѣхъ бѣдствій, ка-

кія постигли ихъ во время пугачевщины, по своей безпечности; незначительные гарнизоны, расположенные въ городахъ, не могли противо-поставить надежнаго отпора; въ администраціи господствовала полнѣйшая безпечность; деревни были наполнены ворами и разбойниками, а путешественники, если желали путешествовать, то должны были выѣзжать окруженными огромнымъ числомъ провожатыхъ. Воевода, ѣхавшій на службу, рисковалъ быть ограбленнымъ на пути (Полит. движ. 307-309). Съ одинаковою враждою къ помѣщикамъ относились и инородцы (307). Только недавно прекратились здѣсь и въ Сибири насильственныя обращенія въ христіанство (см. 13 лекцію, въ концѣ) и недавно отмѣнены были ихъ защитники, чиновники, дававшіе имъ сильно чувствовать свою власть (Мордов. Самозв. 127-34). Поэтому они также принимаютъ весьма дѣятельное участіе въ пугачевщинѣ, кк. и крестьяне (Пушкинъ, VI, 23). Не меньшею ненавистью было проникнуто населеніе къ православному духовенству, которое въ своихъ вымогательствахъ доходило иногда до того, что по цѣлымъ недѣлямъ не хотѣло хоронить умершихъ (П. С. З. № XVIII и Самозв. I, 133). Администрація отличалась полнѣйшею несостоятельностью. Вотъ что писалъ Бибиковъ императрицѣ, по пріѣздѣ въ Казань: „Рѣдко найдешь въ селѣ

краю и между чиновниками людей съ просвѣщеніемъ и разумомъ, а сами гарнизонные офицеры своею мрачною глупостью способствуютъ бунту (Матеріалы, Грота, 53). Онъ жалуется на звѣрскіе нравы, не имѣющіе первыхъ понятій человѣческихъ (58). Многочисленные наборы во время турецкой войны увеличили массу бѣглыхъ и посѣяли новые недовольствія (Сбор. Рус. ист. общ, XIX, 393), а въ это время даже помѣщики съ трудомъ (съ трудомъ) могли купить рекрута за 200 р., между тѣмъ кн. обыкновенная цѣна крестьянина была 30 р. (Сборн. XIX, 404)[1].

<u>Участіе конфедератовъ</u>. Въ такое-то время Оренбургскій край (разныя крѣпости) переполняются ссыльными конфедератами мужескаго и женскаго пола. Въ янв. 1773 г. ихъ считалось здѣсь около 1000 чел., особенно-же много было конфедератовъ въ Уфѣ и Оренбургѣ. Ксендзы Мисянскій, Франковскій и Коленда начали въ Уфѣ публично высказывать свои мнѣнія; шляхта нашла радушный пріёмъ въ домахъ помѣщиковъ, обучая ихъ дѣтей иностраннымъ языкамъ, музыкѣ и танцамъ. Они старались дѣйствовать на русскихъ черезъ женщинъ. Они посѣщали крестьянскія собранія и посылки

1.) Духоборцы, находившіеся въ 1-ую турецкую войну подъ Перекопомъ, бросили оружіе. Записки Лопухина, Чт. М. О. И. 1864, IV, 48.

и возбуждали къ противъ заводчиковъ и помѣщиковъ. Они ходили по улицамъ въ своихъ костюмахъ и даже съ оружіемъ совершали богослуженіе; старались дѣйствовать и на инородцевъ (Конфедераты въ Уфѣ въ 1772 г. по имп. тургайскаго ара. Р. Г. Игнатьева. Уф. губ. Вѣд. 1874, Витевскій, Рус. Арх. 1879 г. III, 457–58). Въ Казани поляковъ и французовъ находилось болѣе 150 (Салозв. Мордовцева, I, 139–140).

Въ то время не на шутку толковали о непосредственной связи Пораканової съ Пугачевымъ (Сборн. XIX 467–68); но Бибиковъ выражается въ своемъ донесеніи императрицѣ, что „подозрѣніе на чужестранныхъ совсѣмъ неосновательно" (Гротъ, 58). Мы знаемъ, что Вольперъ также склоненъ былъ видѣть здѣсь иностранное вліяніе; но Екатерина отвергла это мнѣніе. Рунич, въ своихъ запискахъ, также отвергаетъ всякое вліяніе внѣшнихъ и внутреннихъ партій на Пугачева (67–70)[1]. Безъ сомнѣнія нѣкоторые изъ дворовъ могли радоваться затрудненіямъ Россіи въ это время, но отсюда еще далеко до дѣятельнаго участія въ подобномъ предпріятіи. Извѣстія объ этихъ со-

---

1.) Уже въ 1788 г. Екатерина припомнила враждебность швед. короля въ пугачевщину, который хвастался тѣмъ, что не соединился съ самозв-мъ (Грановицкій, 160). Но здѣсь много значилъ характеръ самого Густава III, который сравнивал Донъ-Кихотомъ.

бытіяхъ подавали надежды и друзьямъ Тараканової, не болѣе. Сочувствовавшіе ей конфедераты въ Россіи могли дѣйствовать независимо отъ посторонныхъ вліяній, точно также кк. русскіе ссыльные принимали участіе въ бунтѣ Биніовского и кк. принимали участіе въ пугачевскомъ бунтѣ гвардейскіе офицеры, сосланные въ Сибирь (Сборн. XIX, 393). „Все недовольное, замѣчаетъ одинъ современникъ, ожидало только предлога, чтобы открыто начать мятежъ — предлогъ этотъ въ лицѣ Пугачева не заставилъ себя ждать и яицкое войско первое подняло знамя бунта" (Зап. А. Е. Поспѣлова, Вѣст. Европы, 1870, № 6, 621).

Взгляды на первыя дѣйствія Пугачева. Между тѣмъ въ обоихъ столицахъ господствовало какое-то легковѣріе, убѣжденіе о ничтожности этого движенія. „Всѣ смѣялись только тогда дерзновенію сего злодѣя, говоритъ Болотовъ, и надѣялись, что отправленныя для усмиренія его команды скоро все сіе уничтожатъ и злодѣйствамъ его конецъ сдѣлаютъ. Но кк. мало знали всѣ мы тогда, что воспослѣдуетъ и какой великій пожаръ произведетъ эта искра." Вскорѣ увидѣли, „что дѣло сіе не походило уже ни мало на шутку." (Зап. III, 349, 352). Правительство сначала посмотрѣло на Пугачева кк. на разбойника и думало ограничиться, отправивъ противъ

него небольшой отрядъ, какъ это дѣлалось обыкновенно на Волгѣ. (Анучинъ, Рус. Вѣст. 1872, №6,450) И въ отдаленномъ Петербургѣ, и въ близкомъ къ сценѣ дѣйствія — Оренбургѣ господствовала полнѣйшая безпечность. Въ Петербургѣ узнали объ этомъ только въ октябрѣ 1773 г., когда Пугачевъ осаждалъ уже Оренбургъ, а въ тылу имѣлъ за собою 10 взятыхъ крѣпостей и форпостовъ (Мордовцевъ, полит. движ. I, 29–30), и хотя объ этомъ были тотчасъ отправлены распоряженія въ Царицынъ, но всенародно объ этомъ рѣшено было объявить лишь 2 мѣсяца спустя (9 дек. Арх. госуд. сов. I, 415). По словамъ Державина въ Петербургѣ до конца ноября вовсе не было разговоровъ о Пугачевѣ. Въ то время были заняты при дворѣ торжествомъ по случаю свадьбы вел. князя Павла Петровича (Рыковъ; Мордовцева Самозв. I, 130, 138). Балы давались и въ Казани и въ Оренбургѣ, на одномъ изъ нихъ здѣсь узнали объ опасности, угрожающей послѣднему (Полит. движ. I, 230–231, 235). Не смотря на это при дворѣ продолжались интриги, много вредившія дѣлу на первыхъ порахъ. Результатомъ ихъ былъ извѣстный разладъ между императрицею и ея сыномъ (Сборн. XIX, 389–392, 394–397). И въ то время какъ въ Петербургѣ думали скрыть опасность о которой вовсе не знали русскіе представители за границею, Фридрихъ II знавъ даже о распоряженіяхъ русскаго правительст-

ва и сообщилъ объ этомъ нѣкоторымъ русскимъ бывшимъ тогда въ Берлинѣ (Зап. Рунича, 80-81). Только Января 1774 г. впервые коснулся этихъ событій вице-канцлеръ Голицынъ въ письмѣ къ русскому посланнику въ Берлинѣ, кн. В.С. Долгорукому: „Вы слышали конечно, писалъ онъ, объ оренбургскихъ происшествіяхъ. Дѣло прецвелечено молвой. Эти безпорядки произведены бродягами и разбойниками, которые воспользовались отсутствіемъ войскъ." (Щебальскій, 60).

Лекція 38

Происхожденіе и личность самозванца. Обратимся къ личности самозванца. Емельянъ Пугачевъ былъ второй сынъ казака Зимовейской станицы, Войска Донского, Ивана Пугачева. Вступивъ на 18 году въ ряды казаковъ, онъ вскорѣ женился и ушелъ въ прусскій походъ. Полковникъ Денисовъ, въ отрядѣ котораго онъ служилъ, обратилъ вниманіе на его замѣчательную „проворность" и сдѣлалъ у себя ординарцемъ, но вскорѣ-же за вину по службѣ (упущеніе лошади) наказалъ его кнутомъ.[1] За границею онъ при-

1.) Ноздри однако не были вырваны, хотя одно съ другимъ постоянно соединялось въ тогдашней уголовной практи-

сягалъ Петру III, а потомъ Екатеринѣ II. Въ это время ему было 20 лѣтъ. Въ одномъ нѣмецкомъ романѣ (Ложный Петръ III) разсказывается, что генералъ Тотлебенъ, во время пугачевской войны, увидѣвъ однажды Пугачева, обратилъ вниманіе окружающихъ на сходство Пугачева съ вел. кн. Петромъ Ѳедоровичемъ, но это нелѣпая басня (Пушкинъ 571). „О названіи себя государемъ мнѣ тогда и въ голову не приходило," говорилъ о себѣ впослѣдствіи Пугачевъ. Послѣ турецкой войны Пугачевъ то жилъ въ своей станицѣ, (4 года), то участвовалъ вмѣстѣ съ другими казаками, подъ начальствомъ генерала Кречетникова, въ выводѣ русскихъ бѣглыхъ изъ Польши, то въ турецкомъ походѣ, гдѣ былъ произведенъ въ хорунжіе (первый офицерскій чинъ). Здѣсь онъ распустилъ было слухъ, что онъ крестникъ Петра Великаго, но потомъ сознался въ своемъ хвастовствѣ. По взятіи Бендеръ гр. П. И. Панинъ отпустилъ его по болѣзни домой. На родинѣ онъ способствовалъ бѣгству одного своего родственника, тяготившагося службою, а потомъ и самъ бѣжалъ, опасаясь бѣды. Онъ побывалъ на Терекѣ

ка, отчего и произошло потомъ весьма важное затрудненіе для администраціи при опредѣленіи принѣтъ Самозванца. Сотникъ Подуровъ, бывшій членъ Екатеринской коммиссіи, указывалъ на это обстоятельство, какъ на доказательство въ пользу Пугачева. Пушкинъ 114.

и получилъ отъ моздокскаго казачьяго войска поручеиіе ходатайствовать его нуждахъ въ Петербургъ, но при выѣздѣ изъ города былъ схваченъ и посаженъ на стулъ съ цѣпью, однако успѣлъ бѣжать на родину, снова былъ пойманъ и снова бѣжалъ (Ст. М. О. И. 1848 г.). Теперь онъ пробрался въ Малороссію (въ Добрянскій форпостъ и Стародубье, Черниговъ. губ) и по совѣту одного крестьянина рѣшился выйти въ Польшу, чтобы имѣть право возвратиться оттуда въ качествѣ польскаго выходца. Семья Пугачева не принадлежала къ расколу (показаніе жены и его самого), но здѣсь онъ готовъ былъ принять на себя и эту роль. Такъ мы встрѣчаемъ его сначала въ Стародубьи, а потомъ въ раскольничьемъ гнѣздѣ — Вѣткѣ. Отсюда онъ хотѣлъ перейти на Кубань и поселиться тамъ, но съ законнымъ паспортомъ. Когда онъ находился въ такомъ раздумьи, тамошніе раскольники, недовольные наступавшими для нихъ притѣсненіями въ Польшѣ, указали ему на яицкихъ казаковъ, гдѣ онъ можетъ имѣть успѣхъ, обѣщали ему денежные средства (добрян. купецъ Кожевниковъ), убѣдили его въ сабдствѣ съ Петромъ III, но подъ условіемъ, чтобы онъ вывелъ отсюда раскольниковъ. Послѣ этого рѣшено было на общемъ совѣтѣ, чтобы онъ отправился въ Мечетную слободу на Иргизъ къ игумену Филарету, который лучше другихъ знаетъ

положеніе яицкихъ казаковъ и могъ дать дальнѣйшія наставленія. Они увѣрили, что за Пугачевымъ пойдутъ всѣ раскольники. Тутъ и надорогѣ раскольники давали ему и его спутникамъ деньги (370р., 116р.) и увѣряли, что ему помогутъ въ этомъ дѣлѣ и донскіе раскольники. Въ ноябрѣ 1772г. Пугачевъ поселился уже въ Мечетной слободѣ, побывавъ и въ Иргизскомъ монастырѣ у старца Филарета. Получивъ отъ него благословеніе на свое предпріятіе, Пугачевъ въ тотъ-же мѣсяцъ былъ уже въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ засталъ страшное обѣднѣніе казаковъ (у многихъ не было хлѣба) и слышалъ живые разсказы о дѣйствіяхъ здѣсь генераловъ Траубенберга и Фрейгана. Спутникъ же его, крестьянинъ Филоновъ, распускалъ о немъ небывалыя вещи: о его вызовѣ яицкимъ казакамъ подданьсяя турецкому султану, о его обѣщаніи щедро вознаградить казаковъ, о его значительныхъ средствахъ. Послѣ этого въ Малыковкѣ его подвергли допросу и наказанію батогами, но онъ отказался отъ всѣхъ этихъ обвиненій. Однако у него тогда не было столько денегъ, чтобы освободиться отъ тюрьмы. Отсюда онъ былъ доставленъ въ Казань. Въ тюрьмѣ онъ не пилъ вина, часто молился Богу и возбудилъ къ себѣ всеобщее сочувствіе. Ему стали присылать даже деньги въ тюрьму. Въ маѣ-же 1773г., съ помощью за-

кихъ благодѣтелей, во время отпуска изъ тюрьмы, для сбора милостыни, ему удалось бѣжать изъ Казани. Конфирмація военной коллегіи, присуждавшая Пугачева за прежніе поступки къ наказанію плетьми и ссылкѣ на казенныя работы въ Нелымъ (Пушкинъ 28, 29), уже не застала его здѣсь. Между тѣмъ, онъ снова пробрался на Иргизъ и снова встрѣтился съ яицкими казаками, разбѣжавшимися послѣ погрома Яицкаго городка и которые грозили тряхнуть Москвою. Здѣсь Пугачевъ впервые назвалъ себя императоромъ Петромъ III (на Тяловскомъ уметѣ), въ подтвержденіе чего, подобно Дм. Самозванцу, онъ ссылался на какіе-то знаки на тѣлѣ. Здѣсь собрались первые товарищи его подвиговъ – Караваевъ, Шилаевъ (замѣшанные въ яицкіе дѣла), Чика, будущій президентъ военной коллегіи Пугачева, мнимый Зах. гр. Чернышевъ, Мясниковъ и др., которымъ и сообщилъ самозванецъ исторію своего спасенія. Свои знаки и шрамы на тѣлѣ онъ объяснялъ остатками отъ гвардейскихъ штыковъ, разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ въ Кіевѣ, Польшѣ, Египтѣ, Іерусалимѣ, напр. Тереки и Дону, откуда и пришелъ, чтобы удовольствовать обиженную чернь.(1.)

1.) Знаки играютъ вообще важную роль въ показаніяхъ Дм. Самозванца и др. Самозванцевъ (царевичъ Алексѣй

Первые пособники Пугачева. Условившись на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій, Пугачевъ съ своими товарищами отправился на Яикъ и поселился въ хуторѣ казаковъ Кожевниковыхъ. Между тѣмъ, его сообщники вербовали ему войско. Казанскій губернаторъ Я. А. фонъ-Брантъ уже началъ поиски за бѣжавшимъ арестантомъ и самъ Пугачевъ вынужденъ былъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Онъ обѣщалъ Яицкій городокъ сдѣлать столицею Имперіи, а казакамъ дать первенство надъ всѣми. Теперь ему пришлось запастись писаремъ[1], лучшимъ кафтаномъ, шапкою, знаменами. Здѣсь къ нему присоединился казакъ Никита Карповъ, поставленный потомъ Пугачевымъ въ атаманы яицкаго войска, и Иванъ Почиталинъ, любимый секретарь самозванца; Кочуровъ и др.; составлялись совѣты (въ палаткѣ) и дѣлались первыя распоряженія, причемъ главнымъ руководителемъ самозванца является Чика. Онъ звалъ Пугачева въ Яицкій городокъ, а если не удастся здѣсь, то совѣто-

---

и Петръ Петровичъ, Есинова, Рус. Вѣст. 1843, и Щебальскій, Начало пугачевщины 46-49.

1.) Пугачевъ показалъ, что онъ былъ неграмотенъ. Политич. движ. I, 272; о его собственноручныхъ приказахъ см. Рус. Арх. 1870, II, 457-52. Перм. сборникъ, т. II, Рус. Старина т. XIII; Чтенія Моск. общ. ист.

вать, „броситься на Русь" и повсюду поставить новыхъ судей, ибо „въ нынѣшнихъ присутствіи многая неправда". Теперь самозванецъ рѣшается публично объявить, что онъ императоръ Петръ III и жалуетъ свое царство, вѣрныхъ яицкихъ казаковъ, рѣками, лугами, лѣсами, крестомъ и бородою. Но онъ не подписался подъ этимъ указомъ, а поручилъ это сдѣлать Почитамину ссылаясь на то, что ему нельзя подписываться до самой Москвы. Пугачевъ приказалъ развернуть знамена, сдѣланныя изъ бѣлаго полотна, на которыхъ красовался 8ми-угольный раскольничій крестъ. Къ нему присоединились отряды казаковъ, татаръ, калмыковъ; онъ завязалъ сношенія съ Нуреем-ханомъ киргизкайсаковъ. Комендантъ Симоновъ, выславшій противъ Пугачева изъ города до 3,000 казаковъ и пѣхоты съ пушками, не рѣшился подать помощь своему отряду. Многіе казаки перешли на его сторону. Пугачевъ имѣлъ 200 чел. Первыми жертвами его успѣха подъ Яицкимъ городкомъ были казаки старшинской партіи (болѣе 10): они были повѣшены, по требованію самихъ казаковъ, несмотря на просьбы Пугачева пощадить ихъ. Однако пушки заставили Пугачева отступить отсюда. Симоновъ требовалъ помощи у Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, но вскорѣ прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже прервано.

Военныя дѣйствія. Образовавъ войсковой кругъ, Пугачевъ велѣлъ выбрать атамана (Овчинниковъ), полковника и есаула. Теперь у него было 450 чел., съ которыми онъ занялъ Илецкій городокъ. На пути онъ велѣлъ захватывать всѣ запасы и орудія. Въ Илецкомъ городкѣ послѣдовала также расправа; а казакамъ позволено было выбрать изъ себя на разныя должности. Затѣмъ Пугачевъ занялъ крѣпость Разсыпную, повѣсивъ здѣсь коменданта, офицеровъ и священника. Солдатъ онъ обратилъ въ казаковъ. 22 сентября въ Оренбургъ было получено извѣстіе о движеніи сюда Пугачева. Съ другой стороны Нурали высказывалъ свои сомнѣнія по поводу извѣстій о появленіи Петра III и требовалъ удовлетворить его желаніе: аманатовъ (заложниковъ) и возвратить скотъ. Эти требованія были исполнены тотъ-часъ же. Рейнсдорпъ выслалъ противъ самозванцевъ отрядъ въ 400 чел. и назначилъ цѣну за Пугачева (за живаго 500 р., за мертваго — 250 р.). Онъ думалъ воспользоваться еще калмыками (Ставропольскими), башкирами, сеитовскими татарами и небольшимъ русскимъ отрядомъ, находившимся на форпостѣ. Но ожиданія эти оказались напрасными: Нижне-озерная и Татищевская крѣпости были взяты и здѣсь успѣхъ Пугачева сопровождался страшными неистовствами: офицеровъ вѣшали, гарнизонныхъ

солдаты и башкиры разстрѣливали въ полѣ Бригадиру Билову отрубили голову, съ полковника Елагина содрали кожу, и саломъ его мазали свои раны. Жену его изрубили въ куски. Пугачеву досталось въ Татищевской крѣпости 30 пушекъ, множество запасовъ и военныхъ принадлежностей, а войско его выросло до 3,000 чел. (Мордовцевъ, Самозв. I, 216—257. Стп. М. О.И. 1858 г. кн. II и 1859 г. кн. I). Послѣ этого были заняты крѣпости Черноръченская, Саклинский городокъ и Пречистенская. Такимъ образомъ онъ прошелъ въ двѣ недѣли 300 верстъ и овладѣлъ 7-ю крѣпостями. Наконецъ онъ подступилъ къ резиденціи губернатора — Оренбургу, снабженному довольно сильнымъ гарнизономъ. Отсюда ему дали отпоръ, но онъ расположился въ виду города (въ Бердской слободѣ) и отрѣзалъ всѣ сообщенія. Такимъ образомъ Пугачевъ находился уже въ средоточіи земель яицкихъ казаковъ, башкиръ и киргизовъ. Мещеряки, калмыки и башкиры стали вступать въ его отрядъ или разъѣзжали на всемъ пространствѣ отдѣльными шайками въ 300 чел., бунтовали окрестные заводы и требовали у Пугачева прежде всего уничтоженія Оренбургской губер. (Рус. Вѣст. 1872, №6, стр. 489—494). На видъ оренбургскій губ. въ своемъ объявленіи утверждалъ, что на лицѣ самозванца поставлены знаки, за прежнія преступленія и вырваны ноздри, чего въ дѣйствительности не было, и это еще болѣе вселило

вѣру въ него. Сюда къ нему со всѣхъ сторонъ стали стекаться: башкиры, калмыки и др. инородцы, заводскіе и др. крестьяне. Въ своихъ показаніяхъ Пугачевъ потомъ утверждалъ, что подъ Оренбургомъ у него было болѣе 40,000 башкиръ, 300 калмыковъ, 1,500 заводскихъ крестьянъ, такъ, что въ декабрѣ 1773 г. у него было до 120,000 чел. при 100 орудіяхъ, 4 гаубицахъ и множествѣ военныхъ снарядовъ (Полн. собр. Мордовц. I, 12), но цифра эта сильно преувеличена. Нѣкоторые принимаютъ её въ 25—40,000 чел., а Биликовъ нѣсколько позже показывалъ всего около 6000 чел. кромѣ башкиръ (Щебальскій, 57—59). Но, во всякомъ случаѣ, успѣхъ Пугачева въ теченіи одного мѣсяца (18 сент. 1773—12 окт.) представляется громаднымъ (Полн. собр., I, 11—12).

<u>Виды самозванцы. Устройство его лагеря</u>. По наружности Пугачевъ не имѣлъ ничего общаго съ Петромъ III (Записки Биликова, 114); онъ былъ средняго роста, широкоплечъ, смѣлый, рябоватъ и имѣлъ черную бороду и волоса, а на лѣвомъ вискѣ шрамъ, оставшійся отъ золотухи (Щебальскій, 102—103).[1] Пугачевъ былъ неграмотенъ и потому уклонялся отъ подписи первого манифеста (53). Вступивъ въ Илецкую станицу, онъ немедленно отпра-

1.) О портретахъ Пугачева. Рус. Стар. II, 417. У раскольниковъ существуютъ фантастич. портреты Пугачева.

вился въ церковь и велѣлъ пѣть молебенъ Петру III, а имя императрицы исключилъ изъ эктеніи. „Когда Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, то сошлю её въ монастырь; пускай-де за грѣхи свои Богу молится, говорилъ Пугачевъ. Свою правительственную программу Пугачевъ выразилъ такъ: „У бояръ села и деревни отберу, а буду жаловать ихъ деньгами" Т. е. онъ признавалъ землю исключительною принадлежностью крестьянъ, а дворянству предоставлялъ службу, кк. выражали этого нѣкоторые изъ его предшественниковъ до Ст. Разина включительно. На первыхъ-же порахъ онъ спѣшилъ удовлетворить желанію той среды, которая оказала ему поддержку. Онъ возстановляетъ казачій кругъ и предоставляетъ своему войску выборъ атамана и старшинъ. Сдавшіеся и взятые въ плѣнъ солдаты, по приведенію ихъ къ присягѣ, немедленно были остригаемы въ кружокъ и зачисляемы въ казаки. Подобно Ст. Разину, онъ хотѣлъ всю Россію обратить въ казацкое царство и, подобно ему, онъ обнаружилъ полнѣйшую ненависть къ письменнымъ аттрибутамъ правительственной власти. Овладѣвъ какою нибудь крѣпостцею прежде всего онъ распоряжался предать публичному сожженію архивы, дѣла и шнуровыя книги (Щебальскій, 56-57). Дѣла въ лагерѣ самозванцевъ рѣшма-

лись въ казацкомъ кругу; судъ совершался также по старинному: виноватъ, кто-на рели, измѣнилъ — въ куль и въ воду и даже самозванецъ не могъ измѣнить рѣшенія круга. Впослѣдствіи онъ объяснялъ, что многія жестокости совершены были вопреки его волѣ, самими казаками (Полит. движ., I, 53, 229). Въ Яицкомъ городкѣ Пугачевъ увидалъ молодую казачку, замѣчательной красоты (Гуничъ, 71, Коновалова — ошибка), Устинью Кузнецову (Петрову) и женился на ней (64-65), составивъ при этомъ для нея штатъ фрейлинъ (Бибиковъ, у Грота, 63)(1.) У него былъ свой фельдмаршалъ, гр. Чернышевъ — это Чика; свой гр. Панинъ — Овчинниковъ, свой гр. Воронцовъ — Шигаевъ, свой гр. Орловъ — Чумаковъ и др. (223. Но болѣе дѣятельными, кк. распорядители задуманныхъ плановъ, были — Хлопуша — разбойникъ и каторжникъ, бѣжавшій изъ Сибири, носившій на лицѣ клейма, и поэтому онъ прикрывалъ его сѣдой, или закрывалъ рукавомъ. Онъ лилъ пушки для войска на Авзяно-Петровск. заводѣ.(1.)

1.) Одной его пріятельницѣ разсказываетъ Пушкинъ, видѣвшій ее лично, Рус. Старина, т. II, 418.

2.) Этотъ заводъ принадлежалъ купцу Твердышеву, (у Кара-Делидовы, Гротъ, 25, 26), нажившему свое богатство въ теченіи 7-ми лѣтъ. Монета въ лагерѣ Пугачева не чеканилась (Пушкинъ. 142 и XVIII вѣкъ, I, 135). О Хлопушѣ Мордовцевъ, 269—270 и матер. Грота, I, 26). Пугачевъ на первыхъ порахъ поспѣшилъ захватить рудники (Сборн. XIX, 391).

и умѣлъ дѣйствовать на толпу (223, 250 и Грот. I, 26). Другимъ былъ Перфиловъ, способный на всякое рискованное предпріятіе; сначала онъ отправилъ въ Петербургъ казака Трофимова и обѣщалъ выдать самозванца головою, но потомъ обманулъ всѣхъ и сдѣлался главнымъ распорядителемъ казней Пугачева. Секретарями Пугачева были: яицкій казакъ Иванъ Почиталинъ и илецкій Максимъ Горшковъ. Они писали манифесты и указы самозванца, стиль которыхъ мало отличался отъ стиля военной коллегіи. Пушкинъ-же въ этихъ объявленіяхъ видитъ образецъ народнаго краснорѣчія (замѣтки о Пугачевѣ 180); Бибиковъ называетъ ихъ оригинальными (Грот., 53), но представляющими лишь казачій умъ (ib. 58, тоже повторяетъ и Екатерина Сборн. XII, 381). Впослѣдствіи (послѣ пораженія Кара) для иностранной корреспонденціи былъ особый секретарь Ивановъ, сынъ кронштадскаго коменданта, знавшій языки и хорошо образованный, нѣкогда соперничавшій въ силѣ съ Орловымъ (Щербатовъ). Онъ былъ взятъ въ плѣнъ Пугачевымъ и писалъ и для него указы на франц. и нѣм. языкахъ, причемъ вмѣсто Пугачева подписывался по латыни Rex. Былъ у Пугачева и свой законникъ

1.) Прозванный Пугачевымъ „думнымъ дьякомъ злодѣйской коллегіи". Отецъ его былъ замѣшанъ въ волненіяхъ на Яикѣ (Грот., матер. III, 96).

— это сотникъ Твдуровъ, депутатъ комиссіи Уложенія, имѣвшій золотую депутатскую медаль. Онъ сочинялъ тѣмже манифесты и письма, полемизируя съ Оренбургскимъ губернаторомъ Рейнсдорпомъ, оренбургскимъ атаманомъ Могутовымъ и старшиной яицкаго войска, Март. Городиновымъ. Онъ присталъ на сторону самозванца въ началѣ осады Оренбурга, со всѣмъ своимъ отрядомъ (Полит. Движ. I, 249–253). Существовала и печать (Сборн. Р. И. О. VI, 128). Не упоминаемъ о другихъ, ближайшихъ сотоварищахъ самозванца. Занятые города и мѣста пугачевцы также называли именами извѣстныхъ рус. городовъ: Бердскую слободу — Москвою, деревню Каргалу — Петербургомъ, Сакмарскій городокъ — Римомъ (Пушкинъ, 130). Почти каждый день, сидя въ лагерѣ, подъ Оренбургомъ, происходило военное, артиллерійское и пѣхотное ученіе. Самъ Пугачевъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ не спалъ, наблюдая за всѣми дѣйствіями своего войска. Онъ не сходилъ съ своего коня, водилъ войска на приступы, лично наблюдалъ за артиллерійскими и саперными работами, возводилъ верки и другія земляныя сооруженія, подавшіе поводъ нѣкоторымъ сравнивать его даже съ Вобаномъ (1.)

1.) Пугачевъ всегда ѣздилъ съ зрительною трубою. (Рунич, 112). Оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ писалъ онъ въ Казань: „Вы не думайте, что этотъ человѣкъ простой

На ругательныя письма Рейнсдорпа къ самозванцу, послѣдній послалъ „сатанину внуку и дьявольскому сыну" не менѣе сильный ругательный отвѣтъ. Страшный взглядъ самозванца заставлялъ падать въ обморокъ женщинъ, кн. говорятъ; но взглядъ этотъ на современномъ портретѣ, который весьма схожъ по словамъ Рычкова, представляется скорѣ грустнымъ, чѣмъ грознымъ. Все, что онъ грабилъ, раздавалъ приближеннымъ и войску[1]. Къ народу онъ обращался съ словами: „<u>други мои и дѣтушки</u>" и преслѣдовалъ за притѣсненія. Безъ сомнѣнія въ этихъ поступкахъ заключалась главная причина его популярности. Уже въ Бердѣ Пугачевъ привыкъ пить. Во время же са-

---

казакъ, а если онъ и въ самомъ дѣлѣ казакъ, то или онъ самъ обладаетъ большими познаніями, или имѣетъ около себя людей съ замѣчательнымъ умомъ. Батареи, которыя онъ возводитъ противъ меня, устроены съ полнымъ знаніемъ дѣла, а крѣпостные верки, которые онъ построилъ для защиты своего лагеря, сооруженныя противъ меня, самъ Вобанъ не могъ бы лучше устроить. Я самъ осматривалъ и вполнѣ оцѣнилъ эти работы послѣ его отступленія въ лагерь, который онъ построилъ на Казанской дорогѣ" (Самозв. I, 166).

1.) Войска его были ему преданы и подчинялись строгой дисциплинѣ. Каждый изъ его солдатъ получалъ по 4 р. въ мѣсяцъ, между тѣмъ, кн. обыкновенно солдаты получали 1½ р. въ мѣс. (1816 г.)

лозванства онъ любилъ обѣдать съ приближенными, причемъ сильно напивался; его сподвижники сидѣли съ нимъ обыкновенно въ шапкахъ, въ рубахахъ и пѣли буглацкія пѣсни, не обнаруживая къ нему никакого почтенія; но когда онъ появлялся на базарахъ, то они снимали передъ нимъ шапки. При публичныхъ выходахъ Пугачевъ обыкновенно бросалъ деньги въ народъ (ib. 223 – 250). Въ войскамъ онъ выѣзжалъ верхомъ, въ красномъ шелковомъ, казацкомъ платьѣ (1.); чернь допускалась къ его рукѣ (Грот., 26); при его появлении солдаты становились на колѣни. Хорошихъ начальниковъ онъ миловалъ (Пушкинъ, 41–42). Судъ и расправы онъ давалъ, сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебряннымъ топоромъ. Подходившіе къ нему кланялись въ землю и, перекрестясь, цѣловали его руку. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на волю казаковъ. Казни происходили каждый день (2.). Оврги около Берды были завалены трупами. Отряды казаковъ подъѣзжали къ Оренбургу, смѣялись надъ

1.) Его полководцы ходили въ нестрядинныхъ полушубкахъ. Рунич, 104. Пугачевъ любилъ показываться въ красномъ казачьемъ платьѣ. У него было также красное знамя (Постниковъ, Анучинъ, Рус. Вѣстн. 1872 г. № 6, 483–484).
2.) Въ три первые мѣсяца онъ повѣсилъ до 500 чел., сборн. XIII, 382.

В. Иконниковъ

осажденныхъ и приглашали ихъ пить вино. Впрочемъ Пугачевъ признавался, что улица его тѣсна, намекая на свою зависимость отъ казаковъ. Его любимца писаря они пустили ко дну, а пріятельницу съ ея братомъ разстрѣляли (Пушкинъ, 32). Для отправленія церковной службы въ лагерѣ Пугачева находился какой-то дьяконъ, взятый съ завода, но самозванецъ не любилъ ходить въ церковь (Рычковъ; у Пушкина, 291-292. Описаніе костюма, стр. 291, 482)[1]

Связь съ именемъ Петра III. Дѣйствуя именемъ Петра III, Пугачевъ опирался и на другіе атрибуты его власти. Такъ уже появляется голштинское знамя, надѣлавшее много хлопотъ въ Петербургѣ, когда оно досталось въ руки правительственныхъ войскъ подъ Царицынымъ. О немъ наводятся справки въ Ораніенбаумскомъ арсеналѣ, но здѣсь оказалось все въ цѣлости, и въ коммиссаріатѣ, однако генер. Ферстеръ призналъ, что оно принадлежало драгунскому полку Дельвига. „Хорошо было-бы, писала объ этомъ императрица кн. М. Н. Волконскому, въ Москву, если-бы вы открыли источникъ, какимъ образомъ сіе знамя дошло до Пугачева, ибо вывело-бы много плутней наружу" (Щебальскій, 98; XVIII вѣкъ, кн. I, 124-126, 127, 134,

1.) О кощунственномъ отношеніи Пугачева къ православной церкви см. Рус. Стар., т. II, 418.

135)[1]. Понятно, что здѣсь Екатерина могла уже подозрѣвать посторонне, болѣе сильное участье, нежели чистая случайность; но этотъ эпизодъ такъ и остался неразъясненнымъ. Еще до начала своихъ подвиговъ, Пугачевъ мечталъ, что если ему не удастся овладѣть Яицкимъ городкомъ, то броситься съ своими приверженцами въ Русь, увлечь её всю за собою, повсюду поставить новыхъ судей, ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, пресмотрѣна имъ многая неправда, и возвести на престолъ государя вел. князя. „Самъ-же, прибавлялъ онъ, уже царствовать не желаю." (Пушкинъ, 14) Именемъ Павла Петровича онъ много пользовался въ глазахъ народа. Его сообщники разглашали, что вел. князь идетъ къ нему навстрѣчу и уже находится въ Казани съ войскомъ въ 2000 чел. Самозванецъ говорилъ, что онъ также выйдетъ къ нему навстрѣчу (Рычковъ, 290). Имя Павла Петровича упоминалось не единожды. Вмѣстѣ съ именемъ Петра III. Духовенство однако отказалось поминать имя его новой жены, безъ разрѣшенія синода (Рычковъ, 433-34)[2]

1.) Екатерина подозрѣвала здѣсь, что знамя могъ передать Чоглоковъ, сосланный въ Сибирь и, какъ говорили, находившійся теперь въ войскѣ Пугачева, родственникъ извѣстнаго Глѣбова XVIII вѣкъ, I, 126. Оно было сдѣлано въ 1762 г. Сборн. VI, 136.

2. см. на слѣд. стр.

Слухи о Пугачевѣ и распоряженія правительства. Въ то время, когда Оренбургъ былъ уже обложенъ самозванцемъ, слухи о его первыхъ успѣхахъ проникли въ Москву, посредствомъ эмиссаровъ и манифестовъ Пугачева, мѣстомъ дѣйствія которыхъ были преимущественно кабаки и базары. Начались даже тайныя совѣщанія, на которыхъ открыто говорили о появленіи и подвигахъ самозванца (Ветечки пден, 175 Самозв. Мордовцева, 138-139). Въ Казани въ это время находилось много польскихъ и франц. офицеровъ (болѣе 150 чел.), въ числѣ которыхъ были извѣстные конфедераты, гр. Потоцкій, одинъ изъ Пулавскихъ и др. Ходили слухи о намѣреніи поляковъ поднять базаръ и только послѣ донесенія объ этой опасности они были удалены большею частью въ Сибирь[3]. Казанскій губернаторъ Брантъ былъ дряхлый старикъ, вовсе не способный предпринять что нибудь рѣшительное (ib., 140-141). Мало того. На него падало даже подозрѣніе въ укрытіи (даже) Пугачева изъ Казани (Москвитянинъ, 1845, №9, 46. Уч. Зап. Ак. Н. VII, 45), а его жена находи-

---

2.) Потомъ при Пугачевѣ находился мальчикъ, котораго онъ показывалъ подъ именемъ великаго князя Павла Петровича (XVIII вѣкъ, I, 127) и цѣловалъ портретъ вел. кн. (Зап. Бив., 129).
3.) Татары дѣйствительно посылали письма къ башкирамъ и киргизамъ. Арх. госуд. Соб., I, 443.

лась въ близкихъ отношеніяхъ съ тѣмъ-же Пугачевскимъ (замѣтки Пушкина, 184). Впрочемъ было сдѣлано распоряженіе о назначеніи 500 чел. подъ начальствомъ генер. Миллера, для защиты границы отъ Оренбургской губ. до Волги и о принятіи жителями мѣръ въ Астраханской губ. (здѣсь былъ губернаторомъ Кречетниковъ) и Казанской губ., на случай вторженія самозванца въ ихъ предѣлы (Мордовцевъ 142-146). Но означенный отрядъ состоялъ большею частью изъ отставныхъ солдатъ. Теперь только принялись чинить крѣпости на южной Царицынской линіи, для чего однако не хватало рабочихъ силъ. Военная коллегія требовали изъ Царицына сообщить свѣдѣнія объ оренбургскихъ дѣлахъ, а когда бунтъ распространился въ сибирскія провинціи, то въ тамошнихъ крѣпостяхъ не оказалось боевыхъ снарядовъ, и военная коллегія велѣла взять ихъ изъ Ростова на Дону и Астрахани. Вспыхнулъ бунтъ въ Гурьевѣ. Въ то-же время крымскій ханъ двинулся къ Дону и началъ опустошенія; а дѣла въ Кабардѣ и на Кубани принимали все болѣе грозный видъ. Пришлось защищать военную линію отъ Дона до Царицына. Поэтому донскимъ и волжскимъ казакамъ велѣно было находиться въ готовности, а на помощь имъ были посланы калмыки (подъ начальствомъ Дундукова, Дербетевыхъ улусовъ). Между тѣмъ, были основанія опасать-

ся движенія Пугачева на Донъ (Полит. движен., I, 24; Арх. госуд. Сов., I, 439-440), а Паллась, находившійся въ то время между калмыками, сообщалъ въ Астрахань о броженіи между ними (ib. 170-72). Брантъ писалъ Волконскому въ Москву, требуя отъ него войска; но московскій гарнизонъ былъ весь назначенъ для сопровожденія рекрутъ, а томскій полкъ, находившійся въ Москвѣ, все еще содержалъ карауулы на заставахъ, учрежденныхъ во время чумы. Волконскій отправилъ Бранту только 300 солдатъ съ одною пушкою (Пушкинъ, 33. Ср. Арх. госуд. Сов., I, 458). И въ др. городахъ, близкихъ къ сценѣ дѣйствій, (напр. въ Шалдовѣ. Политич. движ., I, 96) также чувствовался недостатокъ войска.

Расположеніе войскъ. Причина такого положенія внутреннихъ городовъ Россіи лежала въ ея внѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ. Значительная часть рус. войскъ (1-ая армія 112,058 и 2-ая 45,467) находилась въ Турціи. Кромѣ того отдѣльные, болѣе, или менѣе значительные отряды были размѣщены на Дону (5,791), на Терекѣ (2,542), въ Польшѣ (15,052), около Петербурга (16,606), въ Остзейскомъ краѣ (3,760) и въ Финляндіи (12,263. Анучинъ, Рус. Вѣст. 1872, № 6, 468-69). Враждебныя отношенія Швеціи заставили стянуть войска на ея границу. Поэтому были выведены почти всѣ драгунскіе полки съ Оренбургской, Яицкой и Илецкой линій во внутр-

ренніе города (Рунич. 79—80).

Отзывы Екатерины о бунтѣ. Между тѣмъ, правительство вовсе не желало сначала преуменьшать значенія наступавшаго движенія. Въ Совѣтѣ не хотѣли даже сравнивать Пугачева съ Отрепьевымъ, чтобы не возбудить въ немъ напрасной гордости (Арх. госуд. Сов., I, 443), но это сравненіе осталось въ манифестѣ (Пушкинъ, 194). Признавая для Россіи опасность движенія, Екатерина боялась общественнаго мнѣнія Европы за послѣдствія бунта. Вотъ что писала она Сиверсу въ декабрѣ 1773 г.: „— Два года тому назадъ я имѣла чуму въ сердцѣ государства, въ настоящую минуту у предѣловъ царства Казанскаго у меня такая политическая чума, изъ-за которой много хлопотъ: вашъ любезный и достойный сотоварищъ Рейнсдорпъ уже цѣлыхъ два мѣсяца какъ осажденъ скопищемъ разбойника, который производитъ страшныя жестокости и раззоренія. Генералъ Бибиковъ отправляется туда съ войсками, прошедшими черезъ вашу губернію, дабы укротить эту язву XVIII в., которая не принесетъ ни славы, ни выгоды Россіи. Надѣюсь, однако, что, съ помощью Божіей, мы одержимъ верхъ надъ непріятелемъ, потому, что эти мерзавцы (canaille) не имѣютъ на своей сторонѣ ни порядка, ни искусства: это сбродъ негодяевъ, имѣющихъ во главѣ обман-

ціка, столь-же наглаго, сколь невѣжественнаго; вѣроятно все кончится висѣлицами; но каково это ожиданіе, господинъ губернаторъ для меня, которая не любитъ висѣлицъ. Европа, во мнѣніи своемъ причтетъ насъ ко времена царя Ивана Васильевича. таковъ почетъ, которого мы должны ожидать отъ этой презрѣнной продѣлки. Я повелѣла болѣе не дѣлать тайны изъ этого происшествія, потому, что полезно, чтобы люди степенные высказывали о немъ своемнѣніе и говорили о немъ въ томъ духѣ какъ оно должно было разсматриваемо" (Зап. Бибикова 115–116).

Передъ своими заграничными друзьями,— Вольтеромъ, Бельке, Гримомъ, она старалась смягчить впечатлѣнія наступившихъ событій: Пугачева она называетъ „глупцомъ"; его приверженцевъ „скопищемъ разбойниковъ"; она негодуетъ на похвалы ему иностранныхъ газетъ (Сборн. XIII, 399, 431) и старается убѣдить, что никто изъ дворянъ не принимаетъ участья въ бунтѣ (ib. 387), хотя это невѣрно. (кн. Гагалычевъ былъ предводителемъ, Зап. Державина, 474, Ивановичъ секретаремъ и др.) Но, уменьшая значеніе этихъ событій, правительство на первыхъ порахъ не соразмѣрило собственныхъ средствъ съ силами противника и должно было испытать неудачу, которая увеличила только успѣхъ послѣдняго.

Назначеніе Кара и его средства. Эта ошибка обнаружилась при назначеніи противъ пугачевцевъ ген Кара.

Василій Алексѣевичъ Карь до этого времени участвовалъ въ войнѣ противъ конфедератовъ, но съ новымъ краемъ, въ который онъ былъ назначенъ теперь, онъ былъ вовсе незнакомъ и потому высказывалъ слишкомъ смѣлыя надежды на успѣхъ (Пушкинъ, 33. Гротъ, 21–22)[1]. Въ его распоряженіе отправили на Волгу всего 592 чел. пѣхоты и 6 орудій, а всѣхъ войскъ въ этой мѣстности было до 3,000 чел. и 10 орудій (Гротъ, 22; Анучинъ, Р. В. 1872, №6., 457). Карь располагалъ всего 1,369 арміи и гарн. солдатъ, 96 нерег., 25 артил. служит. и 5 артил. орудіями (ib. 25). Онъ разсчитывалъ собрать еще до 2,000 башкиръ (ib. 22). Въ распоряженіе его былъ данъ генер. майоръ Фрейманъ (собиравшій рекрутъ въ Калугѣ, Пушкинъ, 33), уже извѣстный намъ по яицкимъ событіямъ, котораго онъ намѣревался послать въ помощь симбирскому коменданту, полковнику Чернышеву, назначенному занять своимъ отрядомъ Татищеву крѣпость. Въ это время Пугачевъ съ своею толпою стоялъ подъ Оренбургомъ, по р. Самарѣ до Самарского городка. Въ Сибири войсками начальствовалъ генер. поруч. Декалонгъ (ib. 23), которому поручено было не

1.) Онъ прибылъ на мѣсто дѣйствія 30 окт. 1773 г., Гротъ, I, 21–22.

В. Ихонниковъ

допустить туда Пугачева. Для поддержанія же вѣрности въ башкирахъ былъ отправленъ секундъ-майоръ Шевкелевъ, но въ этомъ разсчетѣ также ошиблись: башкиры позволили крестьянамъ Авзяно-петровскаго завода провезти къ Пугачеву артиллерію, порохъ и ядра (Гротъ, I, 25).

Дѣйствія Кара. Ровно три недѣли провелъ здѣсь Каръ и съ первыхъ же дней долженъ былъ убѣдиться въ недостаточности средствъ и невозможности бороться съ непреодолимыми препятствіями. Уже въ первомъ своемъ донесеніи онъ жалуется на распутицу и дурную дорогу, затрудняющую его переѣздъ (ib. 21). Затѣмъ онъ доносилъ, что противъ расписанія по почтовому календарю оказалось въ верстахъ великое излишество, а въ добавокъ того настали жесточайшіе морозы, приходилось оставлять больныхъ и ощущать большую нужду въ артиллеріи (ib. 24—25). Изъ другихъ-же оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что войска, находившіяся на Волгѣ, не имѣли вовсе шубъ (Арх. госуд. Сов., I, 444).

Въ то время, какъ Хлопуша легко набиралъ въ свои ряды башкиръ и крестьянъ и перевозилъ подъ ихъ прикрытіемъ пушки и мортиры, Каръ и Фрейманъ, двинувшіеся къ деревнѣ Юзеевой (92 версты отъ Оренбурга), на пути должны были потерять татаръ, перешедшихъ къ пугачевцамъ, и потерпѣть здѣсь жестокое по-

раженіе (9 ноября) отъ Пугачева и Хлопуши, участвовавшихъ въ битвѣ (Пушкинъ, 33–357. На Кара напало 2,000 конницы и значительная артиллерія, прибывшая изъ подъ Оренбурга („начали стрѣлять ядрами и гранатами, которыя подыманы были пушечныя 12, 6 и 3-хъ фунтовыя, а единорожныя гранаты и ядра 8-фунтовыя"), а онъ не могъ причинить имъ вреда „по неимѣнію легкихъ войскъ" и вынужденъ былъ только отстрѣливаться изъ единственнаго единорога, вскорѣ уже подбитаго, и четырехъ 3-хъ фунтовыхъ негодныхъ пушекъ. Услышавъ сильную канонаду, крестьяне бросили отрядъ Кара и ускакали къ пугачевцамъ, а солдаты стали грозить ему, что бросятъ оружіе. По словамъ Кара это были или слишкомъ старые солдаты, или молодые рекруты, а офицеры вовсе не бывавшіе въ сраженіяхъ. Кару приходилось самому хлопотать о шубахъ, онучахъ и лаптяхъ для солдатъ въ то время, какъ его противникъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи до 70 орудій и премножество пороху и ядеръ, захваченныхъ въ крѣпостяхъ и отлитыхъ на заводѣ. Заслышавъ о приближеніи Кара, обыватели забрали своихъ женъ и дѣтей и бѣжали въ степи, оставивъ деревни почти совсѣмъ пустыми, такъ что ни хлѣба, ни подводъ достать было нельзя. Рѣшительныхъ дѣйствій онъ не могъ предпринять, за недоста-

такомъ средствѣ, а оставаться въ бездѣйствіи было опасно, потому что люди „нетверды и могутъ бросить оружіе". Ему нужны были подкрѣпленія — цѣлый полкъ людей, а не случайныя команды, и артиллерія въ полномъ составѣ орудій и мастеровыхъ. Онъ удивлялся, что даже башкиры стали хорошо владѣть артиллерійскимъ огнемъ и много вредили ему; а калмыки совсѣмъ передались на сторону самозванца. Надежды его на помощь Чернышеву изъ Оренбурга не оправдались, т.к. сообщенія съ этимъ послѣднимъ прекратились; онъ самъ нуждался въ помощи, которая могла быть дана только изъ Сибири (24—30). Въ другомъ донесеніи (гр. З. Гр. Чернышеву) онъ говоритъ уже о полнѣйшей невозможности сдѣлать что нибудь безъ войска „по чрезмѣрной стужѣ" и „по генеральному колебанію", „и когда присылкою тѣхъ требуемыхъ мною войскъ и артиллеріи поспѣшить не соизволите, прибавлялъ онъ, то въ такомъ случаѣ возгорѣвшееся сіе пламя надобно много уже трудиться утушить." Онъ сознается, что „нынѣшнее сраженіе пуще головы сихъ злодѣевъ развратило, потому, что они себя видѣли въ безопасности", и признаетъ, что „куда-бы сей злодѣй не пошелъ, вездѣ принятъ будетъ" (11 ноября 1773 г. деревн. Дюсметева). Но въ томъ же донесеніи онъ считалъ нужнымъ прибавить

также, что, по обстоятельствамъ, въ которыхъ мы есть, поруча команду Фрейману, намѣренъ я отъѣхать въ Петербургъ, для переговоровъ съ вашимъ сіятельствомъ о многихъ сего края подробностяхъ, ибо то время, которое употреблю на ѣзду свою и съ возвратомъ, здѣсь безъ всякихъ предпріятій протечетъ" (31). Въ виду такого положенія дѣлъ, Каръ запретилъ полковн. Чернышеву (ноября 10) идти далѣе Перевалоцкой крѣпости (Гротъ, I, 30); но, въ то самое время, какъ онъ писалъ это донесеніе (11 ноября), Чернышевъ двинулся отсюда въ Чернорѣчинскую крѣпость, гдѣ и узналъ (13 ноября) о пораженіи Кара; онъ не зналъ на что рѣшиться, но къ нему прибыли казаки съ Подуровымъ во главѣ, которые завлекли его въ сѣти. Увѣривъ Чернышева, что они проведутъ его въ Оренбургъ, казаки завели его отрядъ (1,500 солдатъ и казаковъ, 500 калмыковъ и 12 орудій) въ лагерь Пугачева. Пугачевцы напали на него, захватили артиллерію, а казаки и калмыки измѣнили, остальные-же сдались. Пугачевъ повѣсилъ 37 офицеровъ, жену одного изъ нихъ (Ср. Зап. Бибикова, 42) и самого Чернышева. Вылазка (14 ноября) на помощь ему изъ Оренбурга была отбита (Валленштернъ), а майоръ Варнстедъ, посланный Каромъ на ново-московскую дорогу, потерпѣлъ неудачу въ стычкѣ съ отрядомъ Пугачева и вынужденъ былъ отступить, по

теряв до 200 чел. убитыми (Пушкинъ 35–37). Но Пугачеву не удалось помѣшать бригадиру Кар-фу вступить въ Оренбургъ съ 2,400 чел и 20 орудіями (ib 36). Въ это время (18 ноября) Каръ оставилъ уже свои войска у Бугульма, сдавъ ихъ Фрейлану, и уѣхалъ въ Казань (Уротъ, I, 35).

Послѣдствія неудачъ Кара. Понятно какое впечатлѣніе должно было произвести послѣднее донесеніе Кара въ Петербургъ. Успѣхъ самозванца произвелъ благопріятное движеніе въ его пользу, даже среди гренадеръ въ Петербургѣ, а на пути, по которому пришлось проѣзжать Державину, ему не хотѣли выдавать лошадей и онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ силѣ (Зап. 464–469). Графъ Чернышевъ (25 ноября) поспѣшилъ увѣдомить самого Кара и кн. Волконскаго, чтобы Каръ удержался отъ подобнаго поступка, но уже было поздно. Онъ рѣшился выѣхать, извѣщая съ дороги о безполезности дальнѣйшихъ дѣйствій, о ненадежности инородцевъ и полнѣйшемъ разстройствѣ войскъ и собственной болѣзни (лошадь, фистула), требующей и лекарствъ и искусныхъ медиковъ, которыхъ тамъ не оказалось (21 и 25 ноября). 21 ноября онъ уже былъ въ Казани, а 23 отправился въ Москву. Въ слѣдъ за этимъ Чернышевъ увѣдомилъ Кара, что онъ, какъ нарушившій свой долгъ и присягу, исключенъ изъ службы, но въ это время уже болѣе двухъ недѣль

онъ былъ боленъ въ пути горячкою и только спустя мѣсяцъ (26 дек.) могъ дать отчетъ въ суммахъ, израсходованныхъ имъ (32–38). Ему запрещено было присутствовать въ столицахъ во время пребыванія тамъ двора (Рунич 81; письма къ Волконскому XVIII вѣкъ, I, 104). По пріѣздѣ его въ Москву ему и его людямъ объявлено было черезъ оберъ-полицій-мейстера (Арсарова), чтобы они ничего о тамошнихъ дѣлахъ не говорили (XVIII вѣкъ, 103–104). Послѣ этого Карл поселился въ своей деревнѣ гдѣ и умеръ въ началѣ царствованія Александра I (Пушкинъ, 37).

Оцѣнка дѣйствій Кара. Современники говорятъ, однако, что Карл былъ введенъ въ обманъ увѣреніемъ, что въ бунтующемъ краѣ находится значительное число войскъ (ib. 81). Они признавали тогда невозможность держаться съ такими силами въ краѣ (Поспѣловъ. Вѣстн. Евр. 1870 г. III 628–29). Поэтому напрасно будетъ судить о дѣйствіяхъ Кара исключительно съ военной точки зрѣнія, т. е. нарушенія имъ военной дисциплины. Онъ могъ думать, что только личныя объясненія, при тогдашнихъ затруднительныхъ сношеніяхъ могутъ дать надлежащее направленіе дѣламъ въ этомъ краѣ. Позднѣйшія донесенія Бибикова вполнѣ подтвердили его отзывы о положеніи восточной окраины Россіи. Но изъ пись-

ла Екатерины II къ кн. М. Н. Волконскому видно, что только послѣ неудачи Кара, она „попала на мысли" Волконскаго о необходимости послать туда нѣсколько полковъ (XVIII вѣкъ, I, 102). Вопросъ объ этомъ дѣйствительно разсматривался, по поводу донесеній Кара, въ Совѣтѣ 25 ноября, который постановилъ отправить къ Оренбургу сколько возможно болѣе войскъ и призналъ за нужное назначить туда „именитаго генерала (Арх. госуд. Сов. I, 442). Въ слѣдъ за тѣмъ Совѣтъ рѣшилъ (28 ноября) назначить къ Оренбургу часть войска изъ Польши (хотя императрица выразила сомнѣніе, чтобы Оренбургъ успѣлъ долго продержаться, вслѣдствіе недостатка хлѣба), подчинить весь край одному начальнику, облеченному полною властью, и назначить вознагражденіе за поимку Пугачева, причемъ императрица прибавила: „живаго, чтобы такимъ образомъ не былъ поданъ поводъ къ убійству. Выборъ именитаго лица палъ на извѣстнаго намъ генерала А. И. Бибикова (ib. 442 – 444).

Лекція 39.

Назначеніе ген. А. И. Бибикова.

Послѣ окончанія войны съ конфедератами, Бибиковъ оставался безъ дѣ-

ла.[1] По враждѣ къ нему гр. З. Г. Чернышева,[2] его служба въ Польшѣ не была достаточно вознаграждена,[3] а онъ самъ сдѣлалъ тайнъ долгъ въ 20 тыс. Его назначили тогда въ армію Румянцева, но онъ остался недоволенъ этимъ и отпросился въ Петербургъ (зап. Бибикова, прилож.). Императрица, по-видимому, не благоволила къ нему въ это время и онъ собирался уже уѣхать въ деревню, кн. 30 ноября, на придворномъ балѣ, всѣ обратили вниманіе, что императрица особенно долго бесѣдовала съ Бибиковымъ. Разговоръ ея касался назначенія послѣдняго, противъ Пугачева. Говорятъ, что Бибиковъ, обыкновенно не любившій скрывать своихъ чувствъ и мнѣній, принимая благосклонно это назначеніе, намекнулъ однако, на свои недавнія невзгоды, словами народной пѣсни:

„Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, приложаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь

Екатерина милостиво улыбнулась на это. Бибиковъ принадлежалъ къ ея интимной ком-

---

1.) Онъ предназначался для дѣйствій противъ Швеціи въ Финляндіи (зап. Бибикова, 102).

2.) Онъ былъ недоволенъ на Бибикова по поводу отобранія Чернышевскихъ заводовъ въ казну, Рус. Арх., 1871., №6, 462.

3.) За свои дѣйствія въ Польшѣ онъ получилъ орденъ Александра Нев. и шпагу генер.-аншефа, но считалъ себя обиженъ. (письмо къ ф. Визину)

ніи и потому могъ разсчитывать на подобное снисхожденіе (Зап. 108 и примѣч., письмо Екатер. къ Бибикову), а положеніе дѣлъ было слишкомъ критическое, чтобы медлить долѣе. „Въ несчастьи семъ можно почесть за счастье, что сіи канальи привязались два мѣсяца цѣлые къ Оренбургу, а далѣе куда пошли. Богъ вѣсть чѣмъ сіе кончится; можетъ статься, что и сами еще разбѣгутся", писала уже Екатерина Волконскому. „Я зачинаю походить приключеніями моего внука на Петра перваго; но что Богъ ни дастъ, по примѣру дѣдушкину, унывать не станемъ", повторяла она свои слова, сказанныя Бибикову во время московской чумы. Но она напрасно надѣялась, что простой народъ, видя вдругъ 39 чиновниковъ, невинно повѣшенныхъ (послѣ захвата отряда Чернышева) почувствуетъ неистовство такого поступка и отвращеніе къ производителю оного (XVIII вѣкъ, I, 102).

Настроеніе умовъ въ Москвѣ. Волконскій успокоивалъ Екатерину на счетъ Москвы. Онъ писалъ, что манифестъ произвелъ здѣсь благопріятное впечатлѣніе, что большая часть народа клялась и бранила бунтовщика и самозванца и вракъ гораздо меньше стало. „Только одинъ большой, вашему величеству извѣстный, болтунъ болтаетъ вздоръ, не разбирая при комъ, но при всѣхъ; а другіе перебалтываютъ, но все ничего незначущее и единст-

венно къ тщеславію его касающееся." (XVIII вѣкъ I, 105). Рѣчь идетъ о П. И. Панинѣ, посмѣявшемся тамъ со времени взятія Бендеръ и будировавшемъ противъ Екатерины. О немъ не разъ писалъ Волконскій Екатеринѣ, что „онъ всѣ и всѣхъ критикуетъ, однако не слышно, чтобы клонился къ какому-бы дерзкому предпріятію"; а извѣщая, что онъ съ нѣкотораго времени затихъ, Волконскій прибавляетъ: „не знаю происходитъ ли сія скромность отъ страха, или для закрытія какихъ видовъ, однако со всѣмъ тѣмъ надо всего дожидаться и ничего не бояться." Волконскій долженъ былъ употребить надежныхъ людей для надзора за нимъ и его посѣтителями. Онъ замѣчаетъ, что лучше всего было-бы найскорѣе отлучить отъ двора и отъ обѣихъ резиденцій всѣхъ суспектныхъ людей тѣмъ или другимъ образомъ и шайку сію разсыпать, то и все тамъ и кончится." (ib. стр. 96, 97–99). О Панинѣ есть извѣстье, что еще во время чумы въ Москвѣ его подозрѣвали въ происках въ пользу великаго князя Павла Петровича, о чемъ знала Екатерина (ib. 81). И теперь Екатерина была очень возмущена его рѣчами, которыя безъ сомнѣнія также касались правъ великаго князя и могли быть особенно опасны, когда великій князь достигъ совершеннолѣтія и женился, а вѣсть о Пугачевѣ разнеслась по Петербургу въ самый день бракосочетанія великаго

князя, 29 сент. 1773 г. (Державинъ, 49, XVIII вѣкъ, I, 96). И въ то-же время иностранные посланники сообщаютъ объ интригахъ при дворѣ, о надзорѣ за великимъ княземъ, о неудовольствіи императрицы на великаго князя, о раскрытіи плана Сальдерна, о соперничествѣ Павла, за который и поплатился Сальдернъ своимъ положеніемъ при дворѣ (Сборн. рус. истор. общ. XIX, 392, 394, 396–402)[1]. Понятна отсюда вся боязнь Екатерины относительно Московскихъ толковъ въ столь опасный моментъ. Но, какъ увидимъ ниже, Волконскій ошибался въ своихъ успокоеніяхъ на счетъ Москвы.

Новые успѣхи Самозванца. Послѣ удаленія Кара, каждый день приносилъ новыя извѣстія о появленіи пугачевцевъ, то въ той, то въ другой мѣстности Оренбургскаго края. Уфа была окружена бунтовщиками и требовала отъ Фрейгана помощи. Въ окрестностяхъ Самары, гдѣ было всего 15 человѣкъ гарнизона, появились вооруженныя шайки крестьянъ,

---

1.) Будучи отставленъ отъ русской службы, онъ поселился въ Голитиніи, гдѣ далъ свободу всѣмъ своимъ крестьянамъ. Впослѣдствіи онъ написалъ „жизнь Петра III" неблагосклонную къ Екатеринѣ II (Изд. въ Петербургѣ, въ 1800 г. на нѣмецкомъ языкѣ и въ 1802 году въ Мецѣ и Франкфуртѣ на французскомъ языкѣ, см. Зап. Рибикова, 34).

калмыковъ и татаръ. Самарская линія навѣдилась пугачевцами, разъѣзжавшими въ окрестностяхъ крѣпостей Бузулуцкой и Бирской. Фрейманъ сообщалъ уже, что вся злодѣйская толпа Пугачева намѣрена идти въ Казань, отчего сами трепетать всѣ жители этой окрестности. Вооруженныя толпы появились около Симбирска и вдоль границы Казанской губ. Башкиры (500 чел.), присланные изъ Польши и отданные подъ начальство Тевкелева, бросились въ ряды Пугачева. Фрейману грозила опасность быть отрѣзаннымъ (въ Бугульмѣ) отъ Казани. Отрядъ его, состоявшій изъ 2,902 чел. и 15 орудій (въ числѣ ихъ были казаки, татары и вооруженные крестьяне — 697 чел.), казался ненадежнымъ. Оренбургъ былъ совершенно обложенъ, но Пугачеву было трудно справиться со стойкостью гарнизона. Недостатокъ средствъ былъ однако такъ великъ, что заставилъ Рейнсдорпа отпустить часть казаковъ домой, а они усилили только войско Пугачева. Войска, присланныя изъ Сибири (отряды Заева и Станиславскаго), предполагалось употребить въ Зауральской Башкиріи, чтобы отвлечь силы противника и не рисковать напраснымъ движеніемъ на Оренбургъ. Поэтому Пугачевъ отправилъ противъ этихъ войскъ, вверхъ по Яику, отряды подъ начальствомъ Хлопуши, для занятія тамошнихъ крѣпостей: Ильинская была-

взята легко; но Верхнеозерная крѣпость требовала значительныхъ силъ, приведенныхъ самимъ Пугачевымъ (29 нояб.). По взятіи ея, солдаты были перебиты, офицеры перевѣшаны или заколоты (здѣсь погиб. и Заевъ), а казаки присоединились къ самозванцу. Генералъ-поручикъ Декалонгъ, донося объ этомъ Чичерину, писалъ: „Весь башкирскій народъ генерально взбунтовался и чинить не только на всѣ линейныя крѣпости набѣги,[1] но уже и внутри Исетской провинціи нѣсколько жидельсовъ выжгли." Онъ прямо заявлялъ, что при значительныхъ силахъ самозванца (до 30,000 ч. и немало артиллеріи) невозможно съ настоящими средствами (3 легкими командами и небольшимъ числомъ казаковъ) преградить ему путь къ Екатеринбургскимъ заводамъ и въ Симбирскую губ. Поэтому Декалонгъ не велѣлъ инж. майору Станиславскому идти далѣе Орской крѣпости. Между тѣмъ, недостатокъ средствъ въ Оренбургѣ достигъ до того, что четверть ржаной муки стоила 12–15 р., пшеничной — 25–30 к. — хорошая — какъ прежде 1 п. рж. м. стоилъ 12–15 к., а пшен. 25–30 к. Нѣсколько заводовъ (Преображенскій, Канонникальскій, Авзяно-Петровскій) были въ рукахъ пугачевцевъ. Поэтому для охраны Екатерин-

---

1) Какія изъ нихъ были разорены см. Русскій Вѣстн. 1872, № 6, 488.

бурскихъ заводовъ начальникомъ ихъ, полковникомъ Тибиковымъ, были разставлены небольшія команды. Но Пугачевъ не успѣлъ до сихъ поръ овладѣть Ямицкимъ городкомъ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ туда 2000 человѣкъ подъ начальствомъ Толкачева.

Между тѣмъ, движеніе пугачевцевъ къ сѣверу продолжалось. 20 декабря они разорили заводъ Яковлева (Шерьинскій) и овладѣли Осинскою волостью (на р. Тулвѣ, впад. въ Каму у г. Осы), состоявшую изъ дворцовыхъ крестьянъ и пахатныхъ солдатъ. Тогда рѣшено было прекратить работы на заводахъ и укрѣпить Юговскій заводъ, но крестьянъ приходилось гнать на него подъ страхомъ картечи; вскорѣ затѣмъ Пугачевцы овладѣли Анненскимъ заводомъ и подняли татаръ кунгурскаго уѣзда. 25 декабря отрядъ Пугачевцевъ, подъ начальствомъ Арапова, занялъ Самару (Рус. Вѣстн. 1872 г. №6, 472-94). Съ другой стороны на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ кипѣло возстаніе въ Шадринскомъ и Челябинскомъ уѣздѣ. Пугачевцы держали цѣлый мѣсяцъ въ осадѣ г. Челябинскъ и едва не овладѣли Далматовымъ монастырь, которого крестьяне въ 1762-64 гг. подняли бунтъ по поводу отмѣны указа Петра III объ отобраніи монастырскихъ имуществъ. Бунтъ этотъ былъ подавленъ военною силою съ большою строгостью (Пермск. сборн. т. I и II). Виновникомъ этихъ

сцень былъ архимандритъ Іакинѳъ, извѣстный по своимъ отношеніямъ къ митр. Павлу тобольскому (см. лекцію 7-я). Движеніе это извѣстно въ исторіи тамошняго края подъ именемъ Дубинщины. Въ гражданскомъ отношеніи Далматовъ монастырь и его вотчины были подчинены Оренбургу, событія котораго не замедлили отразиться здѣсь. Въ Далматовомъ монастырѣ составлялись манифесты Пугачевцевъ (уже въ февралѣ 1774 г.), въ которыхъ, между прочимъ, сообщалось, что всѣ государственные царственные, настольные и прочіе россійскіе города отъ перваго и даже до послѣдняго, окромѣ половины Тобольской губ, склонились его императорскому величеству и въ подданство благополучно пришли." (Щебальскій, 165). Въ теченіе 3-х недѣль (11 февр. — 1 марта) шла правильная осада монастыря мятежниками (до 3,000 чел.), но, потерпѣвъ здѣсь неудачу и нанеся громадный ущербъ монастырю, они разсѣялись по окрестностямъ, за что крестьяне жестоко поплатились потомъ отъ военныхъ властей. Волненіе въ Сибири распространилось вплоть до Барабинской степи (Далматовъ монастырь въ Пугачевщину, Чтен. 1859, I, 18-45). Въ томъ-же году отрядъ Пугачева ограбилъ хивинскій караванъ, а ханъ потребовалъ отъ Россіи за это удовлетворенія, и русскіе плѣнные содержались тамъ еще въ 1776 г. (Арх. госуд. Сов. I, кн. II, 629 и д. Сборн. XXVIII, 125).

Прибытіе Бибикова. Слѣдственная комиссія и наставленія ей Екатерины. Въ такомъ положеніи находился край, когда прибылъ въ Казань Бибиковъ. Чтобы ускорить доставку войска, солдатъ везли на почтовыхъ и обыкновенныхъ подводахъ. Всего за Волгу было отправлено теперь 6,115 чел. и 14 орудій, а съ бывшими тамъ въ распоряженіи Бибикова могло быть 12,572 ч. и 40 орудій, но многіе изъ назначенныхъ сюда отрядовъ (изъ Польши и Финляндіи) могли прибыть только въ половинѣ января и началѣ февраля. Подъ начальствомъ Бибикова состояли генералъ-маіоръ Мансуровъ и князь П. Голицынъ, полковникъ Михельсонъ и Юрій Бибиковъ. Назначены были также двѣ секретныя слѣдственныя комиссіи (въ Казани — Лунина и въ Оренбургѣ — Маврина, Гротъ, I, 8-9).[1] Въ распоряженіе Бибикова были отданы доходы Нижегородской и Казанской губ. (Рус. Вѣстн. 1872, №6, 471), а на его содержаніе назначено 5,000р. Манифестомъ объявлялось полное прощеніе

1.) Въ эту комиссію былъ зачисленъ и подпоручикъ преображенскаго полка Державинъ, оставившій въ своихъ запискахъ и перепискѣ много интересныхъ свѣдѣній о пугачевщинѣ (собр. соч., изданныхъ Гротомъ, т. V и VI). Онъ считался свѣдущимъ въ мѣстныхъ обычаяхъ, какъ уроженецъ края и долго жившій здѣсь. Матер. о Пугачевѣ, Грота, I, 58.

В. Бикановъ

вслѣдъ тѣмъ, которые оставятъ самозванца. Изъ инструкціи, данной Бибикову, видно, что въ правительственной сферѣ перестали смотрѣть на Пугачева, какъ на разбойника, и уже предвидѣли, что распространеніе пугачевскаго бунта можетъ угрожать не только спокойствію, но и цѣлости имперіи (Рус. Вѣстн. 1872 г. № 6, 462-66, 469-79). При этомъ Екатерина выразила желаніе, чтобы наказаніе производилось соотвѣтственно лѣтамъ, съ умѣренностью и безъ жестокости, и Бибиковъ оказался въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрнымъ исполнителемъ ея воли (Гротъ, I, 57-58). Она не разъ напоминала ему: „пожалуй, прикажите секретной комиссіи осторожной быть въ разборѣ и наказаніи людей. По моему разсужденію солдаты Айтуганъ и Сангуловъ невинно сѣчены, также при распросахъ какая нужда сѣчь? Двѣнадцать лѣтъ тайная экспедиція подъ моими глазами ни одного человѣка при допросахъ не сѣкла ничѣмъ и все болѣе выходило, нежели мы желали знать". И Бибиковъ запрещалъ дѣлать пристрастные допросы (Сборн. XIII, 396)[1]. Екатерина здѣсь опасались общественнаго мнѣнія Европы, хотя жестокость казней на западѣ въ то время превосходила всякое вѣроятіе. Гр. Сиверсу она писала — „что все вѣроятно кончится

1.) Впрочемъ ср. Словарь Костопаллят людей, Ганф. Каменскаго V, 299.

висѣлицами, но что Европа „причислитъ насъ ко времени царя Ивана Васильевича". Она считала нужнымъ объяснить эти факты своимъ заграничнымъ корреспондентамъ: „Такъ какъ вы такая охотница до повѣшенныхъ, писала она Бельке, то я вамъ скажу, что здѣсь уже четырехъ, или пятерыхъ несчастныхъ повѣсили; такія рѣдкія казни производятъ въ тысячу разъ болѣе дѣйствія у насъ, чѣмъ тамъ, гдѣ вѣшаютъ всякій день" (Сборн. XIII, 388).

Состояніе края, охваченнаго бунтомъ.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибиковъ засталъ городъ въ страхѣ и унынiи; тревожныя вѣсти, доходившія сюда, пугали дворянство, а между народомъ, все еще не успокоившемся со времени чумы, ожиданіе Пугачева было всеобщимъ. Холопы и фабричные явно оказывали расположеніе къ самозванцу, который, по ихъ словамъ несетъ имъ свободу, а между тѣмъ войска въ Москвѣ было весьма мало. Дворянство разоряемыхъ губерній спѣшило укрыться въ Москвѣ (Зап. Бибикова 125—126). Понятна вся опасность такого настроенія: Еще недавно Волконскій писалъ Екатеринѣ о прекращеніи разбоевъ и грабежей, производившихся большими шайками на улицахъ Москвы (XVIII вѣкъ, I, 98). Даже въ одномъ изъ полковъ (Владимірскомъ), назначенныхъ противъ Пугачева, обнаружено было расположеніе къ нему (Зап. Бибикова, 127). Въ Нижн. Новгородѣ Бибиковъ

узналъ отъ губернатора (Ступишина) о волненіяхъ въ народѣ, заставлявшихъ опасаться общаго возстанія, при появленіи мятежниковъ!!" Поэтому Бибиковъ сталъ торопить войска къ Казани (Анучинъ, ib. 472). Пріѣхавъ сюда онъ нашелъ, однако, что многіе чиновники, дворяне и знатнѣйшіе жители города удалились съ своими женами и дѣтьми въ болѣе безопасныя мѣста (Зап. Бибикова 127), а вскорѣ выѣхалъ отсюда и самъ губернаторъ въ Казенодемянскъ, откуда, впрочемъ, вернулся; въ то время, когда въ Казани однихъ пересыльныхъ крестьянъ, назначенныхъ въ Сибирь, набралось 4,628 чел. муж. и жен. половъ. Теперь они были отправлены обратно по домамъ или зачислены въ дворцовыя и ясачныя волости (Гротъ, 44-45). Независимо отъ того здѣсь было до 1,000 чел. каторжниковъ, которыхъ разослали въ Азовъ, Таганрогъ и др. города (П. С. З. 14,077. Самозв. Мордовцева, I, 152). Съ пріѣздомъ Бибикова многіе стали возвращаться въ городъ (Зап. Бибикова 37). Уже на первыхъ порахъ своего пребыванія здѣсь, Бибиковъ правильно взглянулъ на положеніе вещей: „Вѣдь не Пугачевъ важенъ, писалъ онъ Фонъ-Визину, важно всеобщее неудовольствіе; а Пугачевъ чучела, которою воры-яицкіе казаки играютъ. Извѣдомляй, мой другъ, сколь можно чаще о дѣлахъ

---

1) Извѣстіямъ о склонности Перфильева и др. аленьовъ Пугачева выдать послѣдняго Бибиковъ не вѣрилъ, Гротъ, I, 58

внѣшнихъ. Неужели теперь о мирѣ не думаете? Ей пора, право пора!" (Зап. Бибикова 76). Множество писемъ, разсылаемыхъ самозванцемъ съ обѣщаніемъ народу разныхъ льготъ, велѣно было сжигать на площадяхъ (46). А, извѣщая объ успѣхѣ майора Муфеля, выгнавшаго изъ Самары пугачевцевъ (въ началѣ января 1774 г.), Бибиковъ въ томъ же донесеніи жалуется, что злодѣйскія шайки часъ отъ часу наглѣе становятся и отъ стороны Башкиріи разными своими толпами заводы и деревни грабятъ, жителей цѣпенѣютъ и глупую чернь обольщаютъ своими манифестами и уже показались около Кунгура, откуда воеводы и всѣ начальники, какъ и изъ другихъ многихъ мѣстъ, разбѣжались, тк. кк. безъ воинскихъ командъ никто противиться не отважится (Гротъ, I, 46-47). Въ Бугульмѣ, Заинскѣ, Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ военные посты, состоявшіе изъ одной пѣхоты, не могли воспрепятствовать имъ. „Изъ сего, пишетъ онъ графу Чернышеву, легко представить можете бѣдственное состояніе этого края, а потому и теперешнее мое положеніе, доколѣ не придутъ войска и доколѣ я сильно воздѣйствовать не буду въ состояніи. Крайняя здѣсь мнѣ надобность состоитъ въ ружьяхъ, саблях, карабинахъ и пистолетахъ". Провіантъ приходилось посылать на удачу, безъ всякаго эскорта. „Спѣшите, прибавляетъ Бибиковъ доставленіемъ мнѣ легкихъ войскъ тушить зловредный и на тоненькомъ про-

странствы горящій пожаръ, ибо зло сіе весьма далеко возросло и обширно распространилось" (44). Все это опять приходилось посылать на почтовыхъ подводахъ. На сколько въ Петербургѣ сознавали теперь всю опасность возраставшаго движенія видно изъ того, что цѣна за поимку и доставку Пугачева живымъ была назначена въ 10,000 р., а мертвымъ 5,000 (ib. 48-49) соч. Державина V, 161). Но и самозванецъ не безмолствовалъ. Онъ приговорилъ Бибикова къ висѣлицѣ (Самозв. Мордовцева I, 157.), а въ Петербургѣ какой-то неизвѣстный человѣкъ оставилъ даже угрожающее письмо въ самомъ дворцѣ (П. С. З. XXIX, 14,100, въ янв. 1774 г.). Въ это время секретная коммиссія работала неустанно день и ночь и не могла справиться съ своимъ дѣломъ, вслѣдствіе множества колодниковъ. Рѣшаясь повѣсить одного изъ виновныхъ крестьянъ, Бибиковъ прибавляетъ однако: „Къ сей крайности пристрастилъ я въ надеждѣ, что рѣдкость таковой казни устрашитъ колеблющихся къ самозванцу склонностью и остановитъ начальниковъ убійства.

Распоряженія Бибикова. Между тѣмъ, Бибиковъ получилъ отъ Муфеля весьма трагическое извѣстіе, что самарское духовенство при приближеніи злодѣевъ пошло къ нимъ навстрѣчу съ колокольнымъ звономъ и крестами, а въ ектеніяхъ исключило имя императрицы. Бибиковъ распорядился замѣнить тамошнихъ

поговъ другими, а жителей снова привести къ присягѣ. По всѣмъ дорогамъ были разставлены соломенные маяки, которые должны были служить своего рода телеграфами при приближеніи пугачевцевъ (Самозв., I, 153). Отъ Астрахани вдоль всей Волги разставлены были карауулы и разъѣзды, чтобы самозванецъ не пробрался на Донъ или Кубань и сторожевые пункты отъ Гурьева по морскому берегу (173). Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на инородцевъ онъ велѣлъ перевести манифестъ на татарскій языкъ и отправилъ его съ надежными татарами подъ Оренбургъ (51). Нужно замѣтить, что Бибиковъ понималъ всю важность публичнаго слова, и, во время его начальства въ этомъ краѣ, извлеченія изъ его донесеній, одобренныя императрицею, печатались въ Спб. Вѣдомостяхъ 1774г., но съ кончиною Бибикова прекратилось обнародованіе извѣстій объ этихъ событіяхъ (Гротъ, 38). Находясь вдали отъ образованнаго міра, онъ просилъ Ф. Визина присылать ему газеты (Зап. Бибикова, 76).

Взглядъ Бибикова на причины бунта.

Бибиковъ искалъ объясненія причинъ настоящихъ событій въ общемъ положеніи края: Всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ, "слѣпота, невѣжество въ здѣшнемъ краѣ большей части жителей превосходитъ всякое понятіе. Сіе примѣчаю не только въ самой чер-

ни, но „въ здѣшнемъ краѣ живущихъ отставныхъ офицерахъ" (онъ даетъ нѣсколько примѣровъ подобнаго рода, а комендантъ Самары дважды бѣжалъ изъ города). „По сіе время, замѣчаетъ онъ, къ удержанію сей злой заразы и къ удержанію глупой черни отъ ея прилѣпленія не вижу я иныхъ еще способовъ, какъ воинская сила." Относительно нѣкоторыхъ виновныхъ Пибиковъ рѣшился прибѣгнуть къ висѣлицѣ, которая для страха была употреблена въ разныхъ мѣстахъ; „но, замѣчаетъ онъ, умѣряю я число ихъ сколько возможно."[1] Онъ заявляетъ, что рѣдко найдешь въ селѣ краю и между чиновниками людей съ просвѣщеніемъ и разумомъ, а срамные гарнизонные офицеры своею <u>прачною глупостію</u> способствуютъ" (Гротъ 53). По поводу казней онъ замѣчаетъ: „Вѣдаю я, что сія суровость не соотвѣтствуетъ человѣку любивому вашему сердцу, но что дѣлать! невозможно безъ оной обойтиться" (35). Иначе, онъ говоритъ, „число казненныхъ было-бы чрезвычайное". (58). Ф. Визину Пибиковъ признается, что онъ трусилъ за своихъ солдатъ, чтобы не сдѣлали такъже, какъ и гарнизонные солдаты: „не сложили оружья передъ мятежниками" (Зап. Пибикова, 76). Объ этихъ послѣднихъ онъ былъ самаго нелестнаго мнѣнія. „На здѣшніе гарнизоны и др. команды ни-

---

1.) О наказаніяхъ и смертныхъ приговорахъ см. у Грота, I, 54-56, и Анучина, Рус. Вѣст. 1872, № 6 стр. 484.

какого счету дѣлать не извольте: они съ нами офицерами тк. скаредны, что и башкирамъ сопротивляться не будутъ... бѣгаютъ съ одного мѣста въ другое при малѣйшей тревогѣ (къ Чернышеву и Философу 81 и 86). Бибиковъ былъ правъ относительно офицеровъ. Многіе изъ нихъ перешли въ ряды самозванца (Пушкинъ, приложеніе, IV). Другіе пользовались взятками отъ бунтовщиковъ и не думали о послѣдствіяхъ бунта (Рус. Стар. 1870, II, 405). Своей женѣ Бибиковъ пишетъ болѣе откровенно: „Дѣла здѣсь нашелъ я прескверны, такъ что и описать буде-бы хотѣлъ, не могу бо́ругъ себя увидѣлъ въ гораздо худшихъ обстоятельствахъ и заботахъ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпускаю... Правда, поздненько хватились. Войски мои начали прибывать вчера (писано 30 декабря). Но къ утѣшенію заразы сего очень мало..... Я здоровъ, только пить ни ѣсть не хочется и сахарныя яства на умъ не идутъ... Ухъ дурно!" (Пушкинъ, 47).

Положеніе Казани. Что же было сдѣлано самимъ Бибиковымъ въ столь трудныхъ обстоятельствахъ?

Въ новый 1774 годъ Бибиковъ обратился въ Казани съ рѣчью къ дворянству, въ которой изобразилъ наступавшія бѣдствія и требовалъ отъ него содѣйствія. Собраніе тутъ-же положило составить на свой счетъ конное войско, поставя для

В. Шкапиковъ

этой цѣли по 1 рекруту съ 200 чел.[1] Родственникъ Бибикова, генер. Ларіоновъ былъ избранъ начальникомъ этого легіона. Казанскій магистратъ поставилъ эскадронъ гусаръ; симбирское, свіяжское и пензенское дворянство послѣдовали его примѣру. Императрица вызвалась принять участіе въ этихъ мѣрахъ, какъ „казанская помѣщица"

Донскіе казаки и семейство Пугачева.

Приходилось преодолѣвать и другія трудности. Степи покрыты были еще снѣгомъ; селенія опустѣли и трудно была достать хлѣба, а Бибикову приходилось снабжать отдаленныя крѣпости провіантомъ. Особенно опасались сношеній Яика съ Дономъ. Поэтому здѣсь атаманъ Ефремовъ былъ замѣненъ другимъ (Сулимою) Государственный Совѣтъ распорядился сжечь домъ и имущество Пугачева въ Черкаскѣ, а семейство его, не подвергая оскорбленію, отправить въ Казань, для уличенія самозванца. Домъ его былъ сожженъ и мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, посыпано солью; скотъ побитъ и брошенъ въ рѣку; братъ Пугачева переименованъ другою фамиліею; станица просила переселить ее въ др. мѣсто (она находилась въ 200 верстахъ отъ Новочеркаска); она была переведена за 4 версты отъ прежняго мѣста (Арх. госуд. сов.

1.) Казанцы вооружили 6000 чел., 3000 купцы и 3000 татары. Полякамъ, поступившимъ въ легіонъ, въ отрядъ улановъ, выдана по 400 р. (Самозв. I, 161). О количествѣ силъ, у Анучина, Рус. Арх. 1892 г. №№ 19, 20, 21.

I, 446; Уч. Зап. Ак. Н. VII, 167–168) и получила названіе Потемкинской (вп. Зиновейской). Первая жена Пугачева, сынъ и дочери и братъ его были препровождены въ Казань, гдѣ и сообщили свѣдѣнія о самозванцѣ (Пушкинъ 49–50).

Дѣйствія противъ Пугачевцевъ. Уже въ началѣ 1774 г. сообщенія съ Сибирью были прерваны (Арх. Госуд. Сов. 446–47). Поэтому первымъ дѣломъ Бибикова послѣ прибытія войскъ было направить часть ихъ къ Оренбургу, который томился голодомъ. Тогда, по совѣту Рычкова, стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи, и, мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбъ, отчего происходили болѣзни. Народъ роптал; опасались мятежа (Пушкинъ, 45). Движеніе на Оренбургъ было возложено на кн. Г. М. Голицына (о немъ зап. Державина, VI, 477–78), а прикрытіе Самарской линіи на генер. М. Мансурова. Ларіоновъ посланъ былъ къ Уфѣ и Екатеринбургу; Державинъ расположился въ Малыковкѣ. Бибиковъ жаловался, что Фрейманъ все время бездѣйствовалъ въ Бугульмѣ (Гротъ), но полковн. Бибиковъ, посланный для его подкрѣпленія, успѣлъ вытѣснить пугачевцевъ изъ Заинска и привести въ повиновеніе 25 взбунтовавшихся деревень. До 4,000 крестьянъ принесли повинную. Державинъ привелъ въ повиновеніе раскольничьи поселенія на Иргизѣ, причемъ онъ не стѣснялся въ средствахъ и вѣшалъ не спрашивая ни-

кого.[1] Но Бибиковъ остался недоволенъ бездѣйствіемъ своего родственника Ларіонова. „За грѣхи мои, писалъ онъ, навязался мнѣ братецъ мой, который самъ вызвался сперва командовать особливымъ дѣташментомъ, а теперь съ мѣста двинуть не могу." Тогда онъ былъ замѣненъ подполк. Михельсономъ, отличившимся въ войнѣ противъ конфедератовъ. Голицынъ-же, также извѣстный по своимъ дѣйствіямъ въ Польшѣ, принялъ начальство надъ войсками Фрейгана.

Побѣда кн. Голицына. Перейдя черезъ Каму (22 янв.), въ началѣ февраля (6-10), онъ соединился съ полковн. Бибиковымъ и генер. Мансуровымъ и направился къ Оренбургу. Однако Пугачевъ велъ себя беззаботно: онъ думалъ въ случаѣ опасности бѣжать въ степи; башкиры подозрѣвали его и роптали на его образъ дѣйствій; яицкіе казаки наблюдали за нимъ, чтобы, въ случаѣ опасности, выдать его правительству и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Нападенія его и даже подкопъ подъ Яицкій городокъ не имѣли успѣха и онъ уѣхалъ къ Оренбургу, гдѣ вели осаду Хлопуша, Шигаевъ и Подуровъ. Перво-

---

1./ Державинъ находилъ недостаточными тѣлесныя наказанія и совѣтовалъ Бибикову дѣйствовать строже, но Бибиковъ отвѣчалъ: „всѣхъ казнить будетъ много" Переписка Державина V, страница 5.

му удалось занять Илецкую Защиту, важную, по добывкѣ въ ней каменной соли. Казенное имущество досталось въ его руки, а колодники присоединились къ его отряду. Узнавъ о движеніи кн. Голицына, Пугачевъ оставилъ подъ Оренбургомъ 2,000 чел., подъ начальствомъ Шигаева, а самъ двинулся противъ него съ 10,000 войска. Послѣ-же неудачной стычки съ Голицынымъ, Пугачевъ засѣлъ въ Тотищевой крѣпости. Она была теперь защищена снѣговыми укрѣпленіями. Но, послѣ кровопролитнаго боя (22 марта), дѣйствія правильной осады и оружія восторжествовали: въ крѣпости пало до 1,300 пугачевцевъ; Голицынъ потерялъ до 400 чел. На пространствѣ 20 верстъ въ окрестности лежали мертвыя тѣла; 36 пушекъ и болѣе 3,000 плѣнныхъ достались въ руки побѣдителя. Пугачевъ бѣжалъ въ Бердскую слободу!) Здѣсь произошелъ общій переполохъ. Всѣ стѣшили уходить, а, чтобы не произошло пьянства, Пугачевъ распорядился разбить бочки съ виномъ. Тогда Шигаевъ, полагая, что все уже пропало, задержалъ Пугачева и Хлопушу и предложилъ Оренбургскому губернатору выдать ихъ, но, прежде, чѣмъ

---

1). Ср. сочин. Державина, V, 31. На взятіе Татищевской крѣпости смотрѣли тогда, какъ на рѣшеніе участи государства. Ѣ. V, 114. Голицынъ получилъ за эту побѣду 2,000 д. крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Гротъ, Матер. о пугачевщинѣ, I, 18.

Рейнсдорпъ рѣшился дать свое согласіе, Пугачевъ и его клевреты были освобождены и съ 2000 разнаго сброда и 10 пушками бѣжалъ снова къ Яицкому городку. Но Хлопуша былъ выданъ татарами и казненъ въ Оренбургѣ въ іюнѣ 1774 г.

Побѣда кн. Голицына была первымъ серьезнымъ пораженіемъ самозванца (Зап. Державина, VI, 47, примѣч. Пушкина). Такимъ образомъ Оренбургъ былъ освобожденъ, послѣ шестимѣсячной осады. Въ Бердѣ было найдено 18 пушекъ, 17 бочекъ мѣдныхъ денегъ и множество хлѣба. Рейнсдорпъ величалъ Голицына „спасителемъ Оренбурга" (Пушкинъ 142). 26 марта ему былъ устроенъ торжественный пріемъ въ городѣ. Тибиковъ пріѣхалъ въ Бугульму, откуда намѣревался ѣхать въ Оренбургъ. Отсюда онъ писалъ женѣ: „А сколько сѣдыхъ волосъ прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще большая стала; однако я на морозу хожу безъ парика" (Пуш. 69).

Между тѣмъ, Голицынъ, узнавъ о намѣреніи Пугачева овладѣть Оренбургомъ, выступилъ противъ него и встрѣтился съ нимъ у Каргале. На р. Сакмарѣ (у Сакмарскаго городка) Голицынъ нанесъ ему вторичное рѣшительное пораженіе. Пугачевъ потерялъ здѣсь 400 чел. убитыми, 3,500 плѣнными и всѣ пушки. Шигаевъ, Почиталинъ и Подуровъ были взяты въ плѣнъ. Пугачевъ бѣжалъ на Уральскіе заводы. Назначивъ Фрейгана для усмиренія Башкиріи, а Мансу-

рова къ Илецкому городку, Голицынъ возвратился въ Оренбургъ.

Дѣйствія Михельсона и Мансурова. Почти одновременно со вступленіемъ сюда Голицына (25 марта гд.), Михельсонъ разбилъ банды Пугачевцевъ на пути къ Уфѣ, высланныя Чикою и очистилъ Уфу[1]. Ему досталось 3000 плѣнныхъ, 25 пушекъ и множество запасовъ. Повѣсивъ одного башкирскаго старшину и выборнаго крестьянина, онъ распустилъ заводскихъ и экономическихъ крестьянъ по деревнямъ. Въ числѣ плѣнныхъ ему достался Чика и Ульяновъ. Въ началѣ апрѣля (7) Мансуровъ занялъ брошенныя пугачевцами крѣпости — Озерную, Рассыпную и Илецкій городокъ (гдѣ нашелъ 14 пуш.) Яицкій-же городокъ продолжалъ держаться. Около него шла работа: возводились земляныя укрѣпленія, проводились траншеи, строились новыя батареи, въ кузницахъ готовились новые ломы и лопаты. Происходила подземная борьба между осажденными и осаждающими Пугачевцами. Недостатокъ пищи побудилъ отпустить изъ крѣпости женщинъ, но пугачевцы снова прогнали ихъ назадъ. Лошадинаго мяса не хватало, стали ѣсть уже кошекъ и собакъ, разную падаль и т.п., варили глину. Уже готовились сдѣлать послѣднюю вылазку изъ крѣпости; но 17 ап.

1.) Пугачевцы выѣзжали къ войскамъ на лыжахъ и верхомъ.

здѣсь появился Мансуровъ и городъ былъ освобожденъ отъ осады (съ 30 дек.). Предводители бунта Толкачевъ, Горшковъ и вторая жена Пугачева были отправлены въ Оренбургъ.[1]

Но вѣсть объ этомъ не застала уже въ живыхъ Бибикова. Онъ занемогъ въ Богульмѣ жестокою горячкою и, будучи лишенъ надежной помощи (Грот. I, 65), скончался 9 апрѣля.[2] Передъ смертью онъ запечаталъ свои тайныя бумаги и отправилъ ихъ къ императрицѣ, а начальство передалъ генер. поруч. Щербатову. Молва приписывала его смерть дѣйствію яда, даннаго ему однимъ изъ конфедератовъ. Державинъ почтилъ его прочувствованной одой (Пушкинъ 60–68, Зап. Державина, 141). Въ честь его слагались пѣсни (одна записана въ дневникѣ Васильева, см. Самозв. Мордовцева, I, 125). Смерть Бибикова была слѣдствіемъ непомѣрной затраты силъ. „День и ночь работаю“ и.

1.) Своей второй женѣ Пугачевъ писалъ т.к.: „Всесвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ Устиньѣ Петровнѣ, любезнѣйшей супругѣ моей, радоваться желаю на несчетныя лѣта“. Однажды онъ посылалъ ей отъ двора своего „ящиковъ съ замками и за собственными печатями“, которые велѣлъ не открывать, а поставить къ себѣ въ залы „до моего императорскаго величества прибытія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ 20 бочекъ вина и съѣстныхъ припасовъ съ подробнымъ реестромъ. Др. и Нов. Россія, 1878, № 4, 366.

2). Впрочемъ, съ нимъ былъ лекарь; Матер. Грота, I, 42.

каторжный, писалъ онъ въ концѣ февраля, рвусь надсѣдаюсь и горю, какъ въ огнѣ адскомъ; но варварству, злодѣйству и предательству не вижу еще перемѣны, не уступаетъ злость и свирѣпство, а можно-ли отъ домашняго врага довольно охраниться? все къ измѣнѣ, злодѣйству и бунту наскопищахъ." (Зап. 86)[1]. Въ половинѣ Марта онъ ждалъ уже „перелома", въ событіяхъ на Волгѣ но прибавляетъ: „Пожаръ великъ и далеко распространился, тушить на многихъ тысячахъ верстъ неловко, а особливо когда не вездѣ и люди равнаго усердія и равной способности ..... къ несчастью много въ разныхъ мѣстахъ таковыхъ." (88) Только послѣ побѣды Долгорукова онъ вздохнулъ свободнѣе: „То-то жерновъ съ сердца свалился, сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ, немедленно и я туда поспѣшу добраться, чтобы еще ловчѣе было поворачивать своими."

Отзывы о Бибикѣ и его взглядъ на положеніе дѣлъ. Жена сверста по поводу смерти Бибик. писала: „она очень меня печалитъ, потому что онъ пользовался славой хорошаго человѣка. Бѣдная жена и дѣти остались въ очень незавидномъ положеніи, какъ ты знаешь у нихъ немного и притомъ еще долги." (Вит, II, 23; Зап. Бибикова, 142). Екатерина II назначила его семейству 2,500 д. крестьянъ

1.) Онъ досадуетъ на мѣстныя дѣйствія голландской бумаги, см у Державина, V, 41

В. Шкопинкова

въ Бѣлоруссіи, а сыновей его удостоила разными пожалованіями (ib. 142). Гуннинъ выражается, что имперія не могла потерпѣть въ настоящую минуту болѣе тяжелой утраты, какъ смерть Бибикова. Его извѣстная честность, искренній патріотизмъ и обширныя военныя свѣдѣнія давали ему заслуженное право на довѣріе къ нему (Сборн., XIX, 411). Далѣе онъ сообщаетъ, что изъ бумагъ Бибикова оказывается, что по его мнѣнію невозможно подавить этотъ мятежъ одной только силой оружія, но что необходимо отыскать какое либо средство удовлетворить народъ, имѣющій справедливыя основанія къ жалобамъ" (ib 418). Смерть Бибикова была первая силы къ народному движенію. „Злодѣй, конечно, не страшенъ своими силами, писалъ онъ императрицѣ, но духъ тж. сказать всеобщаго въ здѣшнемъ краѣ шатательства разнородной и разнообразной черни не малаго труда стоитъ успокоить" (Гротъ, I, 57). Главная трудность настоитъ въ великой обширности и отдаленіи мѣстъ, гдѣ злоба успѣла посѣять духъ возмущенія, а преклонность черни къ обольщенію злодѣйству способствуетъ. Не стоятъ они и стоять не могутъ противъ подъ доносныхъ войскъ, но успѣваютъ въ то-же время бѣлаго развратить, мятежъ и разореніе въ другомъ краю, коей одинъ отъ сего очищается. Словомъ, объясненія, самое милосердое прощеніе всякаго ни-

какого дѣйствія произвести не могутъ и обольщенные не прежде, какъ страхомъ оружія успокаиваются, къ должному повиновенію приводятся. Въ то время, какъ окрестности казанскія къ сторонѣ Оренбурга и Уфы и Кунгурскій уѣздъ очищены, то успѣли они ворваться въ мѣсто вѣдомства Екатеринбургскаго и духомъ бунта заразить малошнія селенія и собравъ толпы грабить заводы и жилища." (61). Бибиковъ предвидѣлъ всю опасность для Сибири отъ дурнаго состоянія войска („негодное собраніе офицеровъ") и сибирской конницы "генерала Декалонга (ib. 63 и Арх. госуд. Сов., I, 449).

Настроеніе Москвы и опасенія правительства. Такимъ образомъ Бибиковъ отлично понималъ положеніе ввѣреннаго ему края и опасности предстоящія ему впереди. Онъ не преувеличивалъ и собственнаго успѣха. Его взглядъ на причины успѣха самозванца вполнѣ подтверждается послѣдующими событіями. Вотъ въ какомъ видѣ представляетъ намъ состояніе восточныхъ провинцій Россіи франц. конфедератъ, пріѣхавшій въ Москву въ концѣ февраля. „Въ это время духъ смуты, говоритъ Бельгуръ, распространился въ Москвѣ. Стали громко говорить въ пользу мнимаго Петра III. Весь городъ былъ въ волненіи. Во всѣхъ съѣзжихъ домахъ постоянно сѣкли, но и это строгое наказаніе никакого не усмиряло. Во всѣхъ концахъ

города громко кричали: „Да здравствуетъ Петръ III и Пугачевъ"! Казалось грозило всеобщее возстаніе. У гр. Толстаго люди натворили столько измѣнствъ, что онъ вынужденъ былъ предать ихъ въ руки полиціи. Они были приговорены къ битью кнутомъ, но и подъ ударами кричали: „Ура Петръ III". Чтобы успокоить умы и затушить огонь, угрожавшій всеобщимъ пожаромъ, распустили слухъ, что Пугачевъ совершенно разбитъ. На почтѣ вскрывали всѣ письма и перехватывали тѣ, которыя казались подозрительными; каждаго домохозяина заставили снова присягнуть, и, не смотря на то, в марта, около 6 часовъ вечера, раздался во всѣхъ частяхъ города всеобщій крикъ: „Да здравствуетъ Петръ III и Пугачевъ". Всѣ бросились бѣжать, куда попало. Но твердость кн. Волконскаго успокоила умы и этотъ великій пожаръ потухъ безъ всякихъ послѣдствій. (Др. и Нов. Россія 1875, № 11, 282). Волконскій распорядился тогда примѣчать за разговорами публики въ публичныхъ собраніяхъ, въ рядахъ, баняхъ и кабакахъ, а также между дворянствомъ (дек. 1773); по городу ходили безпрестанные патрули (XVIII вѣкъ, 130-131, 137), а нѣсколько позже (въ сент. 1774) онъ сообщалъ опять императрицѣ объ арестѣ нѣсколькихъ человѣкъ, „распространявшихъ пугачавскіе листы" (о нихъ смотр. въ Рус. Стар. 1875, іюль, 450-52). Домъ главно-командующаго былъ окруженъ пушками (Болотовъ, III, 377-78).

Изъ переписки Державина видно, что вся частная корреспонденція подвергалась просмотру (Соч. Держав. V, 114). Страхъ усиливался бѣгствомъ въ Москву дворянъ изъ мѣстъ, объятыхъ бунтомъ (Пушкинъ, 39), и только задержкою Пугачева подъ Оренбургомъ объясняли тогда спасеніе Москвы и Петербурга (Сборн. XIX, 398). Уже лѣтомъ 1774 г. императрица иронически замѣчала Потемкину, о разысканіи подозрительныхъ людей въ Царскомъ селѣ, такъ какъ ею были получены свѣдѣнія отъ секретной коммиссіи, о намѣреніи нѣкоторыхъ казаковъ посягнуть на жизнь ея, вел. князя Павла Петровича и его жены (Сборн. XIII, 407).

Лекція 40.

Положеніе края по смерти Бибикова. По смерти Бибикова военная часть въ краѣ поручена была кн. Ѳед. Ѳед. Щербатову, а слѣдственная коммиссія (въ Казани и Оренбургѣ) — П. С. Потемкину (11 іюня)[1], троюродному брату фаворита, который также учился въ Московскомъ университетѣ, переводилъ Вольтера и Руссо, писалъ поэмы и драмы и оставилъ рукописную исторію Пугачевскаго бунта (Рус. Стар. 1870, II, 397-400. Б. Каменскій, IV, 195). На губернаторовъ

---

1) Ему поручено было изслѣдованіе дѣйствительныхъ причинъ бунта, успокоеніе края и изложеніе началъ, на

было возложено главное попеченіе по части шаъ управленія. Такимъ образомъ снова произошло раздѣленіе власти, притомъ въ важный моментъ военныхъ дѣйствій противъ Пугачева.

Дѣйствія Михельсона. Между тѣмъ Пугачевъ быстро переносился изъ одного конца въ другой въ то время как разливъ рѣкъ и непролазная грязь крайне затрудняли дѣйствіе войскъ. Но 5 мая Михельсонъ успѣлъ освободить Симскій заводъ отъ башкиръ, предводительствуемыхъ жестокимъ Салаватомъ. Однако послѣднему удалось соединиться съ Бѣлобородовымъ, а Пугачевъ сжегши Бѣлорѣцкіе заводы, перешелъ черезъ Уральскія горы и, послѣ неудачи подъ крѣпостью Магнитною (5 мая, гдѣ онъ былъ раненъ) овладѣлъ ею, благодаря измѣнѣ. Здѣсь онъ получилъ подкрѣпленіе въ 4,000 чел. (Бѣлобородовъ). Въ то-же время Декалонъ, освободивъ Челябинскъ, надѣялся настигнуть Пугачева на Бѣлорѣцкихъ заводахъ; но было уже поздно, Пугачевъ переходилъ отъ одной крѣпости къ другой и расположился лагерем у Троицкой. Здѣсь напалъ на него Декалонъ 21 мая, не смотря на значительныя силы самозванца (болѣе 10,000 войска и до 30 пушекъ) и разсѣялъ его толпы. На всемъ этомъ пути и въ самомъ лагерѣ Декалонъ освободилъ цѣлыя тысячи всякаго

контроль было-было установленъ порядокъ въ немъ на будущее время. Рус. Стар. 1870, II, 400-402.

званія людей, женъ и дѣтей, обреченныхъ на голодъ и насильственную смерть. Неподалеку отъ Чербакульской крѣпости Михельсонъ, шедшій Уральскими горами, встрѣтилъ остатки Пугачева и окончательно разбилъ ихъ. Но у самозванца мгновенно выростали новыя силы. Дважды послѣ этого разбивалъ Михельсонъ Пугачева и его союзниковъ (Бѣлобородова и Салавата) на пути къ Уфѣ, но долженъ былъ прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе, по недостатку запасовъ. Декалонъ, засѣвшій въ Челябѣ, Фрейманъ въ Илецкой крѣпости, Станиславскій въ Орской крѣпости не подали ему помощи, кто изъ соперничества, а кто изъ страха. Князь Голицынъ безполезно стоялъ съ войсками въ Оренбургѣ и Яицкомъ городкѣ, по распоряженію кн. Щербатова. Въ это время башкиры сожгли Бирекъ, Пугачевъ занялъ Красноуфимскъ, а 18 іюня онъ овладѣлъ и Осой, гдѣ казнилъ за измѣну коменданта ея — Скрипицына и капитана — Смирнова, передавшихся на его сторону. Затѣмъ (23 іюня) онъ овладѣлъ винокуренными заводами Ижевскимъ и Воткинскимъ, рабочихъ забралъ въ ряды войска, а начальника ихъ — Венцеля умертвилъ. Передъ Пугачевымъ разстилался свободный путь на Казань. Ему совѣтовали поспѣшить туда, и онъ рѣшился выполнить совѣтъ[1]. Князь Щербатовъ стоялъ въ это вре-

---

1) Иванъ Ивановъ (куп. Долгополовъ), одинъ изъ помощниковъ Пу-

ля въ Бугульмѣ, а Голицыну приказалъ спѣшить въ Уфу. Въ Казани было всего 1,500 войска, а потому были наскоро вооружены 6,000 чел. Гранитъ рѣшился сопротивляться. Впрочемъ всею обороною въ городѣ распоряжался уже генер. м. Потемкинъ, свидѣтельствующій о полнѣйшей растерянности начальства города и населенія, неприготовленного къ встрѣчѣ опасности. Генералъ Ларіоновъ уѣхалъ въ Н. Новгородъ[1]. Потомъ онъ оправдывался тѣмъ, что Пугачевъ не могъ идти на Казань. (Гротъ, III). Главную силу во время этой осады у Пугачева составляли заводскіе крестьяне, а противъ нихъ должны были быть выставлены гимнаисты и суконщики, опытные кулачные бойцы. 12 іюня городъ сдѣлался жертвою пламени и грабежа. Церкви и монастыри были ограблены; всѣ, попадающіеся въ нѣмецкомъ костюмѣ, были умерщвлены. Башкиры не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Народъ погнали въ лагерь и заставили на колѣнахъ передъ самозванцемъ просить милости. Держалась еще крѣпость, гдѣ заперлись Потемкинъ и архіеп. Веніаминъ. Приближеніе Михельсона (13 іюля) заставило Пугачева снять осаду крѣпости и выйти изъ города, но не вдали отъ него, послѣ упорнаго боя,

---

гачева, говорилъ ему, чтобы онъ оставилъ окраины имперіи и кинулся на Казань, гдѣ онъ можетъ утвердиться, а потомъ слѣдовалъ въ Москву, для принятія „всероссійскаго престола" (Щебальск., 41).

1) О положеніи Казани, см. П. С. Потемкинъ, Рус. Стар., II, 402—405.

онъ снова былъ разбитъ. Тогда Потемкинъ соединился съ Михельсономъ и тѣмъ избавилъ его отъ новой опасности. Между тѣмъ Пугачевъ собралъ толпу въ 25,000 чел.; объявлялъ о своемъ намѣреніи идти на Москву, но Михельсонъ рѣшился сдѣлать на него нападеніе (подъ Царицынымъ) всего съ 800-отрядомъ и прогналъ его. Онъ освободилъ въ лагерѣ самозванца до 10,000 казанскихъ жителей, захватилъ 5,000 плѣнныхъ и 9 пушекъ. Вся р. Казанка была запружена мертвыми тѣлами. Губернаторъ Брантъ не перенесъ этихъ тревогъ и спустя 2 недѣли умеръ.

Городъ представлялъ одинъ развалинъ изъ 2,867 домовъ, сгорѣло 2,057; сгорѣло 5 церквей и 3 монастыря, гостинный дворъ и монастыри были разграблены, найдено было до 300 убитыхъ и раненыхъ, 500 пропало безъ вѣсти. Колодники содержавшіеся въ тюрьмѣ, были освобождены Пугачевымъ, въ томъ числѣ и игуменъ Филаретъ, попавшійся въ руки правительства. Подпоручикъ Минеевъ, давшій совѣтъ Пугачеву идти въ Казань, былъ пойманъ и казненъ до смерти. Свое семейство Пугачевъ захватилъ съ собою (Пушкинъ, 147).(2) Недоброжелатели Михельсона распустили слухъ, что

1./Означеніи Филарета и др. раскольник. старцевъ см. у Державина, V, 121, 131, 156-157, 132, 232, 250, 293. Село Мальковка сгорѣло во время бунта, 133. Уч. Зап. Ак. Н. VII, 115-119, 142-144.
2./Директ. Каницъ не былъ убитъ, какъ утверждаетъ Пушкинъ (84).

В. Ікономиковъ

онъ нарочно не подалъ помощи во время гордц, чтобы нажиться потомъ на счетъ жителей, но онъ лишенъ всякаго основанія (Пушкинъ, 85). Потемкинъ, напротивъ, воздаетъ должныя похвалы одному Михельсону (Рус. Стар., II, 402), а П. И. Панинъ видѣлъ въ немъ даже единственнаго надежнаго военнаго начальника (Анучинъ). Щербатовъ также признавалъ, что спокойствіе Уфимской провинціи возстановлено было Михельсономъ (Соч. Державина, V, 73).

Движеніе Пугачева послѣ разоренія Казани. Положеніе вещей становилось критическимъ. Еще разъ подтвердилась истина, не разъ высказанная Бибиковымъ, о трудности справиться съ Пугачевымъ безъ сильнаго войска на обширномъ пространствѣ, охваченномъ бунтомъ и постоянно питаемомъ недовольными силами, быстро пополняющими ряды самозванца. Въ его лагерь появляются теперь нѣкоторые изъ конфедератовъ, въ томъ числѣ и Пулавскій. Но Бѣлобородовъ былъ пойманъ подъ Казанью и казненъ въ Москвѣ (XVIII вѣкъ, I, 125). Приверженцы самозванца (Ивановъ) звали его къ Москвѣ и онъ переправился черезъ Волгу, ограбилъ Цивильскъ, занялъ нижегородскую и Алаторскую дороги и прервалъ сообщеніе Казани съ Нижнимъ. Теперь подымаются господскіе крестьяне; инородцы и новокрещенные стали истреблять ненавистныхъ имъ русскихъ священниковъ; воеводы оставляли города, дворяне-деревни, но и тѣхъ и другихъ ловили

и представляли въ лагерь Пугачева. Пугачевъ объявилъ народу свободу, истребленіе дворянъ, отмѣщеніе повинностей и безденежную раздачу соли.

Отозваніе кн. Щербатова и назначеніе гр. П. И. Панина. Видя бѣдствіе Щербатова, императрица рѣшилась отозвать его и передать начальство Голицыну,[1] но курьеры не могъ проѣхать изъ Нижняго. Она вызвала также сюда Суворова, но Румянцевъ удержалъ его на Дунаѣ.[2] Многіе стали перебираться уже изъ Москвы въ Тверь. Въ виду такой опасности, императрица сама хотѣла ѣхать на Волгу и лично стать во главѣ войска; но это обстоятельство также было устранено. Михельсонъ, Голицынъ, Щербатовъ, Моллинъ, Мансуровъ поспѣшили за самозванцемъ и не допустили его къ Москвѣ. Онъ задумывалъ уже пробраться на Кубань или въ Персію. Но ему предстоялъ еще рядъ подвиговъ

1.) Указъ 8 іюля 1774 г. (Анучинъ, Участіе Суворова въ усмиреніи Пугачевщины, Р. В. 1868, №11, 7). Онъ передалъ власть 29 іюля въ Казани (ib).

2.) Румянцевъ не желалъ назначеніемъ Суворова въ Оренбургскій край подать право туркамъ заключать объ опасности дѣлъ на Волгѣ. Онъ имѣлъ порученіе сдѣлать поискъ съ своимъ корпусомъ на Силистрію и Гирсово (отъѣзъ 15 апр. 1774 г) ib. 9. Вскорѣ уже Румянцевъ былъ успокоенъ императрицею извѣстіемъ о побѣдѣ кн. Голицына подъ Татищевской крѣпостью и о дѣйствіяхъ Бибикова (ib. 10).

на всемъ этомъ пути.
Въ виду новой опасности необходимо было снова напасть на мысль объ усиленіи войскъ въ этомъ краѣ и порученіи ихъ именитому генералу. На этотъ разъ пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ „большому болтуну", столь некріяжному императрицѣ.

Въ то время какъ въ Москвѣ шла рѣчь о сформированіи дворянами ополченія изъ крѣпостныхъ по примѣру Н. Новгорода, дѣло это шло туго, а избранный въ начальники его гр. П. Б. Шереметевъ не умѣлъ приняться за него, Панинъ вооружилъ своихъ крестьянъ и дворню и объявилъ, что самъ поведетъ свою дружину, что вѣроятно имѣло вліяніе на его назначеніе (Щебальскій, 79, Лебедевъ гр. Панины). Въ перепискѣ Паниныхъ сохранилось весьма любопытное письмо канцлера къ своему брату въ Москву, описывающее засѣданіе Совѣта, въ которомъ обсуждался вопросъ о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ противъ Пугачева. Оно обрисовываетъ и общее положеніе дѣлъ, и отношенія лицъ, въ рукахъ которыхъ заключалась власть:

„Изъ его столь поспѣшнаго къ тебѣ, мой любезный другъ, отправленія ты самъ познаешь, что оно тебѣ служитъ единымъ предварительнымъ и тайнымъ отъ меня къ тебѣ одному сообщеніемъ объ особенномъ намъ обоимъ жребіи во всякихъ службы нашей происшествіяхъ. У васъ уже конечно теперь извѣстно до какой крайности

внутреннее наше бѣдствіе возросло послѣ смерти достойнаго нашего друга Бибикова. Сего утра получили мы извѣстіе о разореніи города Казани и что губернаторъ со всѣми своими командами заперся въ тамошнемъ Кремлѣ. Мы тутъ въ собраніи нашего совѣта увидѣли государыню крайне пораженною и она объявила свое намѣреніе оставить здѣшнюю столицу и самой ѣхать для спасенія Москвы и внутренности имперіи, гребуя и настоя съ великимъ жаромъ, чтобы каждый изъ насъ сказалъ ей объ этомъ свое мнѣніе. Безмолвіе между нами было великое. Я оное выдерживалъ и для того одного, что при всякомъ отпуска извѣстіи я всегда сказывалъ, что сіе бѣдственное и что не одними вооруженными руками оное, поражено быть не можетъ, а надобенъ человѣкъ съ головою; но кн. я тутъ увидѣлъ до самой крайности безмолвное духопорабощеніе, а къ тому-же наконецъ и Государыня кому-нибудь одному обратилась и съ большимъ вынужденіемъ требовала, чтобы я ей сказалъ хорошо или дурно она сіе сдѣлаетъ, мой отвѣтъ былъ, что не только не хорошо, но и бѣдственно въ разсужденіи цѣлости всей имперіи, что, когда она такимъ образомъ займется безпосредственно волнованіемъ, одной столь презрительной черни, тогда начнется неизбѣжно разрушеніе и погибель всей Россійской имперіи, и что не можетъ быть истиннаго сына отечества, который бы хотѣлъ дожить до сего заключительнаго пуна=

та. Ея Величество тутъ съ чувствительнымъ движеніемъ доказывала, какую пользу произвесть можетъ ея повсюду присутствіе и весьма противъ меня подкрѣпляема была новымъ нашимъ фаворитомъ (Потемкинымъ). Старый съ презрительною индиферентностью все слушалъ, ничего не говорилъ, и извинялся, что онъ не очень здоровъ, худо спалъ и для того никакихъ идей не имѣетъ. Окликанные дураки — Разумовскій и Голицынъ твердымъ молчаніемъ отдѣлались. Скаредный Чернышевъ трепеталъ между фаворитами, съ полъ слова раза два выполвилъ, что самой ей ѣхать вредно, и спѣшилъ только записывать имена пѣхъ полковъ, которымъ въ Москвѣ вновь маршировать повелѣно. Вицеканцлеръ одинъ посвоей способности мои разсужденія открыто подкрѣплялъ. Забылъ было сказать о дуракѣ Вяземскомъ. Ему полюбились манифесты и казанскихъ дворянъ вооруженія, и потому представлялъ только, чтобы и то и другое на Москвѣ сдѣлано было. Ты легко мой другъ изъ сего познаешь, какъ мой духъ распаленъ былъ. Совѣтъ кончился тѣмъ, чтобы обождать Румянцева курьера съ заключеніемъ міра, котораго однако же тк. скоро кончить однако нельзя. Между тѣмъ я рѣшился на слѣдующій поступокъ. Послѣ обѣда князь взялъ новаго фаворита особенно и облича дерзость его мыслей, которой ни лѣта, ни практика ему не могутъ дозволить и повво-

ряя резоны мною сказанные, угрожающіе разрушеніемъ имперіи, объявилъ ему, что на отвращеніе сего, я самъ рѣшился ѣхать противъ Пугачева или отвѣтствовать за тебя, мой любезный другъ, что ты, при всей своей дряхлости, возьмешь на себя спасать отечество, хотя бы то надобно было тебя на носилкахъ нести, если только Государыня того желаетъ, или же она никого лучше тебя избрать не можетъ, и чтобы онъ пошелъ съ симъ моимъ объявленіемъ къ Ея Величеству. Я скоро потомъ вошелъ самъ къ ней и то-же самое пересказалъ. Излишне будетъ подробно описывать всѣ тѣ разговоры, которые притомъ происходили а довольно только сказать, что Государыня, будучи сама весьма растрогана симъ моимъ поступкомъ, божилась, что она никогда не утаяла своей къ тебѣ довѣренности, что она совершенно увѣрена, что никто лучше тебя отечество не спасетъ; что она съ прискорбіемъ тебя отъ службы отпустила, что она не отважилась тебя призвать къ настоящему дѣлу по тому одному, что ты уже вышелъ изъ службы, и что, наконецъ, съ чувствительною радостью теперь слышитъ мое обнадеживаніе, что ты не отрѣчешься въ семъ бѣдственномъ случаѣ еще служить ей и отечеству. Вотъ, мой любезный другъ, каковымъ образомъ жребій твой рѣшился. Я до крайности обнимаю въ себѣ моими чувствами, какому бремени ты подвергаешься. Но зная-же и то, что, гдѣ отечество

вопіетъ, тутъ ни у тебя, ни у меня не можетъ быть мѣста размышленіямъ о собственномъ нашемъ бытіи. Я завтрешній день испросилъ себѣ на примышленіе отряда, съ каковымъ тебѣ поручено быть должно сіе дѣло. Послѣ завтра-же съ оными поѣду въ Петергофъ, а теперь спѣшу о семъ тебя увѣдомить съ тѣмъ однако-же, чтобы до полученія формальнаго отъ Ея Величества къ Вамъ рескрипта сіе въ публикѣ проникнуто не было, а вамъ совѣтую мнѣ въ запасъ прислать письмо къ Государынѣ, въ которомъ-бы вы отозвались, что свѣдавъ отъ меня Ея величайшее намѣреніе употребить васъ къ пресѣченію внутренняго въ Ея Имперіи пугачевскаго смятенія готовы охотно посвятить остальные ваши дни службѣ ея и отечества. Если, мой любезный другъ, ты разсудишь за благо прислать ко мнѣ съ симъ вручителемъ такого содержанія письмо, то я, по моему усмотрѣнію, могу его подать государынѣ и прежде, нежели отвѣтъ отъ васъ на формальный рескриптъ сюда обратиться можетъ. Не имѣвъ времени списаться съ тобою напередъ, какія особенныя вспоможенія тебѣ нужны быть могутъ, какъ въ людяхъ по разнымъ свойствамъ для употребленія вокругъ васъ въ службѣ, такъ и въ тѣхъ, кои могутъ быть вамъ способны для собственныхъ вамъ услугъ, дуду обо всемъ теперь самъ придумывать и чтомнѣ только представиться можетъ, не ос-

тавлю для васъ исходатайствовать. Затѣмъ, мой любезный другъ, сердцемъ и душою тебя обнимаю и со всѣми твоими, мнѣ драгоцѣнными" (Сборн. VII, 74-76).

Но, чтобы дѣло это не ускользнуло изъ рукъ его брата, Панинъ требовалъ отъ брата покорнѣе прислать согласіе, которое онъ намѣренъ представить императрицѣ и, т.к. сказать, связать ее этимъ согласіемъ. И вотъ графъ Панинъ, еще такъ недавно фрондировавшій противъ Екатерины, взываетъ теперь къ брату съ такими мольбами: „Падите къ ногамъ моей государынѣ, смойте ихъ, вмѣсто меня, слезами и поблагодарите за возобновленіе ея довѣрчивости ко мнѣ." Но онъ желалъ, чтобы ему была предоставлена „полная мочь и власть не только надъ всѣми воинскими командами, но и надъ всѣми жителями, городами и судебными мѣстами съ властью на мѣстѣ живота и смерти, за исключеніемъ развѣ только нѣкоторыхъ классовъ чиновъ", а въ помощь себѣ, ссылаясь на скоропостижность подагрическихъ и хирагрическихъ припадковъ, онъ просилъ дать кн. Н. В. Репнина (16, 77-79).

<u>Отношеніе императрицы къ Панинымъ</u>. Чтобы достигнуть этой цѣли, гр. Н. И. Панинъ долженъ былъ возбудить самолюбіе Потемкина — и тотъ оказалъ ему содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ; но ни Репнина, ни полномочій Панинъ не получилъ (75, 86 — 89). Предполагавшееся въ рескриптѣ восхваленіе Панину

Д. Иванишевъ

за прежнюю его любовь и вѣрность отечеству, также не вошло въ рескриптъ (29 іюня), а относительно полномочій прямо было выражено, что слѣдственныя коммиссіи въ Казани и Оренбургѣ подчинены уже ген. м. Потемкину, который долженъ былъ сообщать нужныя свѣдѣнія. Вмѣсто же Панина сюда былъ посланъ Суворовъ (Гротъ, III, 5 и сборн. VI, 85), назначенный еще въ мартѣ, а потомъ 28 іюля, т. к. какъ 23 іюля было получено въ Петербургѣ извѣстіе о мирѣ съ Турками (Анучинъ Участіе Суворова въ усмир. пугачев. Р. В. 1878, №11, 12 ст.). Но все негодованіе Екатерины противъ Паниныхъ выразилось въ ея интимномъ письмѣ къ Г. А. Потемкину: „Увидишь изъ приложенныхъ къ сему шутъ, что гр. Панинъ изъ братца своего изволитъ дѣлать властителя съ безпредѣльною властью въ лучшей части Имперіи, т. е. Московской Нижегородской, Казанской и Оренбургской, a tous egards есть и прочія. Что, если я подпишу, то не только кн. Волконскій будетъ огорченъ и смѣщенъ, но я сама ни малѣйше не сбережена, но передъ всѣмъ свѣтомъ первая враля и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю. Вотъ вамъ книги въ руки, изволь читать и признавай, что гордыя затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ выше. При семъ прилагаю и Гибикова инструкцію для confrontirie, а тотъ пунктъ нехудъ, гдѣ сказано, что всѣхъ людей, гдѣ-бы они ни

были, онъ можетъ какъ и гдѣ хочетъ казнить смертью" (Лебедевъ, 116). И Чернышевъ подтверждаетъ, что начальство Панину было дано весьма неохотно (Сборн. XIX 452). Безъ сомнѣнія, боясь Пугачева, какъ выражается Екатерина, она хотѣла удовлетворить опять враждебныхъ ей защитниковъ правъ вел. князя (ib. 451). И когда пугачевцы узнали объ этомъ, то стали выражать даже надежды, что къ нимъ ѣдетъ братъ наставника вел. кн. (Сборн. VI, 116). Теперь Екатеринѣ приходилось упрашивать кн. Волконскаго оставить всякія несогласія съ Панинымъ и совершить дружелюбно общее дѣло (XVIII вѣкъ, I, 115-116). По видимому они вскорѣ дѣйствительно примирились (ib. и. Гротъ, Матер. о Пугачев.), но Панинъ продолжалъ настаивать на расширеніи предѣловъ его власти (Анучинъ, Р. В. 1869, Гр. П. И Панинъ, усмир. Пугачевщ. № 3, 21-22), ссылаясь на усиленіе волненій въ сосѣднихъ губерніяхъ (Сборн. VI, 194).

<u>Новыя силы Пугачева</u>. Вскорѣ правительству стало извѣстнымъ, что Пугачевъ вступилъ въ сношенія съ московскими раскольниками (XVIII вѣкъ, I, 117), а также о сомнительномъ поведеніи тульскихъ оружейныхъ заводовъ, вслѣдствіе чего императрица заказали имъ выдѣлать 90,000 ружей, чтобы дать имъ работу на 4 года (ib 123). Переходъ Пугачева на правую сторону Волги, по словамъ Панина, повергъ москов-

кихъ жителей въ трепетъ и ужасъ несказанный (Сборн. VI, 80). Снова здѣсь появляются эмиссары, успѣвшіе даже возбудить въ народѣ колебаніе и мятежные замыслы (ib. 91). Волненія эти распространились въ Московской и воронежской губ. (VI, 106). Помѣщичьи-же крестьяне на правой сторонѣ Волги отказались отъ повиновенія, а всѣ молодые люди взяты были пугачевцами въ ихъ банды (94), которыя на всемъ пути производили страшныя неистовства, не щадя ни возраста ни пола, если въ руки ихъ попадались дворяне, или чиновники (ib. 98–99). Для удержанія духовенства этого края въ повиновеніи понадобились увѣщанія и угрозы синода (ib 100).

<u>Состояніе правительственныхъ войскъ.</u> Между тѣмъ общему плану дѣйствій правительственныхъ войскъ много вредила раздробленность отдѣльныхъ частей (ib. 98) Самъ Панинъ не располагалъ еще достаточнымъ войскомъ (14 авг. въ Москву прибыло всего 3,162 чел., Гротъ, 29, Сборн VI, 85). Поэтому онъ вынужденъ былъ оставаться здѣсь до 17 августа, желая убѣдиться въ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ самозванца. Въ то-же время правительство озаботилось собраніемъ дворянскихъ ополченій въ Москвѣ и др. мѣстахъ (Анучинъ, 20–21). Правительство все таки надѣялось на поимку Пугачева и согласилось даже на втори-

чное предложеніе Перфильева (первое онъ сдѣлалъ вначалѣ и обманулъ), сдѣланное гр. Орлову (8 авг. въ Ц. Селѣ) чрезъ яицкого козака Трифанова о выдачѣ Пугачева за вознагражденіе по 100р. на 324 чел. его единомышленниковъ и послалось этой цѣлью довѣренное лицо (капитана гвардіи Галахова) съ 32,400р., собранныхъ изъ разныхъ источниковъ, но и на этотъ разъ онъ обманулъ (Сборн. VI, 95; о сношеніяхъ казаковъ съ Орловымъ XVIII вѣкъ, I, 365 и д. и переписка съ Волконскимъ о Перфильевѣ ib. 120, 130 и др.)

Распоряженія Панина. Чтобы ослабить силы мятежниковъ, Панинъ издалъ два объявленія: одно обѣщавшее амнистію тѣмъ, кто изъ участниковъ оставилъ мятежъ; вознагражденіе за поимку Пугачева (10,000р. за живаго, 5,000р. за мертваго) и содѣйствіе правительству; другое, грозившее жестокими наказаніями мятежникамъ (отрубленіе ногъ и рукъ, головы, сѣчь жестоко)[1], и сопровождавшееся постановкою въ селеніяхъ висѣлицъ, колесъ и глаголей для повѣшенія за ребро. Въ случаѣ невыдачи виновниковъ, казни должны были совершаться по жребію (3-ѣмъ), а прочіе подвергнуться тѣлесному наказанію. Укрывателямъ грозила также смертная казнь; ихъ женамъ и дѣтямъ — рабство, а земли ихъ подлежали передачѣ крестьянамъ, не

1) Обыкновенно сначала отрубались члены, а потомъ голова.

участвовавшимъ въ бунтѣ. За грабежъ также объявлялась смертная казнь. Дворяне, офицеры и духовныя лица, обличенные въ бунтѣ, должны были содержаться прикованными къ стѣнѣ на хлѣбѣ и водѣ (Рябининъ, Уральск войско, т. II, 57-59). Екатерина признала на этотъ разъ необходимость крайнихъ мѣръ, но высказывала надежду, что онѣ будутъ примѣняться умѣренно и Панинъ поспѣшилъ ее увѣрить въ томъ.

Успѣхи Пугачева на правой сторонѣ Волги. Между тѣмъ Пугачевъ продолжалъ свой путь съ невѣроятною быстротой.[1] На этомъ протяженіи до послѣдняго сраженія онъ прошелъ 1,300 верстъ. Перейдя Волгу, Пугачевъ очутился въ самомъ сердцѣ крѣпостнаго права, а въ центральныхъ губерніяхъ пугачевщина приняла характеръ настоящей жакеріи (Щебальскій, 80). За сопротивленіе, оказанное въ Цибальскѣ, онъ велѣлъ повѣсить воеводу, начальника военной команды, секретаря и ихъ женъ. Въ Курмышѣ (20 іюля) его встрѣтили съ хлѣбомъ и солью; дворянъ, приведенныхъ къ нему, онъ велѣлъ повѣсить, а народу (онъ велѣлъ) объявить о выдачѣ безденежно соли, объ освобожденіи отъ службы солдатъ и искорненіи дворянъ. Въ Ядринскѣ и Курмышѣ предано было смерти 77 духовныхъ лицъ. При приближеніи его къ Алатырю

---

1. Онъ перешелъ Волгу между Казанью и Н. Новгор. предъ Сундыр 18 іюля.

воевода бѣжалъ, а самозванецъ велѣлъ раздать своимъ казакамъ и народу вино, 31,000 пуд. соли и 27,000 р. мѣдными деньгами. Помѣщики нигдѣ не думали объ оборонѣ, а съ семействами спасались въ лѣса, но ихъ разыскивали и доставляли въ лагерь. Все, что было не въ крестьянскомъ платьѣ, подвергалось насилію, побоямъ и смерти. Въ Курмышскомъ уѣздѣ образовалась шайка чувашей въ 700 чел., которая пыталась захватить Ядринскъ. Въ Алаторскомъ уѣздѣ, по словамъ Мертваго, не было ни одной деревни, не возставшей на призывъ Пугачева. Даже хорошое обращеніе нѣкоторыхъ помѣщиковъ не спасло теперь ихъ отъ бѣды, такъ какъ крестьяне скрывавшіе ихъ, или покровительствовавшіе ихъ бѣгству, подвергались той же участи. Случалось, что городъ или селеніе подвергались послѣдовательно нападенію и грабежу пугачевцевъ и солдатъ, не зная къ кому пристать и дѣлались жертвами подобныхъ недоразумѣній[1]. Въ Саранскѣ самозванца торжест-

---

1./ Въ тогдашнихъ документахъ упоминаются самыя измышленныя казни (Анучинъ, 38, №3. Рус. Вѣстн. Ср. Политичес. движ. Мордовцева, I, 277-80, 291, 300, 310). Если обнаруживалось, что подъ одеждою мужика скрывался дворянинъ, то озлобленная толпа кричала: „на рели, на рели, это бѣлоручка". (Ib. 291.). Интересный разсказъ о бѣдствіяхъ дворянъ отъ Пугачева см. XVIII вѣкъ, III, 481-490. Ср. также Чт. М.О.И. 1862, III, 335-37 / объ обращеніи

венно встрѣтилъ архимандр. Александръ и монахи; воевода бѣжалъ, а 62 чел., оказавшихъ сопротивленіе, были повѣшены!!! Всѣмъ, приставшимъ къ Пугачеву, обѣщана была вѣчная воля и по 100р.

крестьянъ съ дворянами и попами/Рус. Стар. XVII, т X письмо дворянки о злодѣяніяхъ пугачавцевъ/Рус. Арх. 1871, 237-40/письма Веніамина казанскаго къ Платону Любарскому объ обращеніи съ попами, преимущественно новокрещенцевъ/; Рус. Истор. сборн. VI, 98-99, 131/о неисповѣдахъ крестьянъ/. Холопы шли съ ножами противъ дворянъ, Сборн. VI, 143. Картина ужасовъ у Рунича, 105-106, 116 — уничтоженіе всего, что носило имя дворянъ и чиновниковъ. Однако Руничъ замѣчаетъ, что духовенство и храмы даже нѣмецкіе и католическіе, Пугачевъ щадилъ (116). Награды за разысканіе дворянъ и наказанія за укрывательство — Зап. Мертваго, 1-37. О поголовномъ истребленіи — Зап. Поспѣлова, Вѣстн. Евр. 1870, III, 640. Объ убійствѣ дѣтей — Соч. Державина, V, 181, 183. Шайка бунтовщиковъ разбивала кабаки и только за водку иногда освобождала несчастныхъ, ib. 173, 178, 183. Особенно жестоко расплачивались теперь тѣ изъ помѣщиковъ, которые посягали на семейную жизнь крестьянъ. Сохранились свидѣтельства о невѣроятныхъ поступкахъ помѣщиковъ въ этомъ отношеніи и, по поводу одного факта, Екатерина замѣтила: „Едвали не исторія Александра Васил. Салтыкова. Другой помѣщикъ (Скосырев) напоминаетъ своими дѣяніями средневѣковыхъ бароновъ; но онъ жестоко поплатился за это. Рус. Стар. XVII, 660. 1/Духовныя лица, склонившіяся въ пользу Пугачева, были

въ мѣсяцъ жалованія. Понятно, какое вліяніе и дѣйствіе производили подобныя объявленія на народъ. Нѣкоторые изъ пугачевцевъ женились на дворянкахъ, принуждая духовенство совершить обрядъ и полагая такимъ образомъ пріобрѣсти состояніе; но правительство развѣнчивало ихъ и возвращало въ прежнее званіе. Въ Саранскѣ Пугачевъ захватилъ деньгами 8,321 р., 7 пушекъ, 150 ядеръ и два съ половиною п. пороху[1].

Отряды, дѣйствовавшіе противъ Пугачева, были невелики: Меллинъ, Михельсонъ и Муфель имѣли всего 2,000 чел., между тѣмъ, кн. отряды Пугачева состояли изъ 500—3,000 челов. (Сборн. VI, 142). Поэтому они не могли разсчитывать на быстрый успѣхъ. Слѣдовавшій за ними по пятамъ гр. Меллинъ производилъ такія-же казни надъ Пугачевцами. Ему удалось занять Саранскъ. Точно также поступалъ

лишены сановъ и преданы проклятію. Рус. Вѣстн 1869, №5, 142.

1) Не смотря на это тревожное время, нѣкоторые успѣли однако нажиться. Такъ незначительный помѣщикъ Симбирской губ. Δ дворянинъ Кротковъ, послѣ одного пораженія, нанесеннаго Пугачеву, захватилъ богатый складъ мятежниковъ, находившійся въ его деревушкѣ и состоявшій, между прочимъ изъ нѣсколькихъ сундуковъ серебряной посуды и разныхъ дорогихъ вещей, всего тысячъ на 200. Послѣ онъ купилъ на эти средства 6,000 душъ крестьянъ. Впрочемъ это имущество не пошло ему въ прокъ. Карновичъ, Богатства частныхъ лицъ въ Россіи, 367—368.

В. Ископика

съ Пугачевцами Михельсонъ на пути отъ Саранска къ Москвѣ. Но торжественная встрѣча ожидала Пугачева и въ Пензѣ (1 авг.), откуда всѣ власти бѣжали. Народу былъ объявленъ милостивый манифестъ, а заключенные были освобождены изъ тюремъ. Воевода, его товарищъ и два офицера, разысканные потомъ, сожжены живыми, дворяне перевѣшаны и перестрѣляны; здѣсь самозванцу досталось: 2,563 р., 136 бочонковъ съ мѣдными деньгами, 6 пушекъ; жители были завербованы въ казаки (500 чел.)[1] Астраханскій губернаторъ Пречетниковъ не позаботился самъ принять участіе въ защитѣ Саратова, а тамошніе власти (комендантъ И. К. Тошнякъ,[2] управл. колоніями М. М. Ладыженскій и поруч. Державинъ) вели нескромную письменную и личную борьбу, которая была пагубною для дѣла,[3] хотя Саратовъ имѣлъ достаточно войска. Державинъ вызвался

---

1) Когда въ Пензенскомъ уѣздѣ близь слободы Галанды, была захвачена шайка мятежниковъ въ 97 чел., то оказалось, что большинство ихъ составляли помѣщичьи крестьяне, частью экономическіе, однодворцы и три помѣщика. Щебальскій, 113.

2) Родомсербъ изъ Македоніи. Уч. Зап. Ак. Н., II, отд. VII, 77, 85.

3) Разборъ этого дѣла у Анучина, Р. В. 1869, № 3. Протѣ. Дѣят. Державина въ пугачевщину. Уч. Зап. Ак. Н., III 52–88. Мѣстнически счеты играли такую-же роль, въ друг. случаѣ съ Державинымъ, Уч. Зап. II отд. VII, 30.

сдѣлать рекогносцировку къ г. Петровску, но его казаки были захвачены Пугачевцами, овладѣвшими городомъ. Все это произвело панику въ Саратовѣ; казаки и жители стали переходить на сторону Пугачева. Ладыжинский и Бошнякъ бѣжали на суднѣ въ Царицынъ. Въ то время, какъ народъ питался желудями, Самозванцы, Мордовцева, 197/ Пугачевскій лагерь представлялъ видъ довольства и успѣха. Палатка его была бѣлая шелковая съ золотыми украшениями; отдѣлка внутри бархатная; на такомъ-же возвышеніи возсѣдалъ самозванецъ. Онъ былъ въ лентѣ и звѣздѣ; свита его также украшена крестами и медалями. Вокругъ этой ставки были разставлены висѣлицы, на которыхъ вѣшали дворянъ, чиновниковъ, приказщиковъ и др. Народу, собравшемуся здѣсь самозванецъ говорилъ, что онъ законный государь Петръ III, а его жена увлекалась на сторону дворянъ и потому онъ поклялся истребить ихъ всѣхъ до единаго. Дворяне склонили ее, чтобы всѣхъ крестьянъ отдать въ рабство, но онъ воспрепятствовалъ

Впрочемъ Державину принадлежитъ приведеніе въ повиновеніе иностранныхъ колоній на Волгѣ, которыя, послѣ взятья Саратова, шли было къ Пугачеву; колоніи ихъ были страшно опустошены /ib. опис. Саратовъ у Морович. Полит. движ. I, 207 и сочин. Держав. V, 180-81, 184, 197-99/. Держав. освободилъ 1500 колонист. Пушкинъ, 140. Малороссійскіе поселенцы также было склонны къ Пугачеву /Соч. Держав. V, 124, 136, 146/. Мансуровъ въ обращеніи своемъ къ колонистамъ, называлъ ихъ „благоразумными европейцами".

этому, за что вознегодовали на него и подослали убійцъ, но Богъ его спасъ и т. п. нелѣпости (Мордовц. по рукоп. Никитина). Здѣсь вокругъ Саратова валялись трупы, пока не пришли сюда войска Пеллина и Михельсона (4–15 авг.). Когда они заняли городъ, то спрашивали жителей: кого признаютъ они Петра или Екатерину? Отвѣчавшіе невпопадъ подвергались казнямъ. Поэтому многіе отвѣчали „мы за того, за кого и вы." Чтобы судить, какъ дѣйствовали мѣстныя власти, достаточно сказать, что собираясь ѣхать въ Саратовъ, Кречетниковъ приказалъ приготовить для себя на каждой станціи по 10 лошадей, тогда какъ Суворовъ прискакалъ изъ Молдавіи на перекладной и въ одномъ кафтанѣ.[1] Изъ отзывовъ современниковъ видно что Кречетниковъ отличался полнѣйшею безпечностью и заботился только о своихъ выгодахъ. Но потомъ онъ писалъ ко всѣмъ власть имѣющимъ, что онъ не имѣлъ помощниковъ и всю вину сваливалъ на другихъ, а его обвиненія, направленныя противъ Державина, отразились на мнѣніяхъ о немъ Панина и императрицы. Изъ Москвы еще Панинъ писалъ, похвальные отзывы Михельсону за его дарованія и мужество; онъ выразилъ надежду, что ему суждено сдѣлать и „послѣдніе пораженіе злѣйшему врагу Рос-

---

1. Полк. Чернышевъ ѣздилъ въ каретѣ, боевой Захаревъ не забылъ своихъ помѣщичьихъ обычаевъ и въ дорогѣ. Полит. Движ. I, 228, 307 и 309

сіи" Только послѣ занятія Саратова правительственными войсками Панинъ выѣхалъ изъ Москвы (Р. В. 1869, №3.)

Лекція 41.

Участіе казаковъ въ усмиреніи мятежа. Узнавъ о направленіи Пугачева, Панинъ боялся, что онъ устремится на Донъ, но предположенія эти не оправдались. Донскіе казаки обѣщали поддержку правительству. Мало этого, они отрядили на случай опасности къ Царицыну отрядъ въ 1,000 чел. Въ защитѣ его должны были принимать участіе и волжскіе казаки; дѣятельная роль въ распоряженіяхъ подъ Царицынымъ выпала на долю коменданта города полк. Цыплетева. Но кромѣ пугачевцевъ городу угрожала опасность со стороны Киргизъ-Кайсаковъ, собиравшихся сдѣлать нападеніе на калмыковъ. При приближеніи Пугачева, нѣкоторыя станицы волжскихъ казаковъ, опасаясь за своихъ женъ и имущество, передались на сторону самозванца и, стоя на колѣняхъ, выражали ему свою покорность. Въ то время у Пугачева было 6,000 войска и 27 орудій.

17 сентября Пугачевъ занялъ Дубовку, послѣ чего атаманъ волжскихъ казаковъ съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ бѣжалъ въ Царицынъ, а остальные казаки признали власть самозванца

Въ числѣ ихъ былъ другой депутатъ Екатерининской комиссіи, сотникъ Василій Гонскій. Здѣсь-же были приняты въ подданство самозванцемъ 3,000 калмыковъ, причемъ князь ихъ и 50 старшины, подходя къ Пугачеву, преклоняли колѣни и цѣловали его руку. Самозванецъ подарилъ князю 50 р., сыновьямъ его по 30 р., старшинамъ выдалъ сукна на кафтаны, а всему войску бочку мѣдныхъ денегъ (Допросы, 49).

Окончательная побѣда Михельсона. Такимъ образомъ кругомъ Царицына была полная измѣна. Кречетниковъ по прежнему бездѣйствовалъ въ Астрани. Къ тому-же, когда Пугачевъ подошелъ къ Царицыну, то до 400 донскихъ казаковъ тоже передались на его сторону (половина всего). 21 августа началась осада крѣпости, и уже опасность грозила народу, какъ подоспѣлъ на выручку отрядъ кн. Багратіона (изъ 2ой дѣйствующей арміи), состоявшій изъ 100 малороссійскихъ казаковъ и ростовскаго полка. Увидя это и невозможность пробраться на Донъ, Пугачевъ снялъ осаду города и потянулся внизъ по Волгѣ, причемъ потерпѣлъ большой уронъ отъ преслѣдованія. Михельсонъ честь защиты города приписывалъ Цыплетеву, а не Тасиняку, который явился здѣсь случайно (вопреки Пушкину). Панинъ же выражалъ даже гнѣвъ Цыплетеву за то, что онъ сообщилъ объ этомъ успѣхѣ не ему, а прямо императрицѣ и лишилъ его возможности на-

писать высокопарное и по обыкновенію туманное донесеніе въ Петербургъ. Впослѣдствіи Екатерина наградила Цыплетева большими землями въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ. Но за Пугачевымъ все таки шелъ по пятамъ Михельсонъ, который 25 августа въ 10 верстахъ отъ Царицына (близь Сальникова завода) нанесъ самозванцу послѣднее рѣшительное пораженіе. Достаточно было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы разстроить толпу. Бросивъ артиллерію и обозъ, пугачевцы бѣжали въ разныя стороны. Михельсонъ захватилъ 24 орудія[1] и освободилъ 41 дворянъ и 14 дворянскихъ дѣвицъ; убитыхъ было до 2,000 чел. а 8,000 взято въ плѣнъ. На долю донскихъ казаковъ, бывшихъ въ сраженіи, досталось 18 пуд. серебряной посуды, много денегъ, лисьихъ мѣховъ, суконъ, парчевыхъ и шелковыхъ матерій, 527 лошадей, 64 вола, и еще болѣе досталось на долю солдатъ.[2] Солдаты, передавшіеся на сторону Пугачева, были приговорены: нѣсколько человѣкъ къ повѣшенію по жеребью, и остальные къ наказанію шпицрутенами (всего 308 чел. Анучинъ, 1869, № 4, Р. В.). Сбѣжавшихся изъ лагеря Пугачева въ Царицынъ цѣлыми толпами (въ 100 и 200 чел.) отправляли на канатахъ въ другіе го-

---

1) Пушки эти были разныхъ калибровъ: временъ Мих. Ѳед. и Анны Иван, съ шведскими гербами и т. п. Полит. движ. Мордовц. I, 204–205.
2) Половамъ Руничи Михельсону досталось 50 пушекъ и снарядовъ, 600 подводъ съ припасами и всякимъ имуществомъ

рода. Многіе изъ нихъ умерли на пути, но и съ ихъ родственниковъ и съ мѣстныхъ начальствъ взыскивали путевыя и канатныя деньги (Мордовц. Самозв. I, 198)[1].

Современники нѣмцы гордились тѣмъ, что Россія спасена была нѣмцами (Мордовц. Полит. движ. I, 295). Говорятъ, что Суворовъ, узнавъ объ этомъ пораженіи, замѣтилъ: „Помилуй Богъ! это все Михельсоны; отчего-же не Михайловы? Мурель, Меллинъ... Они поймаютъ Емельку; а когда ему назвали нѣсколько русскихъ фамилій изъ неудачно бившихся съ Пугачевымъ, онъ воскликнулъ: „Помилуй Богъ. они упустятъ Емельку." (ib. 364).

Въ этихъ словахъ, быть можетъ, выразилась негодованіе запоздавшаго бойца; а быть можетъ ирония надъ случайно взятыми фактами.

Какъ бы то ни было, но Михельсонъ дѣйствительно нанесъ послѣднее пораженіе Пугачеву, которое ж. желалъ ему Панинъ; но этимъ не окончилась еще пугачевщина.

Дѣятельность Панина по усмиренію мятежа. Вступая въ предѣлы края, ввѣреннаго его власти, Панинъ признавалъ въ письмѣ къ кн. Голицыну, что дѣла въ немъ находятся въ „самомъ предосудительномъ состояніи. Приближаясь къ Саранску, пугачевскіе выбѣга сами распадались

и 23,000 плѣнныхъ, 119–120. Такими средствами располагалъ самозванецъ

1.) На пути изъ Царицына къ Сарептѣ Пугачевъ вѣшалъ академика Ловица, участвовавшаго въ ученой экспедиціи, и повѣсилъ его. Полит. движ. I, 171, ср. Зап. Библ., 123; Учен. Зап. Ак. Н. VII, 68.

ся на отдѣльные отряды, которые разсыпались въ разныя стороны. Во главѣ одного изъ нихъ особенно сталъ извѣстенъ своими набѣгами пугачевскій полк. Ив. Ивановъ (крестьянинъ с. Каменки), дѣйствовавшій въ окрестностяхъ Пензы; другими начальствовалъ Саврасовъ (Полит. движ. I, 297), Каменскій (379-80) и м. др. Появились и новые самозванцы. Такъ въ Инсарѣ объявилъ себя императоромъ Петромъ III попѣщичій крестьянинъ Петръ Евстафьевъ. До 80 чел. инвалидной команды, напоившейся допьяна, сдѣлались жертвой черни. Затѣмъ этому самозванцу удалось завладѣть г. Троицкъ, разграбить его и умертвить воеводу, его товарища и управителя дворцовыхъ вотчинъ. Въ Наровчатѣ сами жители, вооруженные дубинами, убили воеводу. При нападеніи банды мятежниковъ на Керенскъ оказалось что начальникъ ея говорилъ по польски. Краснослободскъ и Темниковъ были также захвачены; Арзамасу угрожала опасность (Рус. Вѣстн. 1869, № 5, 138-42). Жители Нижняго Ломова вышли навстрѣчу Пугачевскому отряду, съ которымъ также былъ одинъ изъ самозванцевъ (Ивановъ), а архим. Исаакій съ своею братіею пѣлъ молебенъ за здоровье императора Петра III. По взятіи города (причемъ измѣнилъ товарищъ воеводы), пугачевцы разграбили его до конца (Опис. въ Зап. Лукина, бывшаго здѣсь воеводою, Рус. Арх. 1865). Въ Лицкомъ городкѣ священниковъ перешли на сторону Пугачева и поминали въ церкви Петра III и его жену Цетинью (Рус. Стар. 1870, II, 408). Здѣсь вѣра

В. Иванчиковъ

въ самозванца нашла себѣ поддержку въ сибири: распространился слухъ въ народѣ о плачущемъ образѣ Спасителя, къ которому стала стекаться толпа, пока виновница не поплатилась наказаніемъ и образъ былъ отобранъ (Рус. Стар. 1870, II, 408, ср. Памят. нов. рус. исторіи II, 94). Между тѣмъ графъ Панинъ, вступившій въ должность главнокомандующаго за нѣсколько недѣль до послѣдняго пораженія Пугачева, въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ и даже не могъ руководить ими, по отдаленности театра войны. Распоряженія же гр. Панина о преслѣдованіи пугачевцевъ, оставшихся въ тылу Пугачева и за Волгой и дѣйствовавшихъ даже послѣ взятія самозванца, не важны.[1] Панинъ предпочелъ другого рода дѣятельность — приведеніе въ порядокъ взволнованнаго края, частью посредствомъ репрессивныхъ мѣръ, передъ которыми онъ не любилъ останавливаться, частью посредствомъ административныхъ распоряженій, которыя вызывались новымъ бичемъ — голодомъ, появившимся вслѣдствіе отвлеченія значительнаго числа рукъ въ возстаніе, плохого урожая,

---

1. Тогда опасались возмущенія въ Рязани и кн. Волконскій сдѣлалъ распоряженіе на случай (Сборн. XVII 17-18). Появленіе шаекъ разбойниковъ даже въ такихъ отдаленныхъ уѣздахъ кн. Вологодскій, долго спустя послѣ Пугачева (въ 1780 г.), приводило страхъ на администрацію. Замѣчательно также, что разбойники грозили сбросить тоже, что и Пугачевъ (Сборн. XVII, 101-105).

уничтоженія старыхъ запасовъ и несвоевременной уборки хлѣба во время затѣяла (Рус. Вѣстн. 1б. №3, стр. 8).

Войска, находившіяся съ Паниным въ Москвѣ, шли на Коломну, Рязань, Шацкъ. Онъ все еще боялся пропустить Пугачева къ Москвѣ, а между тѣмъ на пути до него доходили извѣстія объ измѣнѣ нѣкоторыхъ регулярныхъ частей войскъ (артил. въ Саратовѣ, въ Новохаперской крѣп.) Страшныя расправы Пугачевцевъ и эти измѣны вызвали извѣстныя нами крайне жестокія мѣры. Панинъ доносилъ, что онъ „съ радостью приметъ на себя пролитіе проклятой крови такихъ государственныхъ злодѣевъ, на себя и чадъ своихъ" (Сборн. VI, 117). Въ дѣйствіяхъ Панина не разъ проявляются и др. черты, свойственныя его характеру. То онъ за сопротивленіе пугачевцамъ (въ Керенскѣ) награждаетъ всѣхъ служащихъ чинами, а простолюдиновъ по 1р. денегъ, то выражаетъ гнѣвъ Цыплетеву за грубое донесеніе императрицѣ; то заставляетъ повинившихся крестьянъ (въ Пензен. уѣздѣ вотчины кн. Голицыной) поставить въ наказаніе около своихъ деревень по висѣлицѣ, гаголю и колесу. Но шайки крестьянъ были такъ многочисленны, что держали въ страхѣ города и не боялись вступить въ борьбу съ войсками. Симбирскій конно-полк. Рычковъ (сынъ академика) поплатился жизнью подъ Корсуномъ. Въ самыхъ наказаніяхъ виновныхъ видно было желаніе поддержать авторитетъ помѣщичьей власти. Такъ нижегородскій губерна-

торъ, Ступишинъ, посылая Аргарова наказать крестьянъ, приказалъ ему дѣлать это по желанію ихъ господъ.

Чтобы очистить занятыя пугачевскими отрядами города, Панинъ долженъ былъ посылать туда свои отдѣльные отряды. По поводу частыхъ измѣнъ духовенства онъ замѣчаетъ, что во всей той странѣ „чинъ церковный погруженъ въ самой высшей невѣжествѣ и грубіянствѣ" и рѣдко кто изъ нихъ встрѣтится съ „настоящимъ чувствомъ добродѣтели." Прибывъ въ Н. Ломовъ, онъ распорядился по всѣмъ выѣздамъ изъ города поставить висѣлицы, колеса и глаголи „на которыхъ долгое время значились несчастныя тѣла", говоритъ Лукинъ. Тѣхъ-же, кто оставался вѣренъ правительству, онъ вознаграждалъ по 1,000 и 2,000 руб. (ib), но не всегда справедливо[1].

Самозванецъ Тосякинъ и поимка Пугачева. Въ числѣ самозванцевъ обращаетъ на себя вниманіе нѣкто Іовъ Тосякинъ, крестьянинъ села Кирсанова Тамбовской провинціи. Явившись въ одну изъ деревень на Волгѣ, онъ показалъ на разные знаки на тѣлѣ въ подтвержденіе того, что онъ императоръ Петръ III. Важнымъ подтвержденіемъ его высокаго проис-

1.) Подъ Н. Ломовымъ Древищъ нанесъ пораженіе шайкѣ Ив. Иванова (12 сент. 1774 г.) причемъ палъ самъ Ивановъ и болѣе 1,000 чел. изъ его отряда. Сборн. VI, 130.

хожденія служило также то, что онъ не приказывалъ выливать на полъ воду, которою умывался, а заставлялъ присутствовавшихъ пить ее, всѣхъ приходившихъ благословлялъ по священнически и разсказывалъ разныя небылицы про великаго кн. Павла Петровича. Пользуясь этимъ, онъ собралъ много денегъ. Вскорѣ однако его арестовали и отправили въ Тамбовъ. Панинъ кофирмовалъ четвертовать его въ Воронежѣ (къ губ. котораго принадлежалъ Тамбовъ). Екатерина осталась недовольна такимъ рѣшеніемъ и уменьшила наказаніе, но ея указъ не засталъ уже Мосякина. Ему отсѣкли руки, ноги и голову, которыя и были воткнуты на колья въ его селеніи. Не смотря на торжественную встрѣчу, устроенную Панину въ Пензѣ, онъ предалъ жестокимъ казнямъ множество виновныхъ, послѣ чего весь народъ палъ передъ нимъ на землю и со слезами на глазахъ уколялъ о пощадѣ. Виновныхъ изъ духовенства онъ отдавалъ въ солдаты, а негодныхъ въ крестьяне; потерпѣвшимъ-же дворянамъ и жителямъ Пензы онъ раздавалъ щедрые пособія. Екатерина назначила нуждающимся до 3,000 р. Въ Пензѣ Панинъ получилъ извѣстіе о поимкѣ Пугачева, которое сообщилъ ему кн. Голицынъ, начальствовавшій войсками на лѣвомъ берегу Волги. Екатерина привѣтствовала этотъ актъ какъ „окончаніе суровостей и безчеловѣчій, которыя отсылали насъ въ мнѣніи всей Европы къ варварскимъ временамъ отъ 200—300 лѣтъ назадъ". Послѣ

этого Панинъ отправился въ Симбирскъ, куда и былъ привезенъ Пугачевъ (Рус. Вѣстн. 1869, №5, 142–156).

Участіе Суворова въ прекращеніи пугачевщины. Въ связи съ этимъ фактомъ стоитъ участіе въ усмиреніи пугачевщины извѣстнаго Суворова; наканунѣ назначенія Панина, императрица послала указъ фельдмаршалу Румянцеву (28 іюля) „наискорѣе" отправить въ Москву генер. поруч. Суворова, въ распоряженіе кн. Волконскаго, а 17 августа назначила его къ Панину[1] 2 сентября онъ былъ въ Царицынѣ, куда прибылъ также Мансуровъ, Михельсонъ и Галаховъ. Всѣ передовыя войска на правой сторонѣ Волги были подчинены Панинымъ Суворову. Было извѣстно, что Пугачевъ переправился за Волгу съ 50 чел., захвативъ жену и сына. Онъ совсѣмъ упалъ духомъ и хотѣлъ пробраться въ степи. Одни звали его на Каспійское море, другіе въ Сибирь, а нѣкоторые даже назадъ на Волгу, предпочитая отдаться въ руки правительства, нежели умереть голодною смертью. Въ низовьяхъ Волги наблюденіе было поручено гр. Меллину, который послалъ Муфеля къ Черному яру, а калмыцкій кн. Дундуковъ сто-

---

1/. Поѣздка его изъ Ясъ до деревни Ухолова (къ Панину 25 авг.) между Рязанскомъ и Свіяжскомъ (1,678 верстъ) сдѣлана была въ теченіи 9 дней или по 187 верстъ въ сутки. Участіе Суворова въ усмиреніи пугачевщ., 13. Екатерина велѣла выдать ему тогда же 2,000 червонцевъ, 13

ялъ еще ниже, наблюдая вплоть до Селитрянного горбка. Въ Камышинѣ находился генер. поруч. Мелгуновъ; у Саратова — Державинъ. Голицынъ шелъ отъ Вязрани къ Яику. Такимъ образомъ вся Волга была опоясана рядомъ отрядовъ, а три команды направились въ степи. Суворовъ рвался и самъ идти туда, но Трифоновъ, вмѣсто содѣйствія поимкѣ Пугачева, сталъ путать его отрядъ, предлагая, что онъ самъ доставитъ послѣдняго. Галаховъ отпустилъ его, выдавъ однако ему 3,100 р. Узнавъ (9 сентября) о пораженіи тысячнаго отряда инородцевъ на р. Большой — Кинаманѣ, нанесенномъ Державинымъ (30 авг.), Суворовъ, соединившись съ гр. Мелгуновымъ пошелъ по Узени. Кн. Голицынъ въ тотъ же день стоялъ уже на р. Б. Иргизѣ. Въ это время было у Пугачева всего 164 казака (Допросы, 35). Перфильевъ, ни за что не желавшій уже отдаваться въ руки правительства, неожиданно скрылся. Голицынъ и Суворовъ разослали нѣсколько человѣкъ на поиски за Пугачевымъ, которые и выслѣдили мѣсто его пребыванія, на берегу р. Большаго Узеня, гдѣ еще (въ Александровомъ Гаѣ) въ 1860 г. старики показывали слѣды землянки, въ которой жилъ

---

1) Въ авг. 1774 г. П. С. Потемкинъ объявилъ за голову Пугачева уже 25,000 р. и болѣе (Соч. Державина V, 164). Теперь приходилось назначить до 30,000 р. золотою монетою на чрезвычайныя нужды и до 100,000 р. на раздачу нуждающимся и приведеніе края въ порядокъ. Сборн. VI, 133, 157, 154.

Пугачевъ (А. Леопольдовъ, Истор. Зап. о Самарскомъ краѣ, М. Мін. воен. дѣлъ, т. XLII, 1860 г. кн. 6). Наскучивъ своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ, казаки, бывшіе съ Пугачевымъ, пользуясь отсутствіемъ Григіа, захватили его (14 сентября), повезли къ Яицкому городку и въ тотъ же день захватилъ на пути Перфильева съ отрядомъ казаковъ полковникъ Рычковъ (Рунич, 135). 15 сентября, забитый въ колодку, Пугачевъ былъ доставленъ въ Яицкій городокъ, а 16 сюда привели 116 яицкихъ казаковъ, сопровождавшихъ Пугачева и въ этотъ-же день прибылъ сюда Суворовъ, сдѣлавъ въ теченіи 9 дней 600 верстъ, а 17 здѣсь былъ и кн. Голицынъ. Суворовъ доставилъ Пугачева въ Симбирскъ, 1 октября, клѣтью съ женою и сыномъ. Его везли въ особенной двухколесной телѣгѣ, сдѣланной на подобіе клѣтки, куда онъ былъ посаженъ, по рукамъ и по ногамъ скованный (Рычковъ)[2]. Нѣкоторые хотѣли приписать въ

---

1. При бѣгствѣ Пугачева у него было отобрано 139 червонцевъ, 480 р. сер. и медаль на погребеніе императора Петра III. Пуг. Стар. II, 413. Слѣд. указаніе г. Мордовцева о 4 червонцахъ невѣрны. Обыкновенно Пугачевцы забирали съ собою лучшихъ заводскихъ лошадей и молодыхъ людей, а иногда даже у частныхъ лицъ отбивали до 100,000 р. (интересный разсказъ Рунича объ этомъ стр. 105 см. 104, 106, 110) Его встрѣчали обѣдами, банями и „прочими удовольствіями" (ib. 105) Въ Пензѣ Пугачевъ захватилъ 200,000 р. (Соч. Державина V, 161).
2. Державинъ (155) говоритъ пряновъ „клѣтки".

въ Петербургъ все это дѣлу Суворову, но онъ имѣлъ и противниковъ. По этому поводу Екатерина писала Потемкину: „Павелъ правъ, Суворовъ болѣе чуть участія не имѣлъ и пріѣхалъ по окончаніи дѣлъ и поимкѣ злодѣя" (Лебедевъ, 99)[1]. Самъ Панинъ не принималъ никакого участія въ направленіи войскъ, гонявшихся за Пугачевымъ, и поимка послѣдняго состоялась помимо его, но онъ чрезвычайно хвалился тѣмъ, что Пугачевъ находится въ его рукахъ и любилъ показывать своего плѣнника всѣмъ пріѣзжающимъ (Державинъ). П. С. Потемкинъ старался разсѣять передъ императрицею слухъ объ участіи Суворова въ поимкѣ и представить въ смѣшномъ видѣ благодарность Суворова за похвалы ему Панина: „Господинъ Суворовъ, говоритъ онъ не устыдился при всѣхъ зрителяхъ цѣловать шесть разъ въ руки и въ полы одобрителя." (Рус. Стар. II, 410 и Зап. Руничa, ib. 357).

Допросы Пугачева. Допросы съ Пугачева были сняты сначала въ Яицкомъ городкѣ (Мавринымъ), а потомъ въ Симбирскѣ (Потемкинымъ. Они напечатаны въ Чт. М. О. И. 1858, III). Изъ этихъ допросовъ выяснилось, что Пугачеву вовсе не былъ извѣстенъ Трифоновъ, а это былъ тотъ же Иванъ Ивановъ, ржевскій купецъ, иначе Долгополовъ (Ср. Руничъ, 88, 112, 115, 128–129)[2], звавшій Пугачева идти на Москву, сносившій-

1. Суворовъ принялъ Пугачева, но не взялъ его (Руничъ, 145).
2. Трифоновъ былъ обанкротившійся откупщикъ 161–162. О

ся съ такошними раскольниками и, быть можетъ, вторично явившійся агентомъ отъ Перфильева по собственной инициативѣ, чтобы получить значительную сумму денегъ, но, не получивъ ее, онъ не считалъ уже нужнымъ подвергать себя опасности при поимкѣ Пугачева. Въ сентенціи вовсе не говорится объ участіи въ этомъ Перфильева.

Послѣ этого Суворовъ уѣздилъ жениться въ Москву (на дочери генер. аншефа И. А. Прозоровскаго, княж. Варв. Ив.), а отуда былъ назначенъ въ Бейлкирію, гдѣ продолжала еще разбойничать шайка Салавата и его отца Юлая. Вскорѣ оба они были пойманы (Сборн. VI, 195. Рус. Вѣстн. 1868, № 11.).

Пугачевъ передъ Паниным. Въ Симбирскѣ Пугачевъ былъ представленъ Панину. Тщеславный по натурѣ, гордый въ сознаніи своей власти и не привыкшій стѣсняться въ обращеніи, Панинъ задалъ Пугачеву нѣсколько неудачныхъ вопросовъ, на которые самозванецъ отвѣчалъ смѣло и дерзко.

„Какъ смѣлъ ты воръ называться государемъ?" спросилъ онъ самозванца. „Я не воронъ, возразилъ Пугачевъ, играя словами, я вороненокъ, а воронъ еще летаетъ". „Какъ же смѣлъ ты воевать противъ меня?" „Что дѣлать, ваше сіятельство, когда уже воевалъ противъ государыни", опять съострилъ Пугачевъ.

По словамъ Державина, передающаго эту сцену, Панинъ не вытерпѣлъ и вырвалъ у него нѣско-

---

линости его, 174, Рунич, 87–93.

лько волосъ изъ бороды (Зап. Держав. 574).

Рычковъ говоритъ, что Пугачевъ, предъ всѣмъ народомъ получилъ отъ собственныхъ рукъ его сіятельства нѣсколько пощечинъ и ударовъ (Пушкинъ, прилож.). Рунич отвергаетъ это (148). Но объ этомъ говоритъ самъ Панинъ, въ своемъ письмѣ къ князю Волконскому: „Онъ уже сегодня дошелъ до моихъ рукъ и въ моихъ покояхъ предъ всѣмъ собраніемъ велегласно признавался и каялся въ своемъ злодѣяніи, отвѣдавъ тутъ отъ моей распалившейся крови на его произведенныя злодѣянія нѣсколько моихъ пощечинъ, отъ которыхъ изъ своего гордаго виду тотчасъ низвергся въ порабощеніе" (Москвитянинъ, 1841, № 2, 482; Державинъ, V, 515).

Продолженіе допросовъ Пугачева. - Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ, былъ одѣтъ въ простое платье, на содержаніе его отпускалось по 15 к. въ день, а его женѣ и сыну по 10 к. (Гротъ, 101-102). Въ это время ему было 32 г., но ему казалось подъ 40 л. (Державинъ, 576). Между тѣмъ императрица дважды напоминала Панину, чтобы суровая казнь никоимѣ мѣста не имѣла, а прочія никоимѣ, кромѣ крайности употреблены не были, она не разъ удерживала его отъ напрасной жестокости (Сборн. V, 120, 129, 180). Потомъ она ограничила его полномочіе указомъ 1774 г. (204). Она запретила употреблять пристрастные допросы (XVIII вѣкъ, I, 129), тѣмъ не менѣе, когда Пугачевъ долго не хотѣлъ давать отвѣтовъ, то Потемкинъ потребовалъ его къ себѣ и пригрозилъ, что вы-

нудить у него показанія силою (Руничь, 157, 174).[1] Потемкинъ въ особенности добивался узнать не подкупленъ-ли онъ былъ какими нибудь иностранцами или особенно кѣмъ изъ Петербурга и Москвы, но самозванецъ отвергъ эту связь.[2] Впрочемъ Руничь говоритъ, что Пугачевъ передалъ Потемкину на единѣ какія то тайны, а затѣмъ обѣщалъ открыть и другія тайныя дѣла лично императрицѣ. (Руничь 157–155), но изъ словъ Екатерины видно, что ей были извѣстны только тѣ данныя, какія вошли въ допросъ и она высказывала сожалѣніе Панину, что все еще начало выдумки сей остается закрыто и она ожидала другихъ подробностей отъ поимки яицкихъ старцевъ (Сборн. VI, 179–180. Ср. соч. Державина V, 232, 250, 293). Но быть можетъ правъ Руничь, допуская мысль, что Потемкинъ могъ не все сообщить императрицѣ (152). Послѣ этихъ допросовъ Пугачевъ сильно палъ духомъ и выказывалъ только надежду на милость импер-цы (Руничь, 153; Держ. Запіс)

1/ Впрочемъ Потемкинъ въ своемъ докладѣ самъ говоритъ, что для того, чтобы открыть тайну „учинено было ему малое наказаніе и по доводамъ тѣмъ убѣжденъ былъ злодѣй и открылся противъ вопросительныхъ пунктовъ“..... Чтен. Московскаго общества истор. 1858, II, Допросы Пугачева стр. 39.

2/. Правительство интересовалось знать источникъ смуты; допытывались также — цѣловали-ли руки самозв. и назывался-ли онъ царемъ. Насѣдавл. секрет. ком. и др. Чт. М.О.И. 1860, II, 33, 57, 68, 91; 1864, кн. II

Пугачевъ въ Москвѣ. Вообще по этому дѣлу была привлечена масса виновныхъ. Въ Оренбургѣ содержалось до 700 заключенныхъ (Чтен. 1860, II, 70). Пугачевъ и его семейство были отправлены въ Москву, въ сопровожденіи сильнаго эскорта и въ виду войска, разставленнаго на всемъ пути. Туда же были отвезены и главные его сообщники. Пугачевъ оговорил 21 чел., въ числѣ которыхъ былъ поруч. Гриневъ (былъ оправданъ), подпоруч. Ивановичъ и Минеевъ, одинъ подъячій, а остальные 17 были купцы, крестьяне и казаки. Производство разслѣдованія въ Москвѣ было возложено на кн. Волконскаго, Потемкина и знаменитаго слѣдователя екатерининскаго царствія по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ Шешковскаго (о немъ въ Рус. Арх. и Рус. Стар.). При всемъ томъ настроеніе народа въ Москвѣ было такое, что правительство одно время боялось, чтобы Пугачевъ не надѣлалъ въ ней какой ни на есть пакости (XVIII вѣкъ, I). Вѣра въ могущество Пугачева, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и его подлинность, какъ императора, была все еще сильна. Поэтому Панинъ спѣшилъ сдѣлать (25 сент.) подробное объявленіе о поимкѣ Пугачева и сжечь его портретъ, на которомъ онъ былъ представленъ въ оковахъ, публично на площади въ Казани (причемъ присутствовали вторая жена Пугачева и главнѣйшіе изъ его сподвижниковъ, содержавшіеся тамъ), а также и и въ др. городахъ (Сборн. VI, 188—189). Москва была избрана мѣстомъ для суда и казни надъ нимъ. Волконскій хотѣлъ даже сдѣлать

торжественный ему въѣздъ въ столицу; но изъ Петербурга велѣно было привезти его безъ всякой дальной аффектаціи и уваженія къ злодѣю и измѣннику. 4 ноября 1774г., когда его доставили сюда, весь городъ былъ запруженъ народомъ. Въ Московской тюрьмѣ, какъ и въ Симбирскѣ, онъ былъ прикованъ къ стѣнѣ. Пугачевъ во всемъ повинился и приписывалъ свой умыселъ вліянію другихъ. Жена его оказалась вовсе непричастною къ его проступкамъ. Волконскій о всѣхъ ихъ отзывался, какъ о скверныхъ мужикахъ самой подлой породы. 19 декабря былъ объявленъ манифестъ о преступленіяхъ казака Пугачева. Слѣдственное-же дѣло было отвезено Потемкинымъ въ Петербургъ.

Казнь Пугачева и его соучастниковъ.

Въ судѣ надъ Пугачевымъ, назначенномъ также въ Москвѣ, принимали участіе члены сената, синода, чины первыхъ трехъ классовъ и президенты всѣхъ коллегій (28 чел. всего). Генер. прокур. Вяземскій также присутствовалъ. И во время слѣдствія и теперь императрица писала кн. Волконскому: „удержаться отъ всякаго рода пристрастныхъ распросовъ, всегда затемняющихъ истину." Она совѣтовала всѣмъ внушить умѣренность, какъ въ числѣ такъ и въ казни преступниковъ. „Противное человѣколюбію моему прибавляла она, прискорбно будетъ. Не должно быть мстителями потому что съ варварами дѣло имѣемъ (XVIII вѣкъ, I, 129, 130)"(!)

9 Января 1775г. состоялось сентенція суда. Члены синода (4 чел.) сдѣлали обычную оговорку. Пугачевъ и Перфильевъ были приговорены къ четвертованію; Чика — къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Подуровъ (вопреки праву депутата)[1] и Тарновъ къ повѣшенію; 18 чел. къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжную работу; 2 — высѣчь кнутомъ; 1 — плетьми; Шванвичъ, по ходатайству гр. Орлова, лишенъ дворянства и чиновъ; 1 — лишенъ чиновъ (Юматовъ) и 1 — лишенъ депутатскаго званія (Горскій). Казаки (9 чел.), выдавшіе Пугачева, были прощены. Лица, съ которыми имѣли отношенія Пугачевъ (купецъ П. Кожевниковъ, Качаловъ, малорос. Коровка, нѣкоторые донскіе казаки и раскольники) признаны невинными (Приговоръ въ Чт. М. О. И. 1860, II). Обѣ жены Пугачева и его дѣти, какъ не принимавшія участія въ его замыслахъ, были освобождены отъ наказанія, причемъ сенату было предоставлено назначить имъ мѣсто пребыванія (П. С. З. 14, 233. Рунич, 162). Жена (2-ая) и малолѣтній сынъ его были отправлены въ Соловки (Чт. Зап. Ак. Н. VII, 168). Казаки же, содѣйствовавшіе выдачѣ Пугачева (до 25 чел.), были поселены въ разныхъ мѣстахъ Лифляндской и

1./ Манифестъ объ усмиреніи бунта въ П. С. З. XIX, 14, 230. Ср. XX, 14, 233. Пушкинъ, прилож. 105. Собственноруч. черн. маниф. Екат. въ Сборн. XXVII, 8-14.
2./ Вѣрнее замѣч. Пушкина. Соч. VI прил. стр. IV. Разница въ наказаніяхъ между дворянами личными и родовыми въ IV

Эстляндской губ., вдали отъ своихъ семействъ, оставшихся на родинѣ, и объ нихъ происходила обширная переписка до начала XIX в., когда оставшіеся еще въ живыхъ не пожелали уже возвращаться на родину (XVIII вѣкъ, I, 367–87).

10 Января 1775 г., въ Москвѣ, на Болотѣ, была совершена казнь. Передъ совершеніемъ ея Пугачевъ просилъ у народа прощенія. Послѣ отсѣченія головы у Пугачева и Перфильева — они были четвертованы, члены-же нѣсколько дней были выставлены около московской заставы и наконецъ тѣла ихъ сожжены, а пепелъ разсѣянъ палачами. Въ тогдашнихъ газетахъ (иностранныхъ) писали, что палачъ по ошибкѣ совершилъ отсѣченіе головы прежде четвертованія.[1] Другіе приговоренные были тутъ же повѣшены (опис. очевидца Болотова, зап. III, 486, 492; письмо изъ Москвы въ Утрех. газету 1775 г. № 18, 3 марта; Чт. М. О. И. 1860, II, 81; Ср. Ану—

1.) Потому Белькe спрашивала Екатерину и выражала мнѣніе, что ф. было сдѣлано не по ошибкѣ, а повелѣ императрицы, на что послѣдняя отвѣчала: „Сказать вамъ правду, вы вѣрно отгадали относительно промаха палача, при казни Пугачева; я думаю, что генер. прокур. и оберъ-полицеймейстеръ помогли случиться этому промаху, потому, что, когда первый изъ нихъ съѣзжалъ изъ Петербурга, для производства суда, я сказала ему шутя: „никогда больше не попадайтесь мнѣ на глаза, если вы допустите малѣйшее мнѣніе, что заставили кого-бы то ни было трепетать мученія и я вижу, что онъ принялъ это къ свѣдѣнію“. Сборн. XXVII. 32.

чинъ, Р. В. 1869, №5, стр. 164–65; сборн. XIX, донес. Чумикова, 447; записка Дмитріева, 27–30 и у Пушкина, 173–174; разсказъ Р. Арх. 1877, II, 234. Замѣтка о судьбѣ женъ и ближайшихъ къ Пугачеву лицахъ, Рунич, 162–65].

Впечатлѣніе произведенное на общество приговоромъ надъ Пугачевымъ. Казнь Пугачева совершена была въ присутствіи многочисленнаго дворянства и какъ Пугачевъ, замѣчаетъ Болотовъ, „наиболѣе противъ нихъ возставалъ, то и можно было происшествіе и зрѣлище тогдашнее назвать истиннымъ торжествомъ дворянства надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ." (488). Такъ смотритъ на это событіе лучшій изъ тогдашнихъ сельскихъ хозяевъ и болѣе цѣнѣренный изъ помѣщиковъ. Не болѣе за тѣмъ же онъ разсказываетъ о своемъ столкновеніи съ крестьянами по поводу оброка, который тѣ просили уменьшить, ссылаясь на то, что у другихъ крестьяне платятъ вмѣсто 6 р. 4 р. и менѣе того, причемъ сцена, описанная имъ показываетъ, что отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ мало измѣнилась (ib. 492–496). Въ другой разъ тотъ-же Болотовъ вспомнилъ угрозы одного крестьянина расправиться съ дворянами по своему, прибрался къ его упущенію по хозяйству, припомнилъ ему эту угрозу и наказалъ его вторе (ib 441). Между тѣмъ вскорѣ послѣ поимки Пугачева, Панинъ, по словамъ Рунича,

говорилъ въ Симбирскѣ трогательную рѣчь къ дворянству на счетъ поведенія живущихъ въ деревняхъ дворянъ (149), которая должна была привести послѣднихъ къ совсѣмъ инымъ выводамъ. Мы знаемъ уже мнѣніе Панина о необходимости ограничить власть помѣщиковъ, представленное имъ еще въ началѣ царствованія Екатерины II, а потому можемъ догадываться, въ какомъ смыслѣ онъ обращался теперь къ дворянству.

Лекція 42

Мѣры для успокоенія края, объятаго мятежемъ. Всѣ деревни и селенія, принимавшія участіе въ бунтѣ, были обставлены висѣлицами, глаголями и колесами для внушенія страха. Такія селенія исключались изъ-подъ дѣйствія милостивыхъ указовъ Елисаветы (1743 г. и 1754 г. — о замѣнѣ натуральной смерти политическою, на основаніи которой виновнаго въ уголовномъ преступленіи, по объявленіи смертнаго приговора, клали на плахуѣ съ кнутомъ и ссылали въ каторжную работу) и Екатерины о прекращеніи смертной казни, а жители этихъ мѣстностей податнаго состоянія за участіе въ пугачевскомъ и др. бунтахъ, подлежали смертной казни, которую могли опредѣлить мѣстныя учрежденія, пользовавшіяся этимъ правомъ прежде. Распоряженіе это распространялось

на весь районъ Нижегородской, Воронежской, Казанской, Сибирской и Оренбургской губ. (30 окт.) и дѣйствовала по 16 февраля 1775 г., когда было отмѣнено императрицею, а Панину предоставлено было присуждать виновныхъ къ наказанію по закону 1754 г. (Сборн. VI 207). Точно также поступалъ Панинъ въ предѣлахъ Башкиріи, куда былъ посланъ Суворовъ. Панинъ грозилъ при этомъ всѣхъ виновныхъ мужскаго пола подвергнуть жестокимъ наказаніямъ, а женъ и дѣтей и земли ихъ, всѣ безъ изъятія, отдать въ рабство и владѣніе русскихъ.

Число потерпѣвшихъ во время бунта. 22 октября и 19 ноября онъ извѣщалъ уже о совершенномъ спокойствіи въ краѣ и прекращеніи возмущенія въ Башкиріи. Въ это время пойманы были послѣдніе разбойники атаманы — Фирсъ Ивановъ (помѣщ. крестьянинъ Симбирскаго уѣзда), братья Иванъ и Алексѣй Ивановы,[1] нападавшіе на Пензу, и башкиринъ Салаватъ. Войсками Панина было разбито 62 банды, убито до 10,000 мятежниковъ, взято въ плѣнъ 20,000 чел.; освобождено изъ ихъ власти дворянъ, дворянскихъ женъ и дѣвицъ и другихъ званій людей — 1280. Пушекъ взято 64, единороговъ 4, мортиръ 4. Мятежниками было убито: дворянъ, ихъ женъ и дѣтей 1572 ч., духовныхъ лицъ — 237, другихъ званій — 1,037, а

1.) Вмѣстѣ съ ними упоминается и арабъ — это былъ бѣглый одного помѣщика, черный калмыкъ. Сборн. VI, 190.

всего 2,824; разорены: 14 монастырей и 63 церкви (Сборникъ VI; Гротъ, III).

Образъ жизни Панина. Дворянство провозгласило Панина „честью, славою и украшеніемъ россійскаго дворянства и животодателемъ своихъ собратій". Въ Симбирскѣ онъ завелъ „свой дворъ и давалъ торжественныя аудіенціи". Здѣсь нынѣ такое любство писалъ Рычковъ, что каждодневно вижу маленькую Москву. И обѣдаетъ у его сіятельства человѣкъ до 60 и болѣе. Здѣсь искали покровительства и милостей. Въ своихъ бесѣдахъ Панинъ обыкновенно избиралъ предметомъ разговора собственные подвиги, 7-мѣ лѣтнюю и турецкую войну, особенно взятіе Бендеръ[1], а также о своихъ заслугахъ въ Пугачевщину. Державинъ примѣтилъ въ немъ сильное любочестіе и непомѣрное тщеславіе, хотя и называетъ его честнымъ и любезнымъ начальникомъ. На аудіенціяхъ онъ держалъ себя сатрапомъ. Передъ публикою онъ появлялся въ сѣроватомъ, атласномъ, широкомъ шлафрокѣ и въ франц. большомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами. Изрѣдка онъ посѣщалъ другіе города, ѣздилъ на охоту, принималъ у себя гостей или проводилъ время за картами (Зап. Держав. 575—578).

Наказанія виновныхъ. Успѣхъ Самозванца обусловливался большими мѣстами тогдаш-

---

1) На его дачѣ близъ Петровскаго—Разумовскаго было устроено укрѣпленіе на подобіе Бендерской крѣпости. Р. Арх. 1876, III.

няго состоянія имперіи. На первомъ планѣ здѣсь стояло крѣпостное право, которое выступило уже всею силою во второй періодъ пугачевщины, но которое дало главной контингентъ его войску.[1] Всѣ начальники отрядовъ: Меллинъ, Михельсонъ Державинъ старались выполнить суровую программу Панина.[2] Сами помѣщики, получивъ снова силу, хлопотали о наказаніи виновныхъ и даже о смертной казни надъ ними (См. довѣрен. С. Нестерова въ Р. Арх. 1868г. и 1869г. XVIII в. IV, 96). Особенною ревностію въ исполненіи порученій отличался Державинъ. Тк. въ одной изъ деревень, подъ прикрытіемъ пушекъ, онъ велѣлъ повѣсить главныхъ виновниковъ и подвергнуть тѣлесному наказанію 200 чел., но И. И. Дмитріевъ выражался потомъ, что Державинъ повѣсилъ этихъ двухъ мужиковъ болѣе изъ поэтическаго любопытства, нежели изъ настоящей необходимости (Соч. Державина VI, 505–506). Благодаря такому образу дѣйствій, голова его была оцѣнена пугачевцами въ 1000 р. (ib. 500), какъ говоритъ, онъ самъ. Панинъ распорядился, чтобы въ пользу потерпѣвшихъ дворянскихъ фамилій, взымался извѣстный сборъ съ возмутив-

---

1) Эту связь прекрасно понимали нѣкоторые современники Екатерины и указывали на нее: Сиверсъ, Мельгун. (Рус. Ст. XVII, 684)

2) Извѣстна фанфаронада Панина на этотъ счетъ: „у нѣсколькихъ сдѣлалъ поменьше ушей и почесалъ у многихъ спины" (въ мнѣніи гр. Шувалова) Рус. Арх. 1876, II, 27 ср. 32).

шихся селеній (Сборн. VI, 146-147). Денежныя пособія, назначенныя Панинымъ для раздачи потерпѣвшимъ, изъ казенныхъ суммъ, также главнымъ образомъ или на удовлетвореніе дворянъ (ib. 99-206)[1].

Дѣло архіепископа казанскаго Веніамина и участіе духовенства въ бунтѣ. Уже послѣ поимки Пугачева былъ арестованъ и отданъ подъ крѣпкій караулъ въ своей кельѣ казан. архіеп. Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, извѣстный своими обширными увѣщаніями противъ пугачевцевъ (Чт. М. О. И. 1860, II)[2], но заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ. Противъ него было сдѣлано показаніе пугачевскимъ полк. Аристовымъ (дворяниномъ), получившимъ, будто-бы отъ него 3,000 р. (золотомъ) для самозванца. Самъ архіеп. объяснялъ, это клеветою своего діакона, который заявлялъ, что деньги были посланы Пугачеву, чтобы спасти загородный архіеп. домъ (Воскресен. мона-рь) отъ сожженія. Пугачева также допрашивали объ этомъ, но онъ отрекся отъ сношеній съ архіепископомъ. Веніаминъ оправдывался передъ Панинымъ, но онъ содержался въ заключеніи около 3.[х] мѣсяцевъ, послѣ чего Екатерина прислала ему бѣлый клобукъ и возвела въ митрополиты. Воскресенскій

---

1) Панину было назначено лично 12,000 содержанія, а на расходы — доходы съ 6 губ. Сборн. VI, 121-22.
2) Увѣщанія Варфоломея, епископа вяцкаго см. въ Рус. Стар. XVII, 392.

монастырь дѣйствительно не называется въ числѣ разграбленныхъ.[1] Но роль Веніамина въ этомъ дѣлѣ остается невыясненною. Державинъ и Потемкинъ обвиняютъ его въ измѣнѣ (зап. Держав. 520; П. С. Потемкинъ, Рус. стар. II, 407, 411, 413. Письма Екатер. II къ П. С. Потемкину 16. XIII; Панины Лебедева, 352-354; Сборн. XVII, 21). Мы знаемъ какъ дѣйствовало во (это) время пугачевщины низшее духовенство и отзывъ о немъ Панина. Въ Пензѣ пришлось запереть всѣ церкви, такъ какъ въ городѣ не нашлось ни одного священника, который-бы не былъ подвергнутъ запрещенію синода. Въ свою очередь, императрица, раздѣляя мнѣніе Панина отвѣчала ему: „Великое невѣжество духовнаго чина, примѣченное въ тѣхъ мѣстахъ, конечно, ничѣмъ поправить нельзя, окромя воспитаніемъ и поученіемъ и изъ первыхъ моихъ попеченій будетъ, послѣ прекращенія всѣхъ нынѣшнихъ хлопотъ, учрежденіе школъ, гдѣ только возможно; но тогда родится другой вопросъ объ опредѣленіи священству сходственнаго содержанія съ воспитаніемъ" (Сборн. VI, 157.)

Характеристика администраціи.

Не менѣе рѣзкую картину представляли административные порядки, царившіе въ этомъ краѣ.

---

1. Аристовъ вскорѣ отказался отъ своего показанія, будучи допрошенъ подъ пыткою кн. Вяземскій и Шешковскимъ. Лефортъ Ист. цар. Екатер. II М. 1831, III, пр. 119 стр. 77-81. Сборн. XXVII, 21.

Мы знаемъ отзывы о мѣстной сибирской и казанской администраціи въ началѣ царствованія Екатерины. Дѣйствія ф. Брандта, Рейнсдорпа и Кречетникова также намъ извѣстны. Припомнимъ отзывъ Библикова о гражданскихъ и военныхъ чиновникахъ этого края. „Слабое поведеніе въ разныхъ мѣстахъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ я почитаю столько же общему благу вредными, какъ и самъ Пугачевъ со своею сволочью." Причину такого безавторитетнаго и безотраднаго положенія администраціи, Панинъ видѣлъ въ общемъ порокѣ ея — взяточничествѣ „Не только объ нихъ судить можно какъ такъ, что напередъ раздраживъ городскихъ и уѣздныхъ жителей неправосудіемъ и лихоимствомъ, когда дошло до обороны, чувствуя народную къ нимъ недовѣрчивость, у нихъ руки упали." (Сборн. VI). Панинъ могъ убѣдиться на мѣстѣ, что какъ жителями такъ и властями овладѣлъ страхъ передъ Пугачевымъ и почти никто изъ лицъ мѣстной администраціи не заявилъ себя въ это время ни распорядительностію, ни вліяніемъ. 5 октября 1774г. Панинъ обратился къ присутственнымъ и судебнымъ мѣстамъ съ слѣдующимъ характернымъ предложеніемъ. „Я узналъ съ душевнымъ сокрушеніемъ, что въ дѣлахъ штатскаго теченія производятся безъ стыда и грѣха взятки, пристрастія и отступленія отъ правосудія и нерадѣніе къ своимъ должностямъ." Онъ

грозилъ виновнымъ строгими карами; но уже спустя мѣсяцъ (4 ноября), Панинъ издаетъ новое объявленіе о взяткахъ, въ которомъ требуетъ, чтобы жители края, съ которыхъ начальники будутъ брать какіе нибудь сборы, сверхъ положенныхъ повинностей и податей, задержавъ, не взирая ни на какой чинъ и лицо, приводить прямо къ нему для неупустительнаго по всей строгости наказанія." Тѣмъ не менѣе и это суровое обращеніе не могло принести существенной пользы; мы не видимъ фактовъ, чтобы эти угрозы имѣли дѣйствительное примѣненіе. Впрочемъ Панинъ признавалъ, что его власть безъ коренныхъ внутреннихъ реформъ будетъ безсильна. Своему брату онъ писалъ, что не смотря на всѣ его труды, канцелярское ихъ служителей многоложіе во подоимствѣ и въ прилѣпленіи всѣхъ дѣлъ отъ истины къ случаямъ сильнымъ, воспріяло прежнюю свою силу и теченіе. Но, чтобы сіе брату вашему передѣлывать, прибавляетъ онъ, то надобно всему оному напередъ перемѣниться не въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ съ казначеями и управителями, но въ ихъ источникахъ, до которыхъ можно напередъ самому десять разъ шею сломить, не исправя въ томъ ничего." (Рус. Арх. 1876, II, 28; Симбирскъ, окт. 1774 г. См. вообще переписку П. И. Панина въ Сборн. VI и Рус. Арх. 1876 г. II).

Мѣры противъ голода. Между тѣмъ обнаруживалось явленіе, грозившее новымъ народнымъ

бѣдствіемъ, что былъ — голодъ. Пугачевщина съ особенною силою проявилась во время уборки хлѣба; притомъ урожай былъ весьма плохъ и уже съ первыхъ дней своей дѣятельности, гр. Панинъ заявлялъ о предстоящемъ голодѣ. Въ то-же время Толмачевъ писалъ о неурожаяхъ въ Симбирскомъ Сызранскомъ, Саратовскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ. Въ губ. Казанской, Воронежской и Нижегородской жители употребляли хлѣбъ съ лебедою, желудями и даже съ мохомъ. Для предотвращенія ужасныхъ послѣдствій Панинъ созвалъ съѣздъ губернаторовъ въ Симбирскѣ. Послѣ этого устроены были провіантскіе магазины въ Нижегородской и Казанской губ. на 90000 четвертей хлѣба, для выдачи нуждающимся жителямъ, причемъ въ отдаленныя мѣстности хлѣбъ развозили на подводахъ. За умышленное повышеніе цѣны на хлѣбъ угрожала смертная казнь. Дворянскія ополченія, были распущены. Иностранныя колоніи, сильно пострадавшія во время пугачевщины, были снабжены хлѣбомъ. Для пріисканія работы населенію предположено было дать рабочимъ казенныя работы (постройка городскихъ стѣнъ, обведеніе рвами и т.п.) Панинъ высказалъ даже мнѣніе о необходимости увеличить количество уѣздовъ и уменьшить размѣры губерній, которое оказало свое вліяніе на изданіе указа 1775 г. о губерн.

Преобразованіе Уральскаго войска и управленія инородцевъ. Прямымъ послѣдствіемъ пугачевщины было преобразованіе ящ-

кихъ казаковъ въ уральское войско (съ переименованіемъ Яика въ Уралъ), переселеніе волжскихъ казаковъ въ предѣлы Кавказа[1] и уничтоженіе Запорожской сѣчи. Въ связи съ этимъ было обращено вниманіе на положеніе киргизовъ и башкиръ, и необходимость обезопасить торговый путь отъ Оренбурга до Бухары и Индіи. Записки по этому вопросу были составлены П. И. Рычковымъ, авторомъ лѣтописи объ осадѣ Оренбурга (Жизнь и литерат. переписка П. И. Рычкова, Пекарскаго, Спб. 1867). Уже въ 1788 г. былъ данъ указъ воронеж. ген. губ. Черткову о построеніи на большомъ Узенѣ города съ полевымъ укрѣпленіемъ и заселеніи его (П. С. Зак. № 16,608 и 16,700). Тогда же правительство озаботилось переселить киргизъ-кайсаковъ изъ дальнихъ степей во внутренность Россіи (16,686) и поселить калмыковъ на удобныхъ мѣстахъ въ Россіи (16,703). Въ Уфѣ было учреждено духовное собраніе (чле-

---

1). Еще при Петрѣ В. была основана Царицынская линія, соединявшая Донъ съ Волгой и охраненіе ея возложено было на донскихъ казаковъ. Въ Царицынской крѣпости положенъ былъ гарнизонъ въ 500 чел., а по линіи 1,600 чел. Въ 1773 г. въ это мѣсто велѣно было переселить 1,057 семействъ донскихъ казаковъ и образовать изъ нихъ Волжское казачье войско. Переселенцы заняли правый берегъ Волги отъ Царицына до Калышина. Главнымъ пунктомъ войска назначенъ былъ посадъ Дубовка. Обычаи и устройство войска были тѣ-же, что и на Дону, но вскорѣ это войско въ богатомъ и промышленномъ краѣ

ны на 3 года), для завѣдыванія всѣмъ магометанскимъ духовенствомъ въ Россіи кромѣ Таврической области; установлено испытаніе муллъ, назначаемыхъ къ этимъ народамъ. Въ числѣ членовъ собранія должны были находиться 2 или 3 муллы отъ казанскихъ татаръ, ахунъ же, находившійся въ Оренбург. области, возведенъ въ санъ муфтія, а всѣмъ имъ опредѣлено жалованіе (П. С. З. 16, 741; 16,759, 17,146). Наконецъ, увеличено число раскольъ и судовъ среди киргизовъ (16,749) башкирамъ-же разрѣшено было вступать (въ 1789 г.) въ податныя состоянія (16,824).

Награды за усмиреніе мятежа. Панинъ оставался полновластнымъ распорядителемъ въ краѣ до 9 августа 1775 г. За свою дѣятельность по усмиренію Пугачевщины, онъ получилъ бриллiантовую шпагу, алмазные знаки, орденъ св. Андрея Первозваннаго и 60000 р. сер. (Лебедевъ, 128–129; Анучинъ, Р. В. 1869 г. № 4. П. С. Потемкинъ получилъ шпагу, украшенную алмазами (Б. Каменскій, IV). Михельсону императрица дала орденъ св. Георгія (Зап. Бибикова, 137), шпагу, украшенную алмазами (въ сент. 1774 г. Сборн. XIII, 444), 6000 душъ крестьянъ (авгус. 1774. Ср. Рус. Стар. 1876, т. XV, 203. Біогр. Михельсона – 1500 д. въ Витеб. губ.) Маврину

утратило
свою воинственность. Въ 1770 г. отсюда было переселено 577 семействъ на Терекъ, гдѣ образовали моздокскій казачій полкъ. Во время пугачевщины Волжское войско могло выставить 1000 всадниковъ. Въ 1776 г. все войско было переселено на Терекъ и вошло въ составъ Астраханскаго войска. Анучинъ. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 4, 628–630.

— 400 душъ; полковн. Симонову 500 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи (Арх. госуд. Сов., I, 454); Фонвизину 370 д. крестьянъ, а женѣ его 200 р. (Соч. Державин. V, 265, 275, 295. XVIII вѣкъ, III, 228–234); Меллину и Муфелю по 300 душъ, прочимъ членамъ слѣдственной коммиссіи и офицерамъ 200–80 душъ и пенсіи (по 100 р.), а нижнимъ чинамъ денежное вознагражденіе (ib. V, 115 и Руничъ 162); дворяне, заявившіе себя особеннымъ мужествомъ во время пугачевщины, пожалованы чинами (ib 165, 180). Но Державину, также получившему 300 душъ въ Бѣлоруссіи, пришлось добиваться этого самому и прибѣгать къ ходатайству Потемкина. Онъ долженъ былъ прежде написать свои читалагайскія оды, въ которыхъ (въ которыхъ) сравниваетъ Пугачева съ Катилиною (ib. 152–159). Екатерина высказала даже при этомъ намѣреніе наградить деревнями всѣхъ тѣхъ, которые во всякой другой войнѣ заслужили бы кресты (Рус. Стар. 1875, XIII, 118–119, XV, 202–203.). Мы знаемъ, что многіе изъ конфедератовъ вступили въ полки Пугачева, но жестокости его на правомъ берегу Волги вызвали въ большей части ихъ отверженіе и они оставили его войска. Пулавскій принималъ потомъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева, за что получилъ право возвратиться потомъ въ отечество (Рус. Стар. XIII, письма Екатерины II. къ П. С. Потемкину, 119).

Панинъ послѣ усмиренія пугачевщины оставался сенаторомъ (Б. Каменскій IV) и членомъ императорскаго Совѣта (Арх. госуд. Сов. I,). Михельсонъ уча-

ствовалъ въ войнѣ противъ шведовъ въ царствованіе Екатерины II, а при Александрѣ I противъ турокъ. О кн. П. М. Голицынѣ встрѣчается разсказъ, что будто-бы обратилъ вниманіе на себя своею красотою и возбудилъ тѣмъ неудовольствіе Потемкина, племянникъ котораго (по женѣ) Шепелевъ вызвалъ его на дуэль и Голицынъ сдѣлался жертвою послѣдней (Замѣтки Пушкина). Но этотъ разсказъ не подтверждается, хотя Голицынъ дѣйствительно умеръ въ годъ казни Пугачева (Рус. Стар. 1870, II, 399 и Рус. Арх. 1867, 479).

<u>Общій убытокъ отъ мятежа</u>. Общее количество павшихъ въ пугачевщину насчитываютъ болѣе 100,000 чел. (Рус. Арх. 1879, III, 458. Мордовц. Полит. движ., I, 80). Оренбургскіе и сибирскіе заводы были страшно опустошены, а нѣкоторые изъ нихъ потомъ даже вовсе не возобновлялись. Интересно однако то, когда правительство потребовало справку о положеніи заводовъ, то управленіе нижне-тагильскихъ заводовъ отвѣчало, что во время битвы съ пугачевцами было убито 10 чел., за которые слѣдуетъ уплатить по 250 р., т.е. 2500 р. (Рус. Стар. XII, 540-544). Въ разныхъ городахъ Поволжскаго края было роздано пособій 161-му человѣку въ количествѣ 78,657 р. а въ Оренбургскомъ краѣ 277-ми фамиліямъ, въ количествѣ 20,650 р., а всего 1,038 семейст. въ размѣрѣ 99,309 р. 81 к. (Сборн. VI, 217-218). До половины милліона руб. было назначено для раздачи дворянамъ, потерпѣвшимъ отъ возмущенія (Гуннинъ, Сборн. XIX, 457) По

По словамъ же Державинъ, одно истребленіе дѣлъ, квитанцій и счетовъ въ Опекунской конторѣ, завѣдывавшей колонистами, грозило казнѣ убытками въ 7 мил. р. (Соч. V, 181). Англійская торговля въ Оренбургѣ значительно пострадала (Сборн. XIII, 391–392). Прекращеніе же сообщеній съ Сибирью и возмущеніе, распространившееся тамъ, отразилось на торговлѣ съ Китаемъ (ib. 393). Пугачевщина имѣла также вліяніе на условія мира съ Турціей (Сборн. XIX, 403).

Результаты его. Не смотря на очевидный успѣхъ Пугачева, дѣло его не привело къ тому результату, о которомъ онъ мечталъ. Программа его переворота, какъ и Болотникова, въ смутное время, отличалась отрицательнымъ характеромъ: она вела къ разрушенію, не болѣе. Рядомъ съ Пугачевымъ мы не видимъ ни одной личности, которая отличалась-бы организаторскимъ талантомъ. Высшій идеалъ этого движенія представлялся въ казачествѣ; въ его пользу приносились всѣ другіе интересы. Понятно, что подобный идеалъ не могъ удовлетворить умѣреннаго большинства. Намъ извѣстенъ голосъ земщины въ смутное время противъ казачества. Оно могло существовать на Украинѣ, но не среди населенія, привыкшаго уже къ гражданскому быту. Во второй періодъ пугачевщины выдвигается крестьянское движеніе. Этотъ періодъ можетъ быть названъ настоящей жакеріей и она выразилась въ тѣхъ-же общихъ чертахъ: истребленіемъ ненавистнаго служилаго и дворянскаго классовъ и поживой на счетъ сбереженій этихъ

классовъ и казны. Но это движеніе должно было потерпѣть неудачу противъ правильныхъ войскъ и голода, заставившаго подумать о немъ. Походъ Панина былъ только карою за эти бѣдствія, полнымъ торжествомъ репрессивныхъ мѣръ, вынужденныхъ военнымъ положеніемъ края. Но и Панинъ, какъ и Бибиковъ, долженъ былъ признать ненормальность въ самомъ порядкѣ вещей; въ мѣстныхъ отношеніяхъ; въ необходимости административной и духовной реформы; потребность въ школѣ; измѣненій въ мѣстныхъ особенностяхъ края.

Празднованіе заключенія мира съ Турціей. Вскорѣ послѣ казни Пугачева, императрица отправилась въ Москву (сюда она пріѣхала 25 янв. 1775 г.), гдѣ долженъ былъ праздноваться миръ съ Турціей. Путешествіе императрицы, окруженное большимъ блескомъ, отличалось весьма набожнымъ характеромъ. Государыня не пропускала ни одной церкви, ни одной часовни, не обаривъ ее образомъ или другой церковной утварью. За нею слѣдовалъ особый экипажъ съ большимъ образомъ, украшенный дорогой ризою, жемчугомъ и бриллiантами, который назначался для Успенскаго собора. Въѣздъ въ Москву совершился черезъ Тріумфальную арку, при огромномъ стеченіи народа, который велъ себя довольно сдержанно и съ особенною радостью встрѣтилъ вел. кн. Павла Петровича. Блюмъ, Гіогр. Сиверса, II, Рус. Вѣстн. 1865, №№ 2, 155-158

Въ Царскомъ Селѣ императрица воздвигла изъ уральскаго и финляндскаго мрамора обелискъ въ память Ка-

гума и Чесмы (Яковкинъ, Ист. Ц. Села, III, Колотовъ, II, 220, Сборн XIII, 146–147, XXVII, 60–62). Гр. Румянцеву были пожалованы: фельдмаршальский жезлъ, украшенный алмазами, шпага, украшенная алмазами, лавровый вѣнокъ, масличная вѣтвь, титулъ „Задунайскаго", орденъ св. Андрея Первозваннаго съ алмазами, медаль съ его изображеніемъ „для увеселенія его" 50,000 душъ, 100,000 р. „на постройку дома и картины для его украшенія, серебряный сервизъ на 40 персонъ"[1]; дарили виновникамъ торжества (кн. В. М. Долгорукому, гр. А. Г. Орлову, фельдм. кн. А. М. Голицыну, гр. П. И. Панину) — титулы (Крымскаго, Чесменскаго), знаки отличія, сервизы и денежныя награды (всего 180,000 р.). Флотскому экипажу, участвовавшему въ битвахъ въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ, выдано было 375,664 р. (Колотовъ, II, 261.) Остальнымъ участникамъ назначены деньги и крестьяне (ib. Сборн. XXVII, 42–43). Заключеніе мира сопровождалось сложеніемъ нѣкоторыхъ повинностей; купцы всѣхъ гильдій освобождались отъ подушной подати, съ замѣною ее 1% сборомъ съ объявленнаго капитала и получили право откупаться отъ рекрутства (5 тыс.)[2]; участникамъ пугачевскаго бунта дарованo прощеніе (снято проклятіе, Сборн. XXVII, 25); присужденные къ смер-

---

1) Объ этомъ Екатерина писала и Гримму. Рус. Арх. 1878, IV, 21.

2) По поводу этихъ льготъ, въ ущербъ несостоятельнымъ и низшимъ классамъ, неодобрительно отзывался Сиверсъ (Рус. Вѣстн. №3, 158–159, 1865), а потомъ Винскій (Рус. Арх., его записки).

В. Чистяковъ

тной казни, сосланы въ работы; присужденные къ тѣлесному наказанію — на поселеніе; взысканіе и тюремное наказаніе, назначенные подъ лѣтъ, продолжающимся свыше 10 лѣтъ, отмѣнены; содержавшіеся въ тюрьмахъ за казенные и частные долги свыше 5 лѣтъ — освобождены, бѣглые прощены, если явятся въ теченіе 1775-76 г.г. Освобожденнымъ на волю помѣщикамъ разрѣшено записаться въ свободное состояніе. Торжество мира сопровождалось, по обыкновенію, хвалебными рѣчами императрицѣ, придворными празднествами и народными праздниками. Для народа были выставлены на площади жареные быки на пирамидахъ, а изъ фонтановъ лилось вино. Народныя игры, хожденіе по канату, франц. комедія, фейерверки, дополняли картину народныхъ ликованій (Болотовъ, II, 176-202, 259-261, Сумароковъ, II, 10-19, Лефортъ, III, 143 и примѣч. 18. Гуннинъ, 455 [1]). Послѣ этихъ торжествъ она совершила пѣшкомъ путешествіе къ Сергію Радонежскому

---

1) Она хотѣла, чтобы Румянцевъ вступилъ въ Москву на колесницѣ, по обычаю римскихъ полководцевъ, чрезъ богато украшенную арку; но онъ просилъ освободить его отъ этой чести. Сумарок. II 34; Сборн. XXVII, 44. Трофеи морскихъ побѣдъ были положены у гроба Петра В., какъ основателя русскаго флота, ib., 93.

2) „Я не пожелала воздвигать никакихъ храмовъ ни Минервѣ, ни Янусу, ни черту, ни его бабушкѣ, но у насъ будетъ представлено на твердой землѣ Черное море со всѣми пріобрѣтеніями Россіи и т.к. к. это будетъ направировано, то одинъ изъ оттисковъ я пришлю вамъ", писала Екатерина Гельке. Сборн. XXVII,

со всѣми удобствами и большою торжественностью (Сумароковъ, II, 4)[1].

Состояніе духа императрицы и заботы о преобразованіяхъ въ имперіи. Но общее настроеніе Екатерины не гармонировало съ этими увеселеніями. Гуннингъ писалъ гр. Суффольку секретно, вскорѣ по прибытіи императрицы въ Москву: „Во все время церемоніи со стороны народа почти не было возгласовъ или вообще какого-бы то ни было выраженія удовольствія" (XIX, 448). Она была недовольна даже за вниманіе, оказанное въ Москвѣ вел. князю (451). Уже во время пугачевщины было сдѣлано заявленіе императрицѣ о необходимости существенной перемѣны во внутренней политикѣ (429). Она признала всю важность мнѣнія П. И. Панина относительно лихоимства чиновниковъ (Уч. Зап. Ак. Н. VII, 158). Она обѣщала заняться школами, когда утихнетъ пугачевщина. Въ мартѣ 1775 г. Гуннингъ писалъ: „Е. И. В. большую часть этой зимы занималась пересмотромъ Уложенія ц. Алексѣя Мих. и мнѣ передавали, что она въ непродолжительномъ времени намѣревается напечатать его съ нѣкоторыми измѣненіями и дополне-

---

45, Описаніе торжества въ письмѣ Екатерины стр. 48-49. По ея словамъ на немъ присутствовало 60-100 чел. и 4,000 экипажей, но все обошлось безъ малѣйшаго приключенія". Почти дословно и Вольтеру, 55-56.

1) Изъ Москвы импер-ца съѣздила въ Волоколамскъ, Звенигородъ, Коломну, Серпуховъ, Тулу, Калугу, очень мѣрѣ подробныхъ свѣдѣній Рус. Арх. 1878, III, 26.

ніями, послѣ чего она распустить коммиссію депутатовъ, созванныхъ для составленія новаго свода законовъ" (453). Мысль Панина объ искорененіи лихоимства и необходимости увеличенія числа губерній получила теперь практическое осуществленіе. Въ 1775 г. она благодарила кн. Волконскаго за проектъ его о губерніяхъ и судебныхъ учрежденіяхъ (XVIII вѣкъ, I, 160). Въ этомъ проектѣ кн. Волконскій прямо говоритъ, что бунтъ Пугачева и т. п. обстоятельства убѣдили его въ томъ, что есть „недостатокъ въ самомъ положеніи государственнаго правленія, вышедшемъ изъ порядка черезъ разныя причины". Основная мысль его проекта состоитъ въ децентрализаціи коллегій (перенесеніе ихъ въ провинціи — губерніи) и суда (Сборн. V 122-127) и этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 г. Мы разсмотримъ его въ своемъ мѣстѣ. Вопросу о народномъ образованіи значительное мѣсто будетъ отведено также въ слѣдующемъ періодѣ.

Крестьянскій вопросъ. Но самымъ неподдающимся на какія-бы то ни было сдѣлки вопросомъ былъ крестьянскій вопросъ. Однако мы имѣемъ данныя для того, чтобы судить, какъ понимала этотъ вопросъ Екатерина. Вотъ, что писала она кн. Вяземскому, въ томъ-же 1775 году: „пророчествовать можно, что если за жизнь одного палѣщика въ отвѣтъ и наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ и что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромя тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ

избѣгнуть не можно".

„Генеральнаго освобожденія несноснаго жестокаго ига не воспослѣдуетъ, ибо не имѣвъ обороны ни въ законахъ и нигдѣ, слѣдовательно всякая малость можетъ ихъ привести въ отчаяніе; кольми паче мстительный такой законъ, какъ сенатъ вздумалъ не кстати и не въ ладу издать, и тк. прошу быть весьма осторожну въ подобныхъ случаяхъ, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, если въ новомъ узаконеніи не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій; ибо если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости, и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то противъ нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно." (XVIII вѣкъ, III, 390). Еще въ бытность свою въ Москвѣ она получила письмо, въ которомъ говорилось, что помѣщичьи люди въ Москвѣ и другихъ городахъ намѣрены были 6 дек. 1775 г. отложиться отъ власти помѣщиковъ (Рус. Арх. 1864 г. 428). Правительство ограничивалось частными мѣрами и предостереженіями и вотъ въ тотъ-же 1775 г. Сиверсъ писалъ Екатеринѣ, что огромная часть ея подданныхъ, крѣпостные, лишены ея милостей. Для самой Екатерины вопросъ объ освобожденіи крестьянъ представлялся въ какомъ то заколдованномъ кругѣ. „Да, дѣло не легкое оно не мало меня озабочиваетъ, и все таки оно остается въ одинаковомъ положеніи", сказала она однажды Дашкову. „Я боюсь не вышло бы изъ этого чего либо въ родѣ американскаго колоніальнаго дѣла; если только я его затрону. Гдѣ только начнуть его трогать, оно нигдѣ не поддается". Императрица Марія

Терезія, при всемъ своемъ стараніи, не подвинулась ни на шагъ. И мнѣ предстоятъ тѣ-же трудности, онѣ окажутся еще большими, когда только пришлось дѣйствовать. Однако, какъ знать! Удалось-же мнѣ окончить многія другія дѣла. Я надѣюсь, что обстоятельства сложатся такъ, что не пойдутъ на перекоръ моимъ намѣреніямъ" (Рус. Стар. XVII, 14-15) Вышло однако иначе.

Крѣпостному праву суждено было процвѣтствовать до нашихъ дней, не смотря на положительное намѣреніе импер. Александра I дать свободу крестьянамъ и на цѣлый рядъ комитетовъ, обсуждавшихъ ограниченіе крѣпостнаго права въ царствованіе Николая I. Такъ медленно совершаются аграрныя реформы во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ, начиная отъ революціонныхъ попытокъ Гракховъ до ирландскаго вопроса въ наши дни.

Послѣдующіе Самозванцы. Точно также не исчезла съ Пугачевымъ и идея самозванства во имя Петра III. Такъ вскорѣ послѣ Пугачева, въ той же мѣстности, появляется самозванецъ Замѣтаевъ (Мордовц. Самозв. II, 27)[1], а въ 1785г. другой лжепетръ, казакъ Ханинъ (въ Дубовкѣ, ib. I, 269). Въ 1787-8г. солдатъ Дмитріевъ распространилъ слухъ, что въ крымской арміи находится императоръ Петръ III, украденный изъ Царицына донскими казаками. Его подвергли влѣсто пы-

1) Не тотъ-ли Метелька, о которомъ говоритъ Екатерина въ письмѣ къ Потемкину (1774г.)? Сборн. Р. И. О. XXVII, 17.

тки наказанію батогами и потомъ признали слова его сказанными по невѣжеству и въ пьянствѣ (Рус. Арх. 1878 г. II, 479). Въ 1788 г. въ Кіевѣ появился нѣкто Бунинъ, называвшійся Петромъ III (Рус. Арх. 1871, 2, 055; Зап. Гибик., 40). Кромѣ того, въ томъ-же году была сдѣлана попытка самозванства подъ именемъ Іоанна VI (промотавшимся кременчугскимъ купцомъ Тимоѳеемъ Курдиновымъ) въ Ливоніи (XVIII в., I, 398-402). Однако всѣ они не имѣли уже успѣха. Пугачевщина дорого обошлась русскому народу, чтобы рисковать на новое подобное предпріятіе. Но на Уралѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе о Пугачевѣ, какъ императорѣ Петрѣ III (Пушкинъ, Витевскій)

Оглавленіе.

стр.

Лекція 24. Послѣдствія избранія Станислава Понятовскаго для Россіи. Политика Фридриха II. Отношенія Австріи и Франціи. Отношенія къ Турціи. Положеніе Швеціи. Отношенія къ Англіи. Дѣйствія Россіи и Англіи въ Швеціи. Сѣверный союзъ. Политическія интриги. Наставленія кн. Репнину. Польша и Пруссія. Поступки Фридриха II. Диссидентскій вопросъ. Положеніе Станислава Понятовскаго. Дѣйствія кн. Н. В. Репнина. — 1.

Лекція 25. Образованіе диссидентскихъ конфедерацій въ 1767 г. Положеніе русскаго посла въ Варшавѣ. Рѣзкій кн. Репнина съ польскимъ правительствомъ. Дѣйствія сеймовъ. Политика Фридриха II. Отношенія къ Турціи и Швеціи. Рѣшеніе коммиссіи по диссидентскому вопросу. Отзывъ Гарриса о Репнинѣ. Мнѣніе Репнина о положеніи вещей въ Польшѣ. Образованіе враждебныхъ Россіи конфедерацій. Усложненіе политическихъ отношеній въ Польшѣ. Дѣйствія Франціи въ Турціи. Движеніе гайдамаковъ. Разрывъ съ Турціей. Положеніе противниковъ и союзниковъ Россіи. Отозваніе Репнина. Положеніе конфедератовъ. Инструкція кн. Волконскому. — 22

Лекція 26. Приготовленія къ первой турецкой войнѣ. Новые налоги. Императорскій совѣтъ. Рекрутскіе наборы. Отношеніе къ православному Востоку. Самозванецъ Степанъ Малый. Положеніе Турціи. Планъ военныхъ дѣйствій турокъ и конфедератовъ. Планъ русскихъ воен-

ныхъ дѣйствій. Отношенія къ Пруссіи. Русскій флотъ. Составъ русской арміи. Первыя дѣйствія конфедератовъ и татаръ. Виды Франціи. Дѣйствія русскихъ подъ Каменцомъ и Хотиномъ. Назначеніе гр. Румянцева главнокомандующимъ. Дѣйствія на Кавказѣ въ 1769г. ——— 57

Лекція 27. Отзывъ о кампаніи 1769г. Фридрихъ II и Іосифъ II. Франція и Россія. Данія и Англія. Турція. Состояніе русскаго войска. Молдавія и Валахія. Планъ дѣйствій Румянцева въ 1770г. Военныя дѣйствія. Результаты военныхъ дѣйствій въ 1770г. Дѣйствія русскаго флота. Дѣла за Кавказомъ. Дипломатія. Роль Фридриха II. Свиданіе его съ Іосифомъ II въ Нейштадтѣ. Другія державы — — — — — — — — — 76

Лекція 28. Дѣйствія конфедератовъ въ 1770г. Отношеніе русскаго правительства къ польскимъ дѣламъ. Планъ дѣйствій Румянцова въ 1771 году. Дѣйствія въ Крыму и на Кавказѣ. Русскій флотъ въ 1771 году. Положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Роль Станислава Понятовскаго. Состояніе русскаго войска въ Польшѣ. Поступки пруссаковъ въ Польшѣ. Отношенія Фридриха II къ русской политикѣ. Вопросъ о раздѣлѣ Польши. Швеція. Густавъ III. Перемѣна министерства въ Даніи. Появленіе чумы въ предѣлахъ Турціи и Россіи. Чума въ Москвѣ. Бунтъ въ Москвѣ. Убіеніе архіепископа Амвросія. Дѣятельность гр. Г. Орлова въ Москвѣ. — — — — — — — — — — — — — — — — — — — 105

Лекція 29. Положеніе Польши въ началѣ 1772г. Переговоры о раздѣлѣ Польши. Отношенія Россіи къ другимъ державамъ во время переговоровъ о раздѣлѣ. Первый раздѣлъ Польши. Переговоры въ Фокшанахъ и удаленіе отъ двора гр.

Г. Г. Орлова. Переговоры въ Бухарестѣ. Судьба конфедератовъ. Дѣйствія Сальдерна и Зибикова въ Варшавѣ. Первые результаты раздѣла Польши. Рѣшеніе диссидентскаго вопроса. Домогательство у Екатерины пр. Генриха прусскаго. Общее заключеніе о состояніи Польши. — — — — — — — — — — — — 145

Лекція 30. Кампанія 1773 года. Недовольствія противъ Румянцова. Перемѣна въ Крымѣ. Политика Фридриха II и отношенія Россіи къ другимъ державамъ. Переговоры о мирѣ и условія мира. Дѣйствія русскаго флота въ 1773—74 гг. Бунтъ Пугачевскаго. Самозванка Тараканова. Ея показанія. — — — — 175.

Лекція 31. Внутреннее состояніе Россіи во время первой турецкой войны. Учрежденіе при дворѣ Совѣта. Сенатъ. Привилегированныя провинціи. Бѣлоруссія. Устройство Бѣлорусской церкви. Распоряженія относительно иновѣрцевъ и иностранныхъ колонистовъ. Русская колонизація. — — — — 196

Лекція 32. Устройство городовъ. Военныя издержки. Соляная часть. Таможенное управленіе. Введеніе откупныхъ. Общее состояніе финансовъ. Ассигнаціонный банкъ. Подделка ассигнацій. Судныя кассы при воспитательномъ домѣ. Торговля и промыслы. Заботы о продовольствіи населенія. Постановленія о крестьянахъ — — — — — — — — — — 216

Лекція 33. Заботы объ образованіи. Слѣды дѣятельности комиссіи уложенія. Разборы духовенства. Мѣры касательно церковнаго благочинія. Расколъ и Ереси. Отношенія къ малометанамъ. Протестъ по поводу вѣротерпимости. Семейныя дѣла Екатерины II. Женитьба вел. кн. Павла Петровича. Положеніе молодаго двора. Г. А. Потемкинъ. Отзывы о Потемкинѣ — — — — — — — — — — — — — — — — 238

Лекція 34. Положеніе вопроса о пугачевщинѣ въ ли-

тературѣ. Матеріалы. Новыя изслѣдованія. Взгляды на пугачевщину, существующіе въ литературѣ.--- 271

Лекція 35. Очеркъ происхожденія и устройства Яицкаго войска до Екатерины II. Дѣятельность И. И. Неплюева. Церковный вопросъ на Яикѣ. Внутреннія несогласія на Яикѣ. Яицкое войско передъ пугачевщиною. Состояніе раскола на Яикѣ. Значеніе скитовъ ------ 291

Лекція 36. Крестьяне въ первый періодъ царствованія Екатерины II. А) помѣщичьи; а) оброчные крестьяне. в) Барщинные крестьяне. Ссылка крестьянъ. Дворовые. Управленіе и наказанія. Переселенія крестьянъ. Крестьянскіе браки. Управленіе помѣщичьими крестьянами. Содержаніе крестьянъ и ихъ хозяйство. Права крестьянъ. Недовольство крестьянъ своимъ положеніемъ. Посессіонные крестьяне. Положеніе посессіонныхъ крестьянъ. Волненія фабричныхъ крестьянъ.--- 324

Лекція 37. Крестьяне дворцоваго вѣдомства. Казенные крестьяне. Однодворцы. Подати и оброкъ. Несостоятельные дворяне. Популярность имени Петра III. Заселеніе Иргиза. Современные взгляды на положеніе крестьянъ. Самозванцы до Пугачева. Благопріятныя условія Поволжскаго края для народнаго движенія. Крестьянскій характеръ Поволжія. Участіе конфедератовъ. Взглядъ на первыя дѣйствія Пугачева.------ 356.

Лекція 38. Происхожденіе и личность Самозванца. Первые пособники Пугачева. Военныя дѣйствія. Виды самозванца. Устройство его лагеря. Связь съ именемъ Петра III. Слухи о Пугачевѣ и распоряженія правительства. Расположеніе войскъ. Отзывы Екатерины о

бунтъ. Назначеніе Кара и его средства. Дѣйствія Кара. Послѣдствія неудачъ Кара. Оцѣнка дѣйствій Кара. — — —

говоромъ надъ Пугачевымъ. - 467

Лекція 42. Мѣры для усмиренія края, объятаго мятежемъ. Число потерпѣвшихъ во время бунта. Образъ жизни Панина. Наказанія виновныхъ. Дѣло архіепископа Казанскаго Веніамина и участіе духовенства въ бунтѣ. Характеристика администраціи. Мѣры противъ голода. Преобразованіе Уральскаго войска и управленія инородцевъ. Награды за усмиреніе мятежа. Общій убытокъ отъ мятежа. Результаты его. Празднованіе заключенія мира съ Турціей. Состояніе духа императрицы и заботы о преобразованіяхъ въ имперіи. Крестьянскій вопросъ. Послѣдующіе самозванцы. - - - - - - - - - - 488

2007041468